

Библиотека советской фантастики

ВАДИМ ШЕФНЕР
**СКРОМНЫЙ
ГЕНИЙ**

Вадим Сергеевич Шефнер родился в Петрограде в 1915 году. Он и сейчас живет и работает там же. Он — поэт, автор многих поэтических сборников; он — писатель, автор повестей, рассказов, романов главным образом о Ленинграде периода первых пятилеток и тяжелых лет Отечественной войны. Шефнер — писатель-фантаст, автор «полувероятных историй», автор сказочной фантастики. Его первая фантастическая повесть «Скромный гений» появилась в 1963 году. Затем в 1965 году в сборнике «Счастливым неудачником» и в 1968 году в сборнике «Запоздалый стрелок» наравне с просто прозаическими повестями и рассказами публиковались фантастические произведения. В 1970 году в т. 19 Библиотеки современной фантастики опубликована повесть «Девушка у обрыва», там же в предисловии к ней писатель высказывает свое кредо в отношении к фантастике. В 1971 году в издательстве «Знание» вышел первый сборник фантастических произведений Вадима Шефнера, в который вошли повести «Девушка у обрыва», «Круглая тайна» и «Дворец на троих, или Признание холостяка».

Библиотека советской фантастики

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1974

P2
Ш53

Художник Н. КУЗНЕЦОВ

Шефнер В. С.

Ш53 Скромный гений. Фантастические повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1974.

272 с. с ил. (Б-ка советской фантастики). 100 000 экз., 40 к.

В сборнике известного поэта и писателя пять фантастических повестей. В них он остается верен своей основной теме: глубокий анализ человеческих характеров, взаимоотношения людей, нравственные ценности — вот о чем повествует в своих «полувероятных» историях Вадим Шефнер.

Ш $\frac{0732-177}{078(02)-74}$ 160-74

P2

Ш $\frac{0732-177}{078(02)-74}$ 160-74

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

«ПОЛУВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ»

В повестях Вадима Шефнера, собранных в этой книге, есть и представители внеземных цивилизаций, обладающие, как им и положено, невероятными техническими возможностями, есть и земные изобретатели, иные из которых не прочь посредством чудодейственных приборов и микстур осчастливить человечество, но сам писатель не склонен слишком уж серьезно относиться к «научно-фантастической» стороне своих произведений. Наверно, поэтому он и называет их то «полувероятной историей», а то и просто «повестью-сказкой».

Некоторые ситуации в повестях Вадима Шефнера таковы, что могут даже навести на подозрение: уж не вышучивает ли автор саму фантастику, не пародирует ли кое-какие ее мотивы и атрибуты?

Действительно, он не отказывает себе в удовольствии слегка подтрунить над «пришельцами», тайно проживающими на нашей Земле, или над изучающими нас загадочными аппаратами.

Было бы, однако, неверно полагать, будто Вадим Шефнер тем только и занят, что пародирует плохую, шаблонную фантастику, навязчивость ее типовых приемов. Но писателя и в самом деле не очень волнует «вероятность» его собственной фантастики — она в этом смысле совсем не научна. Здесь это скорее одно из средств гротескно-лирического «смещения» действительности — ради разговора о людях, их характерах и нравственных ценностях.

Внеземной черный шар, неотступно следующий за Ю. Лесоваловым («Круглая тайна»), сам по себе мало интересует автора — откуда он прибыл, каковы принципы и цели его действия. Не очень удивляет шар и главного героя повести — он воспринимается им как необычное, но все-таки чисто житейское неудобство. Погружением в быт и бытовое мировосприятие поразительность фантасти-

ческого факта подчеркнута, но во многом и комически преобразена. Содержателен фантастический факт в своем отношении к сущности и судьбе героя: шар создает обстоятельства, провоцирующие его духовно-нравственные возможности.

Точно так же невероятные изобретения Сергея Кладезева («Скромный гений») или Алексея Возможного («Запоздалый стрелок») важны не сами по себе, не теми горизонтами, которые они открывают перед человечеством — в этом смысле они совершенно сказочны, — а воплощенной в них «душевной реальностью». И так, или почти так, везде.

Свойства художественного мира в «полувероятных историях» и «повестях-сказках» Вадима Шефнера, конечно, не вполне обычные, но не так уж и исключительны: они имеют какие-то соответствия и в литературе XVIII века, и в нашей прозе 20-х годов, а отчасти и в современной фантастике.

Но что действительно неожиданно в повестях Вадима Шефнера, так это их герой. Ибо в отличие от традиционного героя научно-фантастической литературы, неизменно остающегося на высоте положения и с гордо поднятой головой выходящего из любых испытаний, он отнюдь не может быть назван покорителем обстоятельств. Больше того, Вадим Шефнер словно бы нарочно упускает для своего героя все благоприятные возможности, явно стремясь закрепить его в ампула неудачника.

Зачем это делает писатель? Не для того ли, чтобы заставить нас бесконечно сострадать его героям и тем самым пробудить более чутко и гуманно относиться к людям? Тут все дело в том, как писателем понимается неудача. Не только отрицательный смысл этого слова, но нередко и драматический оттенок в его значении в повестях Вадима Шефнера сняты. Отсюда и столь парадоксальное название одной из них — «Счастливым неудачник».

Оказывается, неудачи — это не так уж и плохо: они или приводят героя к счастью, или, во всяком случае, помогают избежать большей беды. В авторском предуведомлении к повести так прямо и сказано: есть люди, которые каждую мелкую неудачу «воспринимают как жестокий приговор судьбы... Вот я и хочу придать им бодрости и по мере сил доказать, что неудачи часто ведут к удачам».

Впрочем, дело, конечно, не в этой «полусерьезной» философии, потому что главная удача героя повести — его характер, его молодая открытость миру, какая-то внутренняя неуязвимость. Поэтому-то рассказ о больших и малых его неприятностях ведется весело.

Вадиму Шефнеру не чуждо стремление в самом «душевном со-

ставе» человека искать и находить свойства, которые делали бы его нечувствительным к ударам судьбы, к тем или иным неблагоприятным жизненным обстоятельствам. Отсюда-то, надо думать, и мотив «счастливого неудачника». Но не в меньшей мере интересует писателя другое — зависимость «удач» и «неудач» героя от самой его личности. Когда на первый план выходит эта тема — а так обыкновенно и бывает в повестях Вадима Шефнера, — разговор о «неудачах» и «неудачниках» нередко приобретает отчетливый нравственно-гуманистический смысл и становится по-настоящему общезначимым.

Степану, герою повести «Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного», тоже фатально не везет. Приняв, к примеру, для проверки на себе изобретенный провизором Валентином Валентиновичем «Прогресс-волосатин», он не только весь покрывается зеленой шерстью, но и попадает из-за этого в очередную полосу неудач: за неприличный вид его выгоняют из санатория, его бросает девушка, которой он отчасти нравился, ему приходится уйти из техникума и т. д.

Повесть названа сказкой, и завершается она в соответствии с традицией: герой получает вроде бы полное возмещение за все свои неудачи.

Однако, обретя благополучие и признание окружающих, Степан стал испытывать иногда странное состояние, неведомое ему раньше: «Изредка, по ночам, когда в доме все спят, а мне не спится, меня охватывает нелепая грусть по моему бестолковому прошлому». Тем самым полнота бытия не только отделена в повести от «удачи», но, в сущности, и противопоставлена ей. Превратившись в счастливого семьянина и ценимого начальством образцового служащего, Степан оказался отторгнутым как раз от тех обстоятельств, в которых находили наиболее активное выражение самые живые свойства его души: простодушная доверчивость, доброта, бескорыстная готовность помочь первому встречному, а то и всему человечеству.

«Неудачника» в повестях Вадима Шефнера нередко сопровождает «преуспевающий», и здесь «удача» окончательно переосмысливается, обращаясь в прямое средство негативной характеристики героя.

Подход к «удаче» и «неудаче» исключительно с точки зрения душевных свойств людей, их нравственного уровня, естественно, мог быть наилучшим образом осуществлен именно в условной форме фантастико-гротесковой повести, где писатель более свободен в конструировании ситуаций, где он может акцентировать до видимого неправдоподобия одни стороны характера и нейтрализовать, отодвинуть или полностью стушевать другие, где, наконец,

есть возможность ввести новое, бытовое измерение в разговор о самых, казалось бы, обыденных человеческих отношениях, укрупнить тему, придать ей масштабность и внутреннюю перспективу. Последнее заслуживает особого внимания, ибо здесь-то и совершается становление одной из нравственно-философских идей писателя.

Повести Вадима Шефнера переполнены графоманами и бесталанными изобретателями, требующими к себе внимания тем большего, чем нелепее их стихи и технические идеи. «Желание славы» томит и начинающего журналиста Ю. Лесовалова из «Круглой тайны», избравшего в предвкушении громкой известности звучный псевдоним «Анаконда». Поверхностные и суетные чувства, мелкие расчеты делают его, по воле фантастического случая, объектом своеобразного нравственно-психологического эксперимента, проводимого некой внеземной цивилизацией: получив 10 тысяч рублей и не умея ими достойным образом распорядиться, он попадает в положение, из которого в прежнем своем качестве не может выбраться. И лишь обретя способность к самоотверженным и безрасчетным действиям, к долгим лишениям и труду в почти безнадежной ситуации, научившись думать и страдать не о себе одном, он вновь получает свободу.

Дело, таким образом, не в том, как могло бы показаться на первый взгляд, что герой сначала совершает этически не вполне безупречный поступок, соблазнившись незаработанными, даром доставшимися деньгами, а потом его искупает, продемонстрировав похвальную готовность их вернуть, — если бы все свелось только к этому, мы имели бы плоский правоучительный сюжет. И гость из космоса был бы просто неуместен. Но моральный смысл повести богаче, и фантастическое «искушение» человека неземной силой обладает в ней внутренней соразмерностью: сам того не зная, Ю. Лесовалов держит экзамен за все человечество. И когда шар, покидая героя повести, оставляет на стене постепенно меркнущие слова: «Отбываю ЗПТ убедившись в ценных душевных качествах рядового жителя данной планеты ТКЧ Отныне Земля будет внесена в реестр планет ЗПТ с которыми возможен дружественный контакт ТКЧ Благодарю за внимание». Этот «взгляд из космоса» словно бы проясняет для нас «базисное» значение «обыкновенности» Ю. Лесовалова. В полноте нравственных движений души, в способности любить и переживать «чужую» беду острее собственной он как бы пробуждается в своей «родовой» человеческой сущности.

То же укрупнение «обыкновенности» героя происходит и в повести «Скромный гений». Сергей Кладезев — гениальный изобретатель, но, по существу, речь в повести идет о простой жизни мило-

го, деликатного человека, о его житейских ошибках, о том, как нелегко ему найти, свое счастье, «угадать» духовно близкого другого человека...

Конечно, когда у гения нет сознания своей «избранности», своего отличия от «рядовых» людей — это впечатляет. Но, строго говоря, здесь и поражаться-то нечему, потому что скромность и даже застенчивость героя повести, его доверчивость, отсутствие в нем каких-либо притязаний на особое место в жизни и особые «права» — это всего лишь признаки его человеческой нормальности, его внутренней связи с людьми. И напротив, чувство превосходства над другими, основанное на чрезмерно ясном понимании своей «незаурядности», как раз и явилось бы выражением его ущербности, отпадения от духа бескорыстия и душевной щедрости, без которых нет ни подлинной нравственности, ни самого творчества.

И может быть, поэтому Сергей Кладезев изобретает свои чудоприборы с той же естественностью, с какой живет, а в лучших из них как бы воплощается его доброта и его любовь. И не оказывается ли в конечном счете сама гениальность героя повести вышним проявлением его широко понятой человечности?

Сергей Кладезев не выходит в повести на авансцену жизни — его изобретения хотя и гуманистичны, но не рассчитаны на серийное производство, и лишь в конце повести, когда позади остается одиночество ее героя, в ней возникает радостное обещание великих открытий для всех, для всего человечества.

Подобно Сергею Кладезеву, не ищет громкой известности и Алексей Возможный («Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала»). Он уединяется в глуши не потому только, что созданные им крылья несвоевременны: отстраняясь от славы, готовый отказаться даже от авторства, он убежден, что каждый человек в себе самом носит свой простор.

Разумеется, изолируя своих героев от успеха или прямо их ему противопоставляя, писатель тем самым на первый план выдвигает значительность реального содержания личности, тем зависящую от преходящих условий и обстоятельств, случайностей удачи и неудачи: в прозе Вадима Шефнера ценность человека определяется его глубинной общественно-нравственной природой, его, если можно так сказать, потенциальной социальностью. Отсюда и постоянно подсказываемая фантастикой Шефнера мысль о праве на существование того, что не оправдано ближайшей целесообразностью, о внутреннем значении факта человеческой жизни и человеческих усилий. Естественно, что наиболее весомое свое выражение эта мысль получает там, где писатель обращается не к чудаковатым псевдоизобретателям и графоманам, которым еще только предстоит освободиться от тщеславных иллюзий и прочего мелкого вздора и найти

свое человеческое лицо, а к людям, обладающим реальным нравственно-творческим «зарядом», без шума и суеты, вопреки всем помехам и неудобствам делающим свое дело. Они-то, эти герои, в первую очередь и сообщают прозе Вадима Шефнера нравственную «остойчивость». Отбрасывая все — до последнего — искусы элитарности, писатель вовсе не безразличен к таланту и творческой одержимости. Нравственно-демократический смысл его фантастики не исключает, а как раз предполагает человеческую активность и сам подвиг.

Но откуда в «Запоздалом стрелке» грусть? Нет, источник ее не только в том, что изобретение Алексея Возможного запоздало и поэтому не может войти в жизнь, хотя, понятно, обстоятельство это не вызывает у героя повести воодушевления. Здесь иная тема, иной масштаб. Веками, тысячелетиями люди завидовали птицам, их вольному полету, мечтали о крыльях, но удалось создать их, надежные, безотказные, лишь тогда, когда в них уже не было нужды: прогресс науки и техники оставил далеко позади самые дерзкие надежды ушедших поколений — не та скорость, не те расстояния, не та грузоподъемность. И комфорт не тот.

Но так ли уж безусловно научно-технический прогресс превзошел древнюю человеческую мечту? Или, быть может, что-то и утрачено? Скажем, более полное слияние с природой, универсализация собственных, индивидуальных возможностей человека, а не только чисто механическое «преодоление пространства»...

Практические задачи были решены иным образом. И это вечное несовпадение первоначального замысла, хранящего в себе меру человека, и реализации, устанавливающей, исходя из требований эффективности, другие критерии, — наверно, тоже имеет какие-то права на наши мысли и чувства.

Герой повести как бы перенимает, отождествляет с собой этот разрыв, и он-то и становится драмой его жизни.

В самом конце этой грустной истории мы вдруг узнаем, что трогательно нецелесообразные крылья А. Возможного нашли себе применение. Правда, не на Земле — на Венере. И в этом сказочно-лирическом завершении судьбы не совпавшего со своим временем изобретения и выразилась, может быть чуточку наивно (иным образом это и не делается), вера писателя в непреходящую ценность мира человеческой души, надежда на новый виток спирали, когда мечта о «крылизации человечества» обнаружит свою жизнеспособность.

Но не есть ли и человеческая душа, со всеми ее безобидными причудами, со всем разнообразием ее порывов и увлечений, с мощным пластом нравственных чувств — та же, условно говоря, природа, но созданная уже в значительной мере историей и живущая в нас самих?

В «целесообразности и планомерности» действий иногда усматривают главный признак человека как существа разумного. Но есть и другое мнение, оно не исключает предыдущее, но весьма его дополняет. Человек поступает по-человечески не только там, где он успешно продвигается к определенным и вполне достижимым целям. Не в меньшей мере человек он и тогда, когда обнаруживает способность к поступкам, вступающим в прямое противоречие с очевидной целесообразностью, когда включается в дело без всякой гарантии или даже надежды на успех — просто потому, что иначе жить не может.

Направленные против мещанской психологии корыстного расчета, потребительского отношения к жизни, повести Вадима Шефнера ведут полемику и с другими, более «благопристойными» видами прагматического сознания.

Да, реальная жизнь сложнее, чем та, с которой мы встречаемся в фантастических, условных повестях Вадима Шефнера. Да, в жизни общества существует не только противостояние «чудаков» и утилитарно мыслящих обывателей. Не всеобъемлюща, наконец, и мера, с которой писатель подходит к людям. Забывать обо всем об этом, конечно, не следует. Но главное все-таки — не проглядеть «лирический смысл» этой странной фантастики, ее положительный духовно-нравственный потенциал, ее человечность.

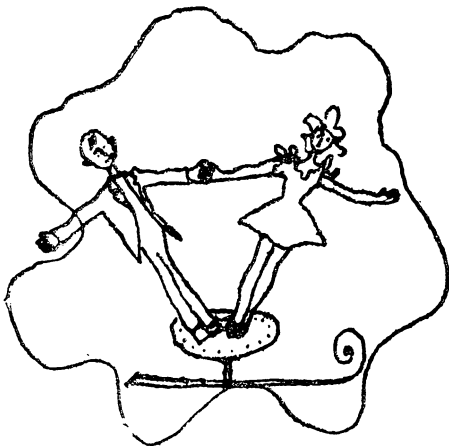
Зазор, который остается нередко в повестях Вадима Шефнера между человеком и результатом его усилий, имеет однако и более далекий смысл, чем простое указание на творческие и иные возможности героя, по тем или другим причинам не нашедшие своего практического выражения.

Ныне общепризнано: природа — это не то, что годится лишь для использования, и беречь ее надо не для того только, чтобы хватило сырья нашим ближайшим потомкам.

А. Липелис

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ

Сергей Кладезев родился на Васильевском острове. То был странный ребенок. Когда другие дети возились в песке, делая пирожки и домики, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. Во втором классе школы он сконструировал портативный прибор с питанием от батарейки ручного фонаря. Этот прибор мог предсказывать любому ученику, сколько двоек он получит на неделе. Прибор был признан непедагогичным, и взрослые отобрали его у ребенка.

Окончив школу, Сергей поступил учиться в электрохимический техникум. В техникуме этом было немало хороших девушек, однако на них Сергей как-то не обращал внимания — быть может, потому, что видел их каждый день.

Но вот однажды в июне он взял лодку на прокатной станции и спустился по Малой Неве в залив. У Вольного острова он увидел лодку с двумя незнакомыми девушками; они посадили ее на мель и вдобавок сломали весло, пытаясь сняться с этой мели. Он помог им добраться до лодочной станции, и познакомился с ними, и стал ходить к ним в гости. Обе подруги тоже жили на Васильевском — Светлана на Шестой линии, а Люся на Одиннадцатой.

Люся в то время училась на курсах машинописи, а Света уже нигде не училась: она считала, что десяти классов ей достаточно. К тому же у нее были состоятельные родители, и они ей часто говорили, что пора бы ей и замуж, и она в глубине души соглашалась с ними. Но она была очень разборчива и не собиралась выходить за первого встречного.

Поначалу Сергею больше нравилась Люся, но он не знал, как к ней подойти. Она была такая красивая и скромная, и так смущалась, так старалась держаться в

стороне, что и Сергей стал смущаться, встречая ее. А вот Света, та была девушка веселая, бойкая, та была, как говорится, девочка-вырвиглаз, и Сергей чувствовал себя с ней легко и просто, хоть от природы он был застенчив.

И вот когда на следующий год в июле Сергей поехал погостить к своему приятелю в Рождественку, то оказалось, что и Света тоже приехала туда к каким-то родственникам. Это было случайное совпадение, но Сергею показалось, что это — сама судьба. Он со Светой теперь каждый день ходил в лес и на озеро. И вскоре ему стало казаться, что он жить без Светы не может.

Но он-то Светлане не слишком нравился. Света считала его очень уж обыкновенным. А она мечтала о муже необыкновенном. И с Сергеем она ходила в лес и на озеро просто так, просто потому, что надо же было с кем-то проводить время. Однако для Сергея это были счастливые дни, так как ему казалось, что и он немножко нравится этой девушке.

Однажды вечером они стояли на берегу озера, и лунная полоса, как половичок, вытканый русалками, лежала на гладкой воде. Кругом было тихо, только соловьи пели на другом берегу в кустах дикой сирени.

— Как красиво и тихо! — сказал Сергей.

— Да, ничего, — ответила Света. — Вид мировой. Вот бы нарвать сирени, да очень она далеко, если берегом до нее тащиться. А лодки нет. И через озеро не перебежишь.

Они вернулись в поселок и разошлись по своим домам. Но Сергей всю ночь не спал, выводил на бумаге какие-то формулы и чертежи. Утром он уехал в город и провел там два дня. Из города привез какой-то сверток.

Когда они поздно вечером пошли на берег озера, он захватил с собой этот сверток. У самой воды он раз-

вернул его и вынул две пары особых коньков, на которых можно было скользить по воде.

— На, надень эти водяные коньки, — сказал он Светлане. — Это я изобрел для тебя.

Они надели на ноги эти коньки и легко побежали на них по озеру к другому берегу. Коньки скользили по воде очень хорошо. Добежав до дальнего берега, они наломали сирени и с двумя букетами в руках долго катались по озеру в лунном свете.

После этого они каждый вечер стали ходить на озеро. Они бегали по озерной глади на легко скользящих водяных коньках, и от коньков оставался на воде легкий узкий след, который быстро сглаживался.

Однажды на самой середине озера Сергей задержал свой бег. Светлана тоже затормозила и подъехала к нему.

— Света, знаешь что? — сказал Сергей.

— Не знаю, — ответила Светлана. — В чем дело?

— Понимаешь, Света, я люблю тебя.

— Ну вот, только этого и не хватало! — сказала Светлана.

— Значит, я тебе ничуть не нравлюсь? — спросил Сергей.

— Нет, ты парень ничего, но у меня другой идеал. Я люблю только необыкновенного человека. А ты обыкновенный — это я тебе честно говорю.

— Я понимаю, что ты говоришь честно, — грустно ответил Сергей.

Они молча вернулись на берег, и на следующий день Сергей уехал в город. Некоторое время он был совсем не в себе, похудел и много ходил по улицам, а иногда выезжал за город и бродил там. А по вечерам он возился дома в своей маленькой мастерской-лаборатории.

Однажды на набережной у сфинксов он встретил Люсю. Она обрадовалась ему, он сразу это заметил.

— Что ты тут, Сережа, делаешь? — спросила она.

— Так просто, гуляю. Как-никак — каникулы.

— Я тоже просто гуляю, — сказала Люся. — Хочешь, пойдем вместе в ЦПКО, — добавила она и покраснела.

Они поехали на Елагин остров и там долго гуляли по аллеям. Потом они еще несколько раз встречались и ходили по городу. Им хорошо было вдвоем.

Однажды Люся зашла к Сергею — они собирались в этот день поехать в Павловск.

— Какой у тебя беспорядок! — сказала Люся. — Все какие-то приборы, колбы... Для чего это все?

— Так. Занимаюсь на досуге разным мелким изобретательством, — ответил Сергей.

— А я и не знала, — удивилась Люся. — Ты, может быть, можешь починить мою пишущую машинку? Я ее купила в комиссионном, она старенькая. Там ленту заедает иногда.

— Хорошо, я зайду поглядеть.

— А это что? — спросила Люся. — Какой-то странный фотоаппарат. Я таких не видела.

— Это обыкновенный фотоаппарат ФЭД, только с приставкой. Эту приставку я недавно сконструировал. Благодаря этому приспособлению можно фотографировать будущее. Ты наводишь объектив на тот квадрат местности, о котором ты хочешь знать, каким он будет в будущем, — и снимаешь. Но моя приставка очень несовершенна — ею можно снимать только на три года вперед, дальше она не берет.

— Но и на три года вперед — это очень много! Ты сделал великое открытие!

— Ну уж, великое... — отмахнулся Сергей. — Очень несовершенная вещь.

— А у тебя снимки есть? — спросила Люся.

— Есть. Я недавно ездил за город, там снимал.

Сергей вынул из письменного стола несколько снимков девять на двенадцать.

— Смотри, вот тут я снял березку на лугу такой, какая она сейчас, без приставки. А вот на этом снимке та же березка, какой она будет через два года.

— Выросла немножко, — сказала Люся. — И веточек больше стало.

— А тут она через три, — молвил Сергей.

— Но тут ее нет! — удивилась Люся. — Только какой-то пенек, да яма рядом вроде воронки. А там, вдали, смотри: какие-то военные, пригнувшись, бегут. И форма у них какая-то странная... Ничего не понимаю!

— Да я и сам удивился, когда отпечатал этот снимок, — сказал Сергей, — наверное, там будут маневры, вот что я думаю.

— Знаешь что, Сергей, сожги ты этот снимок. Тут какая-то военная тайна. Вдруг этот снимок попадет в руки заграничного шпиона!

— Ты права, Люся, — сказал Сергей. — Я об этом как-то не подумал.

Он разорвал снимок и бросил в печку, где уже лежало много хлама, и поджег.

— Вот так я буду спокойна, — сказала Люся. — А теперь сфотографируй меня, какой я стану через год. Вот в этом кресле у окна.

— Фотоприставка берет только квадрат местности и то, что там будет. Если тебя не будет через год в этом кресле, то и на снимке ты не получишься.

— А ты все-таки сфотографируй меня. Вдруг я и через год, ровно в этот день и час, буду сидеть в этом кресле.

— Хорошо, — ответил Сергей. — У меня в кассете как раз остался кадр.

И он сфотографировал Люсю в кресле с упреждением на один год.

— Давай я сразу и проявлю и отпечатаю, — сказал он. — Сегодня ванна в нашей квартире свободна, никто не стирает белья.

И он пошел в ванную, перемотал пленку, заложил ее в эбонитовый бачок и проявил, и зафиксировал, и промыл, и принес пленку сушиться в комнату, где прищепкой прикрепил ее к веревочке в окне.

Люся взяла пленку за край и посмотрела на последний кадр. По негативу судить трудно, но ей показалось, что на снимке в кресле сидит не она. А ей хотелось, чтобы в кресле через год сидела именно она. «Нет, наверно, это все-таки я, — решила она, — только я плохо получилась».

Когда пленка высохла, они пошли в ванную комнату, где уже горела красная лампочка. Сергей вложил пленку в увеличитель, включил свет в закрытом фонаре фотоувеличителя, изображение спроектировалось на фотобумагу. Он быстро положил снимок в проявитель. Снимок стал проявляться. На нем выступили черты незнакомой женщины, сидящей в кресле. Она сидела в кресле и вышивала гладью на куске материи большую кошку. Кошка была почти готова, не хватало только хвоста.

— Это не я здесь сижу, — разочарованно сказала Люся. — Совсем другая какая-то!..

— Да, это не ты, — подтвердил Сергей. — Но я не знаю, кто это. Этой женщины я никогда не встречал.

— Знаешь что, Сергей, мне пора домой, — сказала Люся. — И ты можешь не заходить ко мне. Пишущую машинку я отдам починить в мастерскую.

— Ну дай я тебя хоть до дома провожу.

— Нет, Сергей, не надо. Знаешь, я не хочу вмешиваться в твою судьбу.

И она ушла.

«Нет, не приносят мне счастья мои изобретения», — подумал Сергей. Он взял молоток и разбил эту приставку.

2

Месяца через два Сергей Кладезев, шагая по Большому проспекту, увидел сидящую на скамье молодую женщину и узнал в ней ту незнакомку, которая получилась у него на снимке.

— Вы не скажете, который час? — обратилась к нему незнакомка.

Сергей точно ответил на этот вопрос и присел на эту же скамью. У них завязался разговор о ленинградской погоде, и они познакомились. Сергей узнал, что зовут ее Тамарой. Они стали встречаться, и вскоре получилось так, что они поженились. Затем родился сын, которого Тамара назвала Альфредом.

Тамара оказалась женщиной довольно скучной. Она ничем особенно не интересовалась — только все время сидела в кресле у окна и вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей и потом с гордостью вешала их на стенку. Сергея она не любила. Она вышла за него замуж потому, что у него была отдельная комната. И еще потому, что она окончила институт коннозаводства и не хотела ехать на периферию, а как замужнюю ее не имели права послать.

Так как Тамара была женщиной скучной, то и Сергея она считала человеком скучным, неинтересным и невыдающимся. Ей не нравилось, что на досуге он занимается изобретательством, — она считала это пустой тратой времени. Она все время ругала его за то, что он загромождает комнату своими приборами и инструментами.

Чтобы разгрузить комнату, Сергей сконструировал

АПМЕД — небольшой Антигравитационный Прибор Местного Действия. Теперь благодаря АПМЕДУ он мог работать на потолке. Он настлал на потолок паркет, поставил там свой рабочий стол, перетащил туда все инструменты. Чтобы не пачкать стену, по которой он всходил на потолок, Сергей сделал на стене узкую линолеумовую дорожку. Теперь низ комнаты принадлежал жене, а верх стал рабочим кабинетом и лабораторией Сергея.

Но Тамара все равно была недовольна. Она теперь стала бояться, что в жакте узнают об этом увеличении площади и станут брать двойную квартплату. Кроме того, ей не нравилось, что Сергей запросто ходит по потолку. Она считала это неприличным.

— Хотя бы из уважения к моему высшему образованию, не ходи ты вниз головой, — говорила она ему снизу, сидя в кресле. — У всех жен мужа — люди как люди, а мне такой неудачный достался!

Приходя с работы (он теперь работал техникон-контролером в Трансэнергоучете), Сергей наскоро пообедал и шел по стене к себе наверх, в кабинет-лабораторию. А иногда отпраивлялся бродить по городу и окрестностям, только чтобы не слышать вечных упреков Тамары. Он так натренировался в пешей ходьбе, что ему ничего не стоило дойти до Павловска или до Лисьего Носа.

Однажды на углу Восьмой линии и Среднего он встретил Светлану.

— А я вышла замуж за необыкновенного человека, — первым делом сообщила ему Светлана. — Мой Петя — настоящий изобретатель. Он пока работает на должности младшего изобретателя научно-исследовательского комбината «Все для быта», но скоро его переведут на должность среднего изобретателя. У Пети есть уже самостоятельное изобретение — мыло «Не воруй!».

— А что это за мыло? — спросил Сергей.

— Мыло это простое по идее, ведь все гениальное просто. «Не воруй!» — нормальное туалетное мыло, а внутри там — брикет несмываемой черной туши. Если кто-нибудь — ну, скажем, сосед по коммунальной квартире — украдет у вас это мыло и станет им мыться, то он весь измажется и физически и морально.

— Ну а если этого мыла никто не украдет? — спросил Сергей.

— Не задавай нелепых вопросов! — рассердилась Светлана. — Ты, наверное, просто завидуешь Пете.

— А Люсю ты видишь? — спросил Сергей. — Как она поживает?

— А у Люси все по-прежнему. Я ей советую найти какого-нибудь подходящего необыкновенного человека и выйти за него замуж, а она отмалчивается. Видно, в старых девах хочет остаться.

Вскоре началась война.

Тамара с сыном уехала в эвакуацию, а Сергей Кладезев ушел на фронт. Сначала он был младшим лейтенантом в пехоте, а войну окончил в звании старшего лейтенанта. Он дважды был ранен, но оба раза, к счастью, легко. Он и на фронте продолжал размышлять над разными изобретениями, но у него не было ни материалов, ни лаборатории для их осуществления. Когда кончилась война, он вернулся в Ленинград, сменил военную форму на штатскую одежду и поступил работать на прежнее место — в Трансэнергоучет. Вскоре вернулась из эвакуации Тамара с сыном Альфредом, и жизнь потекла по-прежнему.

А годы шли.

Да, годы шли.

Сын Альфред стал взрослым, окончил школу и по-

ступил на срочные-краткосрочные курсы по подготовке гостиничных администраторов. Вскоре он уехал на юг и устроился работать в гостиницу.

Тамара по-прежнему вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей. Она стала еще скучнее и сварливее. Кроме того, она познакомилась с одним холостым отставным директором и теперь грозилась Сергею, что уйдет от него к этому директору, если Сергей не возьмется за ум и не бросит своего изобретательства.

Светлана по-прежнему была очень довольна своим Петей. Петя шел в гору — теперь он был уже в чине среднего изобретателя. Он сконструировал даже четырехугольные спицы для велосипеда взамен круглых. Светлана очень им гордилась.

Люся, как и до войны, жила на Васильевском острове. Она работала машинисткой в конторе «Рояльзапчасть» — там планировались и конструировались запасные части к роялям. Люся до сих пор не вышла замуж. Она часто вспоминала Сергея. Однажды она увидела его издали, но не подошла — он шагал по Седьмой линии в кино «Балтика» со своей женой. Люся сразу узнала эту женщину с фотографии.

А Сергей тоже очень часто вспоминал Люсю. Чтобы поменьше о ней думать, он старался направлять свои мысли на новые изобретения. Но так как у него не было никакой ученой степени, то никто особенного значения не придавал его открытиям. А проталкивать свои изобретения он не умел, да и не слишком к этому стремился. Ему все казалось, что приборы его еще очень несовершенны и нечего ему соваться с кувшинным рылом в калашный ряд. Так, например, он изобрел прибор «Склокомер-прерыватель» и установил в своей коммунальной квартире на кухне. Прибор этот имел шкалу с двадцатью делениями и учитывал настроение жильцов, а также интенсивность склоки, если таковая воз-

никала. При первом недобром слове стрелка начинала дрожать и отсчитывать деления, постепенно приближаясь к красной черте. Дойдя до красной черты, стрелка включала в действие склокопрерыватель. Раздавалась тихая, умиротворяющая музыка, автоматический пульверизатор выбрасывал облако распыленной валерьянки и духов «Белая ночь», и на экране прибора появлялся смешной вертящийся человечек, кланялся публике и говорил: «Живите, граждане, в мире!» Таким образом, склока прерывалась в самом начале, и в квартире все были благодарны Сергею за его скромное изобретение.

Еще изобрел Сергей плоскостную оптику. Обработав соответствующим образом кусок оконного стекла, он придал ему свойства линзы с гигантским увеличением. Вставив такое стекло в окно своей комнаты, он мог наблюдать марсианские каналы, лунные кратеры, венерианские бури. Когда Тамара слишком уж допекала его, он смотрел на дальние миры и утешался.

Но практической выгоды от всех этих изобретений не было. Вот только на спичках получалась экономия. Дело в том, что Сергей открыл способ превращать воду в бензин. А так как он много курил, то, приобретя зажигалку, стал заправлять ее своим бензином. В общем-то, жизнь его текла не очень радостно. И от Тамары радости было мало, да и от сына Альфреда тоже.

Когда Альфред приезжал в Ленинград, он беседовал главным образом с Тамарой.

— Ну как живешь? — спрашивал он ее.

— Уж какая у меня жизнь... — отвечала Тамара. — Единственная радость у меня — искусство. Вот погляди, какого оленя вышиваю.

— Олень что надо! — восклицал Альфред. — Как живой! И рога здоровенные. Мне бы такие рога — далеко бы я в жизни пошел!

— А вот отец твой не понимает искусства. Ему бы лишь изобретать. Мало от него толку.

— Зато непьющий, это ценить надо, — бодро утешал ее сын. — В жизни он, конечно, плохо продвигается, да, может, еще за ум возьмется. Как посмотришь на других, что в гостинице останавливаются, — обида за отца берет. Тот — главснабженец, тот — иностранец, тот — научный работник. Недавно доцент один в «люксе» жил — этот автобиографию Пушкина написал. Дачу имеет, машину.

— Где уж мне с таким мужем о дачах мечтать, — уныло тянула Тамара. — Надоело мне с ним! Разводиться хочу.

— А на прицепе есть кто?

— Есть тут один отставной директор. Холостой. И искусство ценит. Я ему лебедя вышитого подарила — как ребенок обрадовался. С таким не пропадешь.

— А он директором чего был? Не гостиницы?

— Он был директором кладбища. Человек серьезный, чуткий.

— Должность обязывает, — соглашался сын.

4

Однажды в июне Сергей Кладезев весь вечер проработал на своем потолке над одним новым изобретением. Он не замечал, как шло время, и когда глянул на часы, то увидел, что уже очень поздно. Тогда он лег спать, но перед сном забыл завести будильник и на следующее утро проспал на работу. И он решил не идти в этот день в Трансэнергоучет. Это был его первый и последний прогул.

— Доведет тебя до ручки твое изобретательство! — сказала ему Тамара. — Хоть бы для дела прогулял, а то так просто! Умные люди деньги прирабатывают,

клубнику разводят, а от тебя пользы — что от козла молока.

— Не огорчайся, Тамара, все будет хорошо, — мягко сказал Сергей. — Вот отпуск скоро, по Волге поедem путешествовать.

— Нужны мне твои грошовые путешествия! — крикнула Тамара. — Ты бы лучше за спину свою попутешествовал, послушал бы, что люди о тебе за твоей спиной говорят! Ведь все, наверно, дураком набитым тебя считают, смеются над тобой.

И она сердито сняла со стены коврик с изображением кошки и ушла куда-то.

А Сергей остался в комнате и призадумался.

Он долго думал, а потом решил отправиться в путешествие за свою спину, как посоветовала ему жена.

У него давно уже был изобретен Агрегат Незримого Присутствия — АНЕЗП. Радиус действия АНЕЗПа был всего тридцать пять километров, дальше он не брал. Сергей не пользовался этим АНЕЗПом для наблюдения жизни города, считая неэтичным заглядывать в чужие квартиры, в чужую жизнь. Но иногда он настраивался на ближайшие пригородные леса и смотрел, как птицы выют гнезда, и слушал их пение.

А теперь он решил использовать действие АНЕЗПа в зоне города. Он включил питание, затем легонько, на одно деление, повернул ручку настройки близости, а антенну-искатель направил в сторону кухни той коммунальной квартиры, в которой жил. Две женщины-соседки стояли возле газовой плиты и вели беседу о разных посторонних вещах. Затем одна из них сказала:

— А Тамара-то опять к директору пошла. Стыдобушки нет!

— Жаль мне Сергея Владимировича! — сказала вторая. — Такой хороший человек, и из-за жены пропадет. Он-то ведь умница.

— Согласно с вами, — сказала вторая. — Он человек очень, видать, умный и хороший. Только не везет ему в жизни.

Сергей отключился от кухни и направил антенну на Трансэнергоучет. Он долго попадал в чужие квартиры, в конторы, в магазины, но наконец нашел-таки свое учреждение. На экране возникла комната, где он обычно работал. Товарищи по работе пили в это время чай и ели бутерброды — шел обеденный перерыв.

— Не стряслось ли чего с нашим Сергеем Владимировичем? — сказал один из сослуживцев. — Такой порядочный и аккуратный человек — и вдруг прогулял! Наверно, он заболел. И телефона у него на квартире нет, нельзя узнать, что случилось.

— Без него пусто как-то у нас, — сказал второй. — Хороший он человек, ничего не скажешь.

— Очень хороший человек, — согласился третий. — Вот только жена ему плохая досталась. Типичная мешанка. Из-за нее он света не видит.

Сергей выключил АНЕЗП и призадумался. Он снова вспомнил Люсю, и ему очень захотелось увидеть ее хоть на миг.

И тогда он снова включил агрегат и стал искать Люсину комнату на шестом этаже дома на Одиннадцатой линии Васильевского острова. «Но, может быть, она там и не живет теперь? — размышлял он. — Может быть, она давно вышла замуж и переехала? Или, может быть, просто обменялась?»

На экране возникали чужие комнаты, незнакомые люди, вырванные из пространства куски чужой жизни... Но вот он отыскал жилище Люси. Ее в комнате не было, но это была именно ее комната. Вещи были прежние, и та же картина висела на стене. А на столике стояла пишущая машинка. Сергей успокоился. Просто Люся сейчас на работе, догадался он.

Тогда он стал настраивать АНЕЗП на дом Светланы: интересно, как она живет? Ее он отыскал довольно быстро. В квартире было много новых вещей, а сама Светлана постарела, и легкое ее имя теперь не шло к ней. Но вид у нее был бодрый, довольный.

Вдруг раздался звонок, и Светлана пошла открывать дверь.

— Здравствуй, Люсенька! Давно ты не заходила! — воскликнула Светлана.

— На минутку забежала проведать — у меня сейчас обеденный перерыв, — сказала Люся, и Сергей увидел ее. Она тоже не помолодела за эти годы, но была по-прежнему мила и хороша собой.

Подруги прошли в комнату и стали говорить о том, о сем.

— А замуж ты так и не собираешься? — спросила вдруг Светлана. — Ведь ты еще можешь найти неплохого, пожилого мужа.

— Нет, я никого не ищу, — грустно ответила Люся. — Ведь тот, кто мне нравится, давно женат.

— Это ты все об этом Сергее? — молвила Светлана. — И чего ты в нем нашла! Ведь в нем нет ничего необыкновенного. Такой пороку не выдумает... Правда, парень он был не вредный. Коньки водяные, помню, мне подарил. Мы на этих коньках с ним по озеру гоняли. На берегу соловьи свищут, на дачах люди все дрыхнут, а мы прямо по воде мчимся, класс показываем.

— Я и не знала, что он такие коньки придумал, — задумчиво сказала Люся. — А сейчас они у тебя?

— Нет, что ты! Мой Петя давно их в утиль сдал. Он сказал, что ерунда все это. Петя ведь настоящий изобретатель, он в таких делах разбирается.

— А у Пети дела хорошо идут? — спросила Люся.

— Дела что надо. Он недавно сконструировал МУКУ-1. Это светлое дерзание технической мысли.

— А что это за МУКА?

— Это Механический Универсальный Консервооткрывающий Агрегат — вот это что! Теперь домашние хозяйки и холостяки будут избавлены от возни с открыванием консервов.

— У тебя нет этого агрегата? — спросила Люся. — Интересно бы посмотреть.

— У меня его нет и не будет. Он ведь должен весить пять тонн, под него нужен бетонный фундамент. И стоять он будет четыреста тысяч новыми.

— Какая же хозяйка сможет купить эту МУКУ? — удивилась Люся.

— Господи, какая же ты непонятливая! — воскликнула Светлана. — Каждой хозяйке и не надо покупать этот агрегат. Его одного на весь город хватит. Он будет установлен где-нибудь в центре города, скажем на Невском. И там будет оборудован ЕГКОЦ — Единый Городской Консервооткрывательный Центр. Это очень удобно. Вот, скажем, пришли к тебе гости, надо для них шпроты открыть. Не надо ни консервного ножа, ни физических усилий. Ты просто берешь свою консервную банку, быстренько выходишь на улицу, едешь в ЕГКОЦ. Там сдаешь банку приемщице, платишь пять копеек новыми и получаешь квитанцию. Приемщица наклеивает на банку ярлычок и ставит ее на конвейер. А ты идешь себе в зал ожидания, садишься в кресло и смотришь короткометражный фильм на консервную тему. Вскоре тебя вызывают к окошечку, ты предъявляешь квитанцию, получаешь открытую банку и спокойно едешь домой на Васильевский. Удобно, правда?

— Неужели в самом деле этот проект будет осуществлен? — спросила Люся.

— Петя надеется, — ответила Светлана. — Но у него за последнее время появилось много врагов и злопыхателей. Они мешают осуществлению его изобретений.

Завидуют, как видно. А Петя никому не завидует, он знает, что он необыкновенный человек. И он справедливый человек. Одного изобретателя он очень уважает, это того, который изобрел и внедрил в производство укупорку «Пей до дна».

— А что это за «Пей до дна»?

— Разве ты не знаешь, как укупоривается сейчас водка?! Там такая шляпочка из мягкого металла с хвостиком. Потянешь за хвостик — металл рвется, и бутылка открыта. И ее уже этой укупоркой не закроешь, хочешь не хочешь — надо пить до дна. Это тоже светлый взлет технической мысли.

— А водяные коньки мне больше нравятся, — задумчиво сказала Люся. — Хотела бы я белой ночью промчатся по заливу на таких коньках!

— Дались тебе эти коньки, — усмехнулась Светлана. — Нам с Петей их и даром не надо.

Сергей выключил свой АНЕЗП и снова призадумался. И он пришел к одному решению.

5

В тот же вечер Сергей Кладезев на дне старого чемодана отыскал свою пару водяных коньков. Затем он заполнил водой ванну и опробовал в ней эти коньки. Они не утратили своей держащей на воде силы и могли скользить так же хорошо, как много лет назад.

После этого он до глубокой ночи проработал в своем кабинете-лаборатории и сделал вторую пару водяных коньков для Люси.

На следующий день, в воскресенье, Сергей пошел на утреннюю прогулку, а когда вернулся домой, то Тамары дома уже не было. А на стене недоставало еще одного коврика — с оленем. Тамара пошла дарить и этот коврик отставному директору.

Сергей надел свой серый костюм и завернул в газету обе пары водяных коньков. Затем он положил в карман пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН (Многократный Усилитель Поверхностного Натяжения). Одежда, обрызганная этим составом, приобретала свойство держать человека на воде.

Потом Сергей Кладезев открыл большой шкаф, где хранил свои лучшие изобретения, и вынул оттуда ОСЭПСОН (Оптический Солнечно-Энергетический Прибор Совершенно Особого Назначения). Над этим прибором он в свое время очень много думал и считал его своим наиболее важным изобретением. Он закончил его два года назад, но до сих пор не применял в действии. Дело в том, что ОСЭПСОН мог возвращать человеку молодость, а все эти годы Сергей вовсе не желал возвращения своей молодости: ведь тогда ему пришлось бы вернуть молодость и Тамаре и начать с ней жизнь сначала. А с него вполне было достаточно и одного срока жизни с ней. Кроме того, его смущала чрезвычайная энергоемкость этого прибора. Вследствие этой энергоемкости действие ОСЭПСОНа должно было сопровождаться некоторыми явлениями космического порядка, а Сергей не считал себя настолько важной персоной, чтобы быть причиной этих явлений.

Однако теперь, все продумав и взвесив, он решил применить этот прибор. И он взял ОСЭПСОН, так же как и водяные коньки, и покинул свой дом.

Он пошел по своей улице и вскоре вышел на Средний проспект Васильевского острова. На углу Пятой линии он купил в «Гастрономе» бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет и пошел дальше. Дойдя до Одиннадцатой линии, он свернул со Среднего и через некоторое время очутился возле дома, где жила Люся. Поднявшись по знакомой лестнице, он дал два длинных и один короткий звонок.

Дверь ему открыла Люся.

— Здравствуй, Люся! — сказал он. — Как давно мы не виделись!..

— Очень давно!.. — ответила Люся. — Но я почему-то всегда ждала, что ты придешь. И вот ты пришел.

Они вошли в Люсину комнату и стали пить шампанское и вспоминать о том, что было много лет тому назад.

— Ах, хотела бы я вернуть молодость и начать жизнь сначала! — воскликнула вдруг Люся.

— Это в наших силах, — сказал Сергей и поставил на стол ОСЭПСОН. Прибор этот был размером с портативный радиоприемник. От него отходил довольно толстый шнур.

— Питание у него от сети? Он не перегорит? — спросила Люся. — Наш дом недавно перевели на двести двадцать вольт.

— Нет, ОСЭПСОН питается не от сети, — ответил Сергей. — Тут тысячи Днепрогэсов бы не хватило. Он питается прямо от солнца. Открой, пожалуйста, окно.

Люся распахнула рамы, и Сергей протянул шнур к окну. Шнур оканчивался небольшим вогнутым зеркалом, и Сергей положил это зеркало на подоконник так, что оно было направлено прямо на солнце.

Потом он подошел к ОСЭПСОНу и нажал на кнопку.

В приборе начало что-то потрескивать — и сразу солнце стало светить слабее, — как лампочка, когда падает напряжение в сети. В комнате настали сумерки.

Люся подошла к окну и взглянула на город.

— Сергей, что это?! — удивилась она. — Мне кажется, будто начинается затмение. Весь Васильевский остров в сумерках. И дальше всюду тоже сумерки.

— Сейчас сумерки на всей Земле, и на Марсе, и на Венере, — ответил Сергей. — Прибор берет много энергии.

— Такой прибор нельзя, наверно, пускать в массовое производство, — сказала Люся. — А то все бы стали возвращать себе молодость, и все время было бы темно.

— Да, — ответил Сергей. — Этот прибор индивидуального разового пользования. Я его сконструировал только для тебя и ради тебя. А теперь сядем и будем сидеть смиренно.

Они сели на старенький плюшевый диванчик, взяли за руки и стали ждать.

За окном и в комнате становилось все темнее. Машины на улице шли теперь с включенными фарами.

— Даже не верится, что сейчас — час дня, — задумчиво проговорила Люся. — Как странно...

— Да, это, наверно, кажется странным, — ответил Сергей. — Мне-то нет, но всем другим это должно казаться странным. Чтобы вернуть молодость, нужна очень большая затрата энергии.

Между тем вокруг стемнело, будто настала ночь. В городе зажглись квадраты окон, засветились уличные фонари. В комнате стало теперь совсем темно. Только шнур, идущий от зеркала на подоконнике к ОСЭПСОНу, светился голубоватым светом. Он вздрагивал и извивался как шланг, по которому с бешеной скоростью движется какая-то жидкость.

Внезапно в приборе что-то резко щелкнуло, и в торцовой его стенке открылось квадратное окошечко. Оттуда вылез брусок зеленоватого света. Он был словно обрублен и упирался в пустоту. Он походил на вещество, но это был свет. Этот брусок света начал расти и уперся в стену, где висела картина, на которой была изображена свинья под дубом — иллюстрация к басне Крылова. Свинья на картине сразу же превратилась в поросенка, а развесистый дуб — в молодой дубок.

Луч стал тихо и неуверенно двигаться по комнате,

словно в слепую отыскивал Люсю и Сергея. Там, где он касался обоев, старые выгоревшие обои приобретали свой прежний цвет и становились как новые. Пожилой серый кот, дремавший на комод, превратился в котенка и начал играть со своим хвостом. Муха, попавшая в луч, превратилась в личинку мухи и упала на пол.

Наконец луч приблизился к Сергею и Люсе. Он заскользил по их головам, по их лицам, по их ногам и туловищам. Над головами у них выросли два светящихся полукруга, вроде нимбов у святых.

— Ой, голове щекотно! — засмеялась Люся.

— Ничего, потерпи, — сказал Сергей. — Это седые волосы преобразуются в нормальные. Моей голове тоже щекотно.

— Ах! — воскликнула Люся. — У меня во рту что-то горячее!

— У тебя, наверно, есть золотые коронки на зубах? — спросил Сергей.

— Только две, — ответила Люся.

— Коронки молодым зубам не нужны, и вот они распадаются в пыль, — пояснил Сергей. — Ты выдохни эту пыль.

Люся сложила губы трубочкой, как это делают неопытные курильщики, и выдохнула изо рта золотую пыль.

— Мне кажется, будто диван под нами поднимается, — сказала она вдруг.

— Это распрямляются пружины. Ведь мы становимся легче. Мы малость отяжелели за эти годы.

— Ты прав, Сережа, — согласилась Люся. — А вот сейчас я чувствую себя легкой-легкой. Как в дни, когда мне было двадцать лет.

— Тебе и есть сейчас двадцать лет, — сказал Сергей. — Мы вернулись в молодость.

В это мгновение ОСЭПСОН вдруг задрожал, загу-

дел и вспыхнул. Он исчез, и от него остался только голубой пепел. Вокруг сразу начало светлеть. Водители выключили фары, уличные фонари погасли, электрический свет в окнах тоже погас — он был теперь не нужен. Солнце снова сияло во всю свою июньскую силу.

Люся встала, посмотрела на себя в зеркало — и улыбнулась.

— Пойдем, Сережа, куда-нибудь гулять, — сказала она. — Например, на Елагин остров.

Сергей захватил сверток с водяными коньками, взял Люсю под руку, и они вышли из квартиры и легко сбежали по лестнице вниз, на улицу. На Среднем проспекте они догнали трамвай, уже отошедший от остановки, и поехали в ЦПКО. Там они бродили по аллеям, катались на каруселях и качались на качелях и дважды обедали в буфете-ресторане.

Когда настала тихая белая ночь и парк опустел, они пришли на берег залива. На море стоял штиль, и паруса яхт неподвижно маячили вдаль, у Вольного острова. Вода была без единой морщинки.

— Самая подходящая погода, — сказал Сергей и, развернув сверток, вынул водяные коньки. Он помог Люсе надеть их на ее туфельки, а затем надел свою пару коньков.

Она встала на воду залива и легко побежала по ней. Они миновали яхты, где яхтсмены ждали ветра, помахали им рукой и выбежали за Вольный остров, в открытый простор. Они долго мчались в этом просторе, а потом Сергей вдруг замедлил свой бег, Люся тоже затормозила и подъехала к нему.

— Знаешь, Люся, что я хочу тебе сказать... — несмело начал Сергей.

— Знаю, — ответила Люся. — Я тебя тоже люблю. Теперь мы будем всегда вместе.

И они обнялись, и поцеловались, и повернули к берегу.

Меж тем поднялся ветер и погнал волны. Бежать на коньках стало трудно.

— А что, если я споткнусь и упаду в воду? — спросила Люся.

— Сейчас я приму меры, чтобы мы не утонули, — засмеялся Сергей.

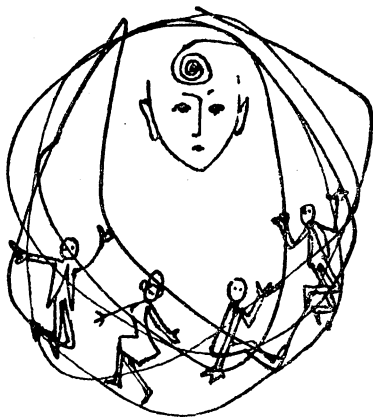
И он вынул из кармана пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН (Многokратный Усилитель Поверхностного Натяжения). Затем он обрызгал Люсину и свою одежду этим составом.

— Теперь мы можем даже сидеть на волнах, — сказал он Люсе.

И они сели на волну, как на хрустальную скамеечку, и обнялись, и волна понесла их к берегу.

Граждане! Ждите великих открытий!

ЧЕЛОВЕК С ПЯТЬЮ «НЕ»,
или
ИСПОВЕДЬ ПРОСТОДУШНОГО
ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

1. ВВЕДЕНИЕ

Наберусь литературной смелости и расскажу вам, уважаемые читатели, правдивую историю своей жизни. Некоторым фактам моей биографии вы вправе не поверить, потому что даже в наш век космонавтики, электроники и психотерапии они граничат с чудесами. Но это уж ваше дело, верить или не верить мне, а мое дело — без прикрас и без утайки поведать вам, что происходило со мной.

Я буду описывать все, как было на самом деле, и только не стану упоминать фамилий действующих лиц, чтобы одни из них не возгордились, а другие не обиделись. О своей настоящей фамилии я тоже умолчу. Дело в том, что сейчас я пользуюсь уважением начальства и товарищей по работе и боюсь, что недавно наладившаяся жизнь может пошатнуться, если окружающие узнают, что это именно я пережил такие приключения. А некоторым населенным пунктам, с которыми связаны мои воспоминания, я буду давать условные названия, чтобы их жители не возымели ко мне претензий.

Имени же своего скрывать я не стану. Имя мое — Стефан, что в переводе с древнегреческого языка означает «Венок» (или «Увенчанный венком»). Но Стефан я только в паспорте, а в быту меня все зовут Степаном Петровичем.

2. ДОМАШНЯЯ ОБСТАНОВКА

А Стефаном (то есть Венком) меня назвали для моего будущего утешения. Дело в том, что мой старший брат родился в мирном 1913 году и за свой здоровый внешний вид, а также за громкий голос был по инициативе отца окрещен Виктором, что значит «Победитель». Родители считали, что Виктор далеко пойдет и станет известным ученым, в чем они несколько не ошиблись. Я же родился в разгар первой мировой войны, да еще в високосном 1916 году, а все это ничего хорошего не предвещало. Родители мои сразу догадались, что толку от меня не будет. У отца для меня было припасено имя Леонид, что значит «Подобный льву», но никакого, ни морального, ни физического, сходства со львом у меня при рождении не обнаружилось. Я только все время хворал, пищал, и вообще было неизвестно, выживу я или нет. Поэтому отец постановил окрестить меня Стефаном. Так и было сделано, причем попу пришлось дать взятку за букву «ф», ибо

Стефан — имя иностранное. Отец, проявляя заботу обо мне, рассуждал так: если младший сын умрет в младенчестве, то все-таки не простым человеком, а уже Увенчанным венком. Если же я выживу, то в дальнейшем это имя будет утешать меня в жизненных водоворотах и неудобствах. И даже при моих похоронах не потребуются лишних расходов на венки, ибо я сам и есть Венок.

Вы можете поинтересоваться, почему это так получается: шла первая мировая, все мужчины были мобилизованы, а мой отец находился в тылу и занимался придумываньем имени для сына? Но дело в том, что хоть отец мой Петр Прохорович физически и умственно был всецело здоров, но от рождения на правой руке у него не хватало одного пальца, поэтому его и не взяли на военную службу.

Этот маленький недостаток не мешал отцу быстро шелкать на счетах и точно выдавать деньги. Он был счетоводом-кассиром и работал на разных мелких частных предприятиях — крупных в нашем городке и не было. Кстати, нашему городку я дам такое условное наименование: Рожденьевск-Прощалинск. В знак того, что в этом городке я родился и в нем же надеюсь проститься с жизнью.

После революции отец остался при своей специальности, только теперь он служил на государственных предприятиях и имел дело не с царскими денежными знаками, а с советскими. На моей памяти он работал в бухгалтерии гардинной фабрики, потом на спиртозаводе, потом некоторое время был безработным, а затем устроился на мукомольный комбинат. Увы, он нигде не мог долго удержаться, хоть спиртного не пил, дело свое знал отлично и в работе был безукоризненно честен.

Его беда заключалась вот в чем: он любил расска-

зывать о том, чего не было и быть не могло, и очень сердился на тех, кто выражал ему недоверие. Рассказывал он главным образом охотничьи истории, в которых он якобы играл главную роль, а ведь все в Рожденьевске-Прощалинске знали, что он никогда и ружья в руках не держал, тем более что на правой руке его отсутствовал именно тот палец, которым спускают курок. Отец очень угнетал сослуживцев своими историями, а всех сомневающихся считал личными врагами, переставал разговаривать с ними, выскивал в их работе недостатки и даже жаловался на них начальству. Поэтому в тех бухгалтериях, куда он устраивался, вскоре возникала многосторонняя склока, эпицентром которой был он сам, и в конце концов от его услуг отказывались. Но на прощанье ему всегда давали отличную характеристику, так как, повторяю, работником он был хорошим.

Дома отец тоже любил рассказывать свои охотничьи вымыслы. Мать, всецело находясь под его влиянием, никогда не делала ему критических замечаний, а брат мой Виктор всегда тактично поддакивал отцу и с вежливым видом расспрашивал, что же случилось дальше. Поэтому отец, а глядя на него и мать, души в Викторе не чаяли. Ко мне же отец относился с холодком. Он был на меня в обиде за то, что я не подавал никаких надежд, и еще за то, что я очень любил правду.

Помню, когда я выучился читать, то однажды нашел на чердаке дореволюционную «Ниву» и притащил ее в комнату. Меня заинтересовал крупный, во всю страницу, рисунок, где была изображена снежная поляна и лежащий на ней убитый медведь. Возле зверя стояло несколько важных господ в роскошной охотничьей одежде, а один из охотников стоял спиной к зрителям и, как можно было догадаться, рассматривал медвежью

шкуру, проверяя ее качественность. Под картинкой была подпись: «Его Высочество Великий князь Николай Николаевич со своей свитой на медвежьей охоте».

— Папа, почему это все дяденьки стоят лицом сюда, а один стоит задом? — спросил я отца.

Отец взгляделся в рисунок и тихо сказал:

— Мое счастье, что художник так изобразил охотника. Если б он нарисовал его лицо, то по лицу бы узнали, кто он, и арестовали бы за связь с царским домом. Знай: этот человек — я. Это я и убил медведя.

— Папа, ты сам убил медведя? — удивился я.

— Да, я сам. Помню, помню этот случай. Сам великий князь пригласил меня на эту охоту, и я убил зверя. Но медведя приписали князю, а меня вызвали в Зимний дворец, выбрали в президиум и премировали отрезом на пальто.

— Папа, а страшно охотиться на медведей? — спросил я.

— Нет, я нисколько не боялся. У меня свой метод был. Я ждал, когда выпадет глубокий снег, и затем на лыжах шел к берлогу. Я смело просовывал лыжную палку в берлогу и будил медведя. Тот, ничего спросонок не соображая, выходил — и тут на него кидалась моя собака, чтобы отвлечь зверя от меня. А я в это время стрелял. Один меткий выстрел — и зверь падает, сраженный пулей отважного охотника.

— Папа, а собака-то как шла по глубокому снегу? Ты на лыжах, а собака?..

— Для собаки я тоже сделал лыжи. Она на них очень даже резво ходила.

— А сколько лыж надо для собаки: две или четыре?

— Две, — ответил отец. — Двух вполне достаточно.

Насчет приглашения к царскому двору и насчет мед-

ведя я не сомневался, но собака на лыжах меня насто-
рожила, и то не сразу, а дня через два, когда я вплотную
задумался над этой проблемой. Червь сомнения закрался
в мое детское сознание, и, чтобы убить этого червя, я ре-
шил проделать опыт над нашим домашним псом Шариком: я попытался привязать к его лапам свои лыжи.
Но Шарик, который никогда ни на кого не лаял и был
очень добрым, на этот раз обозлился и даже укусил ме-
ня. А когда я сообщил об этом опыте отцу, тот рассер-
дился на меня.

— Нытик и малонер! — воскликнул он. — Как ты
смеешь не верить мне! Сегодня будешь без сладкого!

В другой раз отец рассказал, как он охотился на ры-
сей — тоже своим способом. Рысь, как известно, всегда
кидается на шею. Отец наматывал на шею полотенце,
а поверх него — мелкую рыболовную сеть. Вместо ружья
он брал наган. Он шел в лес и становился под деревом.
Рысь, видя безоружного человека — легкую добычу,
прыгала на него. Когти ее вязли в сети. Отец вынимал из
кармана наган и приставлял его к виску разъяренного
зверя. Выстрел — и рыси нет.

А для охоты на волков у него тоже был свой метод.
Узнав, что где-то появилась волчья стая, отец отпра-
влялся туда с ружьем и лестницей-стремлянкой. Разыскав
стаю, он выманивал ее из леса. Стая бежала за ним, на-
деясь растерзать его и съесть, а он выбегал в поле, мо-
ментально раздвигал стремянку и становился на верхнюю
ступеньку. Волки толпились внизу и пытались добраться
по лестнице до него, и он бил их поочередно, пока не гиб-
ла вся стая, скошенная губительным свинцом.

Каждую такую историю я сперва принимал на веру,
а дня через два-три начинал сомневаться. А еще через
несколько дней я догадывался, что это неправда. Тогда
я объявлял об этом отцу, а он сердился. А мать серди-
лась на меня за то, что я сержу отца. Она всегда ставила

мне в пример Виктора, который никогда не перечит родителям.

Вообще все надежды возлагались на Виктора, а обо мне отец однажды выразился, что я ЧЕЛОВЕК С ПЯТЬЮ «НЕ». И далее он взял листок бумаги и письменно пояснил, что я

не	{	уклюжий
		сообразительный
		выдающийся
		везучий
		красивый.

Самое печальное, что все эти пять «не» действительно относились ко мне, и я понимал, что больших успехов и достижений в жизни у меня не предвидится. Я не собирался в будущем стать ученым, как Виктор, и не строил больших планов. Я старался получше учиться, чтобы хоть в этом деле не огорчать своих родителей, и это мне, в общем, удавалось. Несмотря на все мои отрицательные данные, память у меня была хорошая.

Хорошая память — это, пожалуй, единственное, что роднило меня с Виктором, с его положительными качествами. Он тоже запоминал все быстро. Так, чтобы скорее приблизиться к карьере ученого, он брал в городской библиотеке научные книги и запоминал оттуда серьезные слова. Этими словами он нередко объяснялся в домашнем быту, что облегчало его жизнь и радовало родителей.

Например, когда мать говорила нам: «Ребята, наколите-ка дровец!», — Виктор отвечал так: «Полигамный антропоморфизм и эпидемический геоцентризм на уровне сегодняшнего дня порождают во мне термодинамический демонизм и электростатический дуализм, что создает невозможность колки дров».

Отец и мать горделиво переглядывались, радуясь

научной подкованности Виктора, и посылали колоть дрова одного меня. Я же хозяйственные работы выполнял старательно, чтобы хоть чем-нибудь искупить свои пять «не».

А между тем печальная весть о том, что я человек с пятью «не», давно распространилась по Рожденьевску-Прощалинску: несмотря на все свои достоинства, Виктор не умел держать язык за зубами. Соседи поглядывали на меня с сожалением, а в школе некоторые ребята прямо-таки задрагивали меня этими пятью «не», и иногда я был вынужден вступать в драку. Девчонки тоже вели себя ехидно и подстраивали мне всякие кверзы. Так, например, соседка по парте Тося однажды позвала меня на первое свидание в городской сад под четвертую липу справа от входа. Но когда я пришел в точно назначенное время, Тоси на месте не оказалось. Зато прятавшийся на дереве ее младший брат, с которым у нее была договоренность, облил мне сверху голову смесью разведенного клея и чернил, используя для этого резиновую медицинскую клизму. Когда же я схватился за голову, из-за беседки выбежали чуть ли не все мальчишки и девчонки нашего класса и коллективно смеялись надо мной.

Дома мне тоже было иногда несладко, в особенности в те дни, когда я проявлял недоверие к рассказам отца. Но дома, как говорится, и стены помогают. У меня же были в полном смысле слова помогающие стены.

Дело в том, что обоев в те годы в продаже не имелось, и, когда старые, дореволюционные обои у нас совсем выгорели и пообшарпались, отец достал где-то много рулонов реклам, оставшихся от царского режима. Ими мы и оклеили комнаты. На нашу с Виктором ком-

нату. ушло немало таких неразрезанных рулонов, на каждом из которых было по шестнадцать рекламных объявлений, и на каждом таком объявлении была изображена очень красивая девушка с нежной улыбкой, обращенной к зрителям, то есть, значит, и ко мне лично. Одной рукой красавица поправляла распущенные по плечам белокурые волосы, а в другой руке держала флакон. Под картинкой было напечатано крупными золотыми буквами: ЛЮБИ — МЕНЯ!

Ниже мелким шрифтом шел рекламный текст:

Всем одеколонам дамы и девушки
предпочитают одеколон

«Люби — меня!».

Нежный и стойкий аромат,
напоминающий запах цветущего луга,
изящная упаковка, недорогая цена
делают наш одеколон незаменимым.

Требуйте ВЕЗДЕ только одеколон

«Люби — меня!»

фирмы поставщика Двора Е. И. В.

«Бланшар и С-вья».

На текст я особого внимания не обращал, но часто любовался этой девушкой, и на сердце у меня становилось легче и веселей. Она глядела на меня со всех четырех стен комнаты. Каждый ее портрет был размером с те объявления, которые нынче расклеивают в трамваях, и я подсчитал, что всего в комнате имелось 848 ее изображений. Глядя на «Люби — меня!», я размышлял, есть ли в жизни такие красавицы, и если есть, то за кого они выходят замуж. За такую я бы с радостью бросился в огонь или в воду — по ее личному выбору.

3. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

В те годы в школах было девять классов. Виктор окончил восемь, а девятого решил не кончать, чтобы скорее погрузиться в науку. Родители целиком одобрили эту мысль и снарядили его в Ленинград, снабдив одеждой и отдав ему все наличные деньги. Вскоре от Виктора пришло письмо. Оно было такой формы и содержания:

ЗАЯВА

Гражданину Петру Прохоровичу
Гражданке Марии Владимировне.

Настоящим заявляю и удостоверяю свое почтение почтенным родителям и имею намерение сообщить, что благополучно намерен поступить старшим лаборантом-энергетиком в Научный Институт Физиологии и Филологии, где намерен круто продвигать-

ся по научной лестнице и где с моим участием будет крупно протекать и провертываться научная работа.

Во второй части своей заявки хочу заявить, что гибридизация и синхронизация в условиях урбанизации и полимеризации требуют аморализации и мелиорации, в связи с чем прошу срочно откликнуться переводом в 50 (пятьдесят) рублей на 86 почт. отд. до востреб.

Ваш талантливый сын

Виктор.

Родители мои с трудом достали требующуюся сумму и послали Виктору. В целом же письмо их обрадовало. Мать охотно читала его соседям, и те хвалили моего брата за ученость, а на меня поглядывали с укором и сожалением.

Вскоре пришла еще одна «заява», а потом еще и еще. С деньгами дома стало совсем плохо. Чтобы избавиться от меня как от лишнего едока, а также чтобы хоть немного пополнить семейную кассу, родители нашли мне временную работу.

Но хоть на работу меня устроили временно, однако в глубине души я чувствовал, что теперь не скоро вернусь в родной дом. Уходя из своей комнаты, последний взгляд бросил я на одно из изображений очаровательной незнакомки, которая красовалась на стенах в количестве 848 экземпляров... «Люби — меня!» — с грустью прочел я под ее изображением и подумал: «Такую, как ты, полюбит всякий, но кто полюбит меня, человека с пятью «не»?»... С этими мысленными словами я поклонился ей и со слезами на глазах вышел из комнаты.

Должен сознаться, что, покидая родителей, я не испытывал тогда должной грусти. Очень уж огорчали меня

попреки матери и частая ложь отца. Но, оставляя своего глухого отца, знал ли я, что окунусь в такие события, правдиво повествуя о которых рискую прослыть еще большим лжецом!

4. ТЕТЯ ЛАМПА

Рожденьевск-Прощалинск стоит на реке Уваге, а в восьми километрах ниже по течению этой реки находилась усадьба бывшего помещика Завадко-Боме. После революции помещик сбежал, и земля перешла к крестьянам, а большой барский дом, стоявший на живописном взгорье, поступил в ведение уездного ОНО. В дальнейшем там предполагалось устроить образцово-показательный музей-заповедник отошедшего в прошлое помещичьего быта. Но пока что у ОНО не было средств на экскурсоводов и на содержание музея, и это здание за скромную зарплату сторожила некая Олимпиада Бенедиктовна, женщина пожилых лет. В городке и окрестных деревнях она была известна под именем Тети Лампы.

Эта Тетя Лампа была женщина старорежимного склада и даже знала французский язык, но, несмотря на это, она не была какой-нибудь контрой. Наоборот, она до революции служила у Завадко-Боме семейной гувернанткой и отчасти в чем-то пострадала от его помещичьего деспотизма, чем и объяснялись некоторые ее странности.

Мать привела меня к Тете Лампе в летний день. Они договорились, что я буду помогать Тете Лампе по хозяйству, взамен чего мне полагается питание и еще десять рублей в месяц, которые будет получать на руки моя мать без моего постороннего вмешательства. Заключив этот устный договор, мать ушла, пожелав мне на прощанье вести себя прилично и как можно реже проявлять свои пять «не».

— Явленья имеешь? — по-деловому спросила меня Тетя Лампа, когда моя мать скрылась за воротами.

— Какие явленья? — удивился я.

— Какие? Самые обыкновенные! — пояснила Тетя Лампа. — Вот ты идешь, скажем, а тебе навстречу какой-нибудь там святой идет, или змий, или мало ли кто.

— Нет, явлений не имею, — честно признался я. — А это плохо?

— Плохо. Мне бы с явленьями надо помощника, чтобы вдвоем смотреть и делиться впечатлениями... Ну, может быть, еще научишься.

Но смотреть явленья я так и не научился. Зато Тетя Лампа видела их чуть ли не каждый день. С некоторыми явленьями она даже беседовала по-французски, для практики, чтоб не позабыть этот иностранный язык. Первое время мне было немножко не по себе, когда она начинала вдруг разговаривать неизвестно с кем, глядя через мою голову, но потом я привык к такому свойству ее характера.

Вообще же Тетя Лампа была добрая. Она никогда меня не бранила, а по воскресеньям давала 20 копеек на кино (сверх тех денег, что вручала моей матери), и я на попутной подводе ехал в Рожденьевск-Прощалинск и там смотрел картины с Мери Пикфорд, Гарри Пилем и Монти Бенксом. Сама Тетя Лампа в кино не ходила, так как явления вполне заменяли ей любое кино.

Работой она меня не перегружала. В мои обязанности входило помогать ей кормить кур, разнимать петухов; следить, чтобы кошки не воровали цыплят, чтобы собаки не обижали кошек, и вообще поддерживать мирное равновесие между курами, кошками и собаками.

Дело в том, что Тетя Лампа очень любила животных, а точнее — собак и кошек. Она собирала их со всей округи, обеспечивала трехразовым питанием и предоставляла им кров — благо жилплощади в бывшем барском доме хватало. Своих подопечных она звала не по кличкам, а давала им звучные имена и от меня требовала, чтобы я каждую кошку и собаку звал полным именем. Помню, были у нее собаки Мелодия, Прелюдия, Рапсодия, Элегия, Мечта; был пес Алмаз и пес Топаз, пес Аккорд и пес Рекорд. Сейчас такие красивые наименования дают радиолам и телевизорам, но в те годы никакой радиотехники не было, так что Тетя Лампа спокойно присваивала их собакам.

У кошек тоже были художественные имена: Маргарита, Жозефина, Клеопатра, Магдалина, Демимонденка, Меланхолия. Не были обижены и коты. Был кот Валентин и кот Константин, кот Адвокат и кот Прокурор, кот Фармазон и кот Демисезон. Всех собачьих и кошачьих имен я не запомнил, так как собак у Тети Лампы имелось девятнадцать персон (это ее выражение), а кошачье поголовье перевалило за сорок единиц.

Вы, наверно, уже заинтересовались: а как же Тетя

Лампа, эта бедная одинокая женщина, содержала столько животных? На какие такие шиши? Но я уже упоминал, что у нее было много кур. Под курятник она отвела бывший барский каретный сарай, а корм покупала у окрестных крестьян. Кур и яйца она продавала в Рожденьевске-Прощалинске и на получаемые деньги вполне могла содержать собак и кошек. Налога с ее куроводческой фермы не брали, так как Тетя Лампа считалась инвалидом умственного труда, пострадавшим от помещичьего гнета.

Жизнь моя у Тети Лампы текла спокойно, я потолстел и окреп. Конфликты, иногда возникавшие между собаками и кошками, я улаживал мирным путем, никогда не прибегая к побоям и даже не повышая голоса. Я вообще уважаю всяких животных, и они, как правило, относятся ко мне хорошо.

У всех собак и кошек были разные характеры и свои достоинства и недочеты. Среди собачьего персонала особенно выделялся маленький пес Абракадабр из породы крысоловов. Это был добросовестный и творчески расгуший пес. Все коты обленились от хорошего питания, а Абракадабр ежедневно обходил комнаты барского дома, вынюхивая, нет ли крыс. Этот обход он делал в порядке профилактики, не надеясь на реальную добычу, так как крысы давно ушли из-за обилия кошек. Кроме того, Абракадабр считал, что он должен добывать себе еду с риском, чтоб не утратить охотничьей инициативы. Поэтому иногда он воровал мясо у кошек, а иногда похищал пищу, готовящуюся для собак, с топящейся плиты, когда Тетя Лампа выходила из кухни. Перед тем как взобраться на горячую плиту, он шел на берег реки, на глинистый откос, и там погружал лапы в мокрую глину, чтобы она облепила их. Потом он ложился на спину лапами вверх, чтобы глина подсохла. Таким образом у него получались огнеупорные сапожки. В них

он забирался на плиту, быстро отодвигал крышку кастрюли, ловко вылавливал кусок мяса, а затем задвигал крышку на место, будто так и было. Я описываю этого небольшого пса Абракадабра так подробно потому, что он послужил как бы детонатором к взрыву дальнейших событий.

Мирное течение моей летней жизни нарушилось только одним происшествием.

Однажды, когда Тети Лампы не было дома, во двор бывшей барской усадьбы пришла цыганка.

— Мальчик, как тебя зовут? — спросила она, и я назвал свое имя.

— Значит, тебя, Степочка, мне и надо, — обрадовалась цыганка. — Я сейчас встретила твою хозяйку, и она сказала мне: «Приди к мальчику Степочке и скажи, чтобы он дал тебе двух кур: одну черненькую, другую рябенькую. Это я тебе дарю за хорошее гаданье».

Цыганки этой я прежде и в глаза не видел, но сразу же поверил ей. Ведь Тетя Лампа не просто подарила ей двух кур, а указала конкретно, каких именно: одну рябенькую, а другую черненькую. Поэтому я помог цыганке поймать кур, и она положила их в свой мешок.

Затем цыганка сказала:

— А теперь я тебе погадаю, и совершенно бесплатно. Предъяви мне левую руку.

Тут она предсказала мне вот что:

— Линии говорят о том, что ты очень доверчив, и уже не раз страдал от этого, и даже сегодня, быть может, пострадаешь. А в будущем тебя на этой почве ждут еще более крупные неприятности, вплоть до казенного дома. Но в конечном итоге эта самая доверчивость сослужит тебе добрую службу. В тот день, когда ты поверишь в то, во что ни один нормальный человек

не поверит, и совершишь свой самый дурацкий поступок, — именно в этот день и окончатся твои неудачи и ты найдешь счастье с бубновой дамой.

Сделав это заявление, цыганка исчезла, будто ее и не было, и мне даже показалось, что это сон. Но, с другой стороны, это был не сон, потому что двух кур все-таки не хватало.

Когда вернулась Тетя Лампа и я ей сообщил, что ее приказание об отдаче кур выполнено полностью, она рассердилась и сказала, что я поддался на обман, как слабоумный. В первый раз за все мое пребывание у нее она велела мне стать в угол, стоять там час и думать о том, что люди бывают хитры и коварны. Я же, стоя в углу, размышлял о том, что цыганка хоть и обманула меня с курами, но в основном была права: я проявил доверчивость и влип на этом деле в неприятность, — ведь это самое она и предсказала. Еще я думал о том, что раз сбылась ее сводка на текущий день, то, возможно, сбудутся и ее долгосрочные прогнозы.

Когда настала зима, родители не взяли меня домой, а велели продолжать работать у Тети Лампы и перевели меня из городской школы в сельскую. Возвращаясь из школы, я приступал к своим обязанностям — носил еду курам, помогал кормить собак и кошек, а в свободное время в сопровождении пса Абракадабра бродил по холодным комнатам огромного барского дома и рассматривал портреты, висевшие на стенах. Там было много красавиц, но ни одна не могла сравниться с «Люби — меня!», которой были украшены стены моей комнаты в родном доме. А иногда я глядел в большие зеркала, стоявшие в простенках, и, видя в них свое невзрачное отражение, с печалью думал, что меня, человека с пятью «не», не полюбит ни одна девочка, а когда я подрасту,

то меня не полюбит ни одна девушка, а когда я стану взрослым, то меня не полюбит ни одна женщина. И когда я помру, то, если есть ад и я буду в нем гореть, меня не полюбит ни одна чертовка, а если есть рай и меня туда вселят, меня не полюбит ни одна ангельша.

Но вот настала весна.

В одно воскресное утро я проснулся от шума, доносившегося с реки. Это начался ледоход. Наскоро поев, я спустился под изволок и стал смотреть на плывущие льдины.

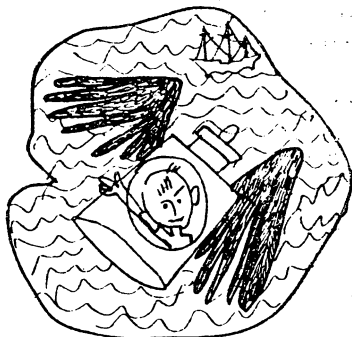
Вдруг со стороны усадьбы послышался сердитый кошачий визг и собачий лай. Обернувшись, я увидел, что пес Абракадбр бежит к реке с куском мяса во рту, а за ним гонятся собаки Прелюдия, Элегия, Мелодия и пес Аккорд, а также коты Константин, Демисезон и Прокурор, а сзади бегут еще две кошки — Жозефина и Меланхолия. Я понял, что дело плохо, если против Абракадабра объединились и кошки и собаки.

Но я не успел ничего предпринять для примирения. Абракадбр в ужасе прыгнул с берега на плывущую льдину, с нее — на другую, с другой — на третью. Собаки же и кошки успокоились и побежали домой.

Видя, что пса уносит на льдине вниз по течению, я понял, что он погибнет, если я по-товарищески не приду ему на помощь. Тогда я поспешил к нему, прыгая со льдины на льдину. В одном месте я прыгнул недостаточно и выкупался в ледяной воде, но сумел вскарабкаться на следующую льдину и вскоре очутился рядом с Абракадабром, который все еще держал в зубах кусок мяса. Только когда я взял пса на руки, он выронил мясо на лед и стал жалобно выть.

Оглядевшись, я увидел, что барская усадьба скрылась за поворотом реки. Кругом были одни льдины, и нас уносило неизвестно куда.

Б. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

Нас с Абракадабром сняли с льдины только всером, когда мы проплывали мимо большого села, которое я условно назову Спасительско-Больничное. В пути я так продрог и простыл, что почти ничего не соображал. Спасшим меня людям я успел сообщить адрес Тети Лампы и свой домашний, а затем впал в беспамятство, и меня положили в местную больницу. Когда недели через две я очнулся, сиделка мне рассказала, что, пока я лежал без сознания, пес Абракадабр все время находился возле меня. Приехавшая Тетя Лампа увезла его силой.

Еще выяснилось, что за это же время меня навестил отец. Он рассказал больным несколько охотничьих историй, после чего у них повысилась температура, так что врачи попросили его сократить срок своего посещения. Уехал он в большой обиде.

Выслушав эти новости, я снова впал в бессознательное состояние, и продолжалось оно два месяца. А короче говоря, я проболел всю весну, лето и всю зиму и чудом остался в живых. Я думаю, что если бы я был болен какой-нибудь одной болезнью, то помер бы наверняка. Но у меня их было целых три: менингит, радику-

лит и двусторонний плеврит. Пока эти болезни спорили между собой, какая из них отправит меня на тот свет, я взял и незаметно выздоровел.

Когда настала весна, к главврачу приехал в отпуск его брат Андрей Андреевич. Он прибыл из Крыма, где заведовал детской колонией. Главврач же относился ко мне очень хорошо, и вот он посоветовал Андрею Андреевичу взять меня в Крым, чтобы там я мог окончательно прийти в себя и укрепить здоровье. Андрей Андреевич поговорил со мной, выслушал краткую историю моей жизни и предложил мне ехать с ним. Я с радостью согласился, но честно предупредил его, что я человек с пятью «не». Однако он сказал, что там, в колонии, это не имеет значения, там есть ребята, у которых по пятьдесят «не» — и ничего, живут.

Вскоре вместе с Андреем Андреевичем я покинул Спасительско-Больничное и очутился в Крыму.

6. ВАСЯ-С-МАРСА

Детская колония помещалась в бывшем графском дворце на берегу моря, на окраине маленького городка, который я условно назову так: Васинск-Околосморск. Первое время я только загорал на пляже и купался, а когда настала осень, меня зачислили в школу при колонии. Временно меня поместили в класс для перерост-

ков, то есть для умственно отсталых. Но я туда попал только потому, что пропустил учебный год из-за болезни и еще потому, что в этом классе был некомплект. Учились в нем самые разные ребята: были и моего возраста, а были и много старше — это те, которые долго беспризорничали. Жили мы дружно, и меня никто не обижал и не корил моими пятью «не». Учился я старательно и даже стал первым учеником как по дисциплине, так и по успеваемости, за что меня ставили в пример другим.

Однажды в колонию привели парня моих лет. Он спустился откуда-то с окрестных гор в голодном состоянии и попал на базар. Там он подошел к торговке пирожками, взял с лотка пирожок и стал его есть бесплатно. Тогда все торговки хотели его бить, но в дело вмешался милиционер и отвел парня в детприемник, а оттуда его направили в колонию. Здесь его зачислили в наш класс как недоразвитого. Его посадили за парту рядом со мной и поручили мне взять над ним шефство и дополнительно проводить с ним занятия, так как он не знал русского языка, а говорил на языке, никому не понятном. Когда мы стали ударять сами себя в грудь и называть свои имена, он тоже ткнул себя в грудь и произнес что-то вроде Ваосаоууусо, и поэтому мы прозвали его Васей.

Вася оказался необыкновенно способным и уже через две недели свободно говорил по-русски. Так как обучал его разговорной речи не только я, но и остальные ребята, а среди этих ребят было много недавних беспризорных и несколько бывших малолетних преступников, то попутно Вася освоил и блатной жаргон. Вместо слова «вокзал» он говорил «бан», вместо «дом» — «хавира», вместо «пиджак» — «клифт» и так далее. А еще недели через две он выучился читать и стал ежедневно прочитывать по несколько книг — все больше словари и энциклопедии. Замечу еще вот что: когда он выучился го-

ворить и писать по-нашему, то сразу выяснилось, что математику, физику и химию он знает отлично. Вскоре он стал первым учеником, оставив меня на втором месте. Но я ничуть не завидовал ему, так как очень с ним сдружился. Вася оказался хорошим парнем, «своим в доску», как тогда говорилось.

Не знал Вася только географии, и все удивлялись, почему такой культурный ученик отстает в этом предмете. Однажды учитель географии принес на урок большой атлас и стал вызывать нас к кафедре. Каждый должен был показать место, где он родился. Я сразу же нашел свой Рожденьевск-Прощалинск, другие ребята тоже, хоть приблизительно и предположительно, но все-таки указали, откуда они родом. Но когда дошла очередь до моего друга Васи, он уставился в карту Советского Союза, помялся немного, а затем сказал, что он здесь не родился.

— Выходит, ты иностранец, — улыбнулся учитель и стал разворачивать перед ним страницы с Африкой, Австралией и Америкой. Но Вася все твердил, что он родился не здесь.

— Ты, видно, в такой далекой стране родился, что на нее карты не хватило, — снова пошутил учитель.

— Он с Луны свалился! — крикнул кто-то с парты.

— Он с Венеры слетел! — крикнул кто-то другой.

— Он с Марса скатился! — высказался кто-то третий.

Других предположений никто не высказывал, так как других небесных тел мы тогда и не знали.

Учитель, слыша эти голоса с мест, раскрыл страницу с картой звездного неба.

— Может, ты действительно где-нибудь на другой планете родился? — в шутку спросил он Васю.

Вася ткнул пальцем куда-то в звездное небо и сказал:

— Кажется, вот здесь.

Учитель одобрил остроумный ответ Васи, но все-таки поставил ему «неуд» и прикрепил к нему первого ученика по географии Колю Косоого. Этот Коля долго был беспризорным и знал географию на практике, так как на крышах вагонов изъездил всю страну.

С этого дня моего друга стали звать Васей-с-Марса. Это было тем более уместно, что он стал в нашем классе четвертым Василием. Кроме него имелись: Вася-псих, Вася-фрайер и Вася-конь. Благодаря прозвищам ни одного Васю нельзя было спутать с другим. Мой друг несколько не стеснялся своей клички и охотно отзывался на нее.

Из колонии я несколько раз писал родителям, сообщал подробности своей новой жизни, но ответа все не было. Наконец пришло гневное письмо отца, в котором он негодовал, что я учусь в классе переростков наряду с беспризорной шпаной и что, в то время как мой талантливый брат Виктор подает надежды, я являюсь позором семьи. «Не смей возвращаться в родной дом, пока не изживешь свои «не»!» — так кончалось послание.

К своему письму отец приложил очередное письмо Виктора, чтобы я мог почувствовать, как низок мой моральный и умственный уровень по сравнению с братом.

ЗАЯВА

Многоуважаемые родители!

Настоящим заявляю вам и удостоверяю своей подписью, что мое будущее восхождение в научную сферу продолжается с глубоким успехом. Во вверенном мне Институте Терминологии и Эквистрики будет в широких масштабах концентрироваться и консервироваться обширная научная мысль, в результате чего кривая моего авторитета будет неколебимо двигаться вверх.

Также сообщаю вам интимно и консультативно, что эротизация гранулированных интегралов и пастеризация консолидированных метаморфоз вызвали во мне высокомолекулярный атавизм и асинхронный сепаратизм, что может привести к адюльтерному анабиозу и даже к инвариантному эпителиальному амфибрахию, во избежание чего прошу вас срочно прислать мне 15 (пятнадцать) рублей на 24-е почт. отд. до востреб.

Ваш талантливый сын Виктор.

Строгость отца очень огорчила меня, и я ходил как в воду опущенный. Когда Вася-с-Марса спросил, что это со мной творится, я показал ему оба письма. К моему удивлению, мой друг никак не реагировал на отцовское послание, а о Викторе даже сказал одно неприличное слово. Я из-за этого чуть было не полез в драку, но потом догадался, что Вася просто оговорился, потому что он еще плохо знает земной язык.

Так как я очень затосковал, то мой друг сказал мне, что он покажет мне мой родной дом. С этой целью он повел меня в колониетскую баню, которая в тот день не топилась.

Мы вошли в пустую парилку, Вася-с-Марса взял таз и наполнил его холодной водой из-под крана. Затем он вынул из кармана куртки маленькую бутылочку, а из гой бутылочки выкатил на ладонь голубую пилюльку с горошину величиной. Эту пилюльку он бросил в таз с холодной водой. Вода помутнела, потом стала похожей на студень, а затем стала гладкой и блестящей, как металл.

— Думай о том, что хочешь увидеть, — приказал Вася.

И вдруг в тазу возникла моя комната, и в ней отец

и мать. Отец стоял на стремянке, а мать подавала ему кусок обоев, намазанный клейстером. Мои родители заново оклеивали комнату, и 90 процентов из 848 изображений «Люби — меня!» были уже погребены под дешевыми зелеными обоями. Оставался только один узкий просвет, откуда на меня глядели еще незаклеенные портреты красавицы. Казалось, «Люби — меня!» смотрела персонально на меня и просила не забывать ее. Но вот отец поднес к стене последний кусок обоев, провел по нему тряпкой, чтобы сгладить складки, — и все было кончено.

— Комната как новенькая, — удовлетворенно сказал он матери, спускаясь со стремянки. — Теперь мы сможем сдать ее жильцам, а деньги будем посылать нашему Виктору, нашей гордости. Пусть он смело двигается по научному пути!

Факт заклеиванья обоями красавицы «Люби — меня!» настолько огорчил меня, что Вася стал опасаться за мое здоровье.

— Кореш мой земной! — обратился он ко мне однажды. — Не могу ли я чем утешить тебя? Может, тебе надоело жить в колонии?

— Увы, — ответил я, — горе мое не поддается исправлению. А в колонии жить мне не так уж плохо, и ребята здесь хорошие. Единственно, что меня огорчает, так это то, что некоторые из них любят врать. Ведь ты и сам знаешь, что стоит вечером воспитателю уйти из спальни, как они начинают рассказывать такие приключения из своей жизни, что я краснею за них всем телом. Я с детства не выношу лжи.

— Попробую помочь тебе, — сказал Вася-с-Марса.

Как раз в то самое время у нас проводилась силами колонистов побелка потолков. Когда дошла очередь до нашей спальни и в ведре была разведена белая литопонная краска, Вася вынул из кармана маленькую плоскую

коробочку, а из коробочки — конвертик с каким-то порошком. Он объяснил, что у них такой порошок примешивают к бумажной массе, но для чего — я так и не понял. Вася же этот порошок высыпал в ведро с краской.

Едва мы побелили потолок, как выяснилась интересная подробность: теперь, когда кто-нибудь, рассказывая о своих приключениях, начинал лгать, белый потолок нашей спальни моментально краснел. И чем сильнее была ложь, тем сильнее он краснел, вплоть до густо-пунцового цвета. Затем, когда рассказчик переходил к правде, потолок опять становился белым. Благодаря этому мероприятию ребята стали гораздо правдивее.

Что касается меня, то я ни разу не заставил краснеть потолок.

Однажды я заметил, что Вася-с-Марса, койка которого находилась рядом с моей, спрятал под матрас пайку сухарей, которую ему полагалось съесть за завтраком. На мой вопрос, зачем ему сухари, он ответил, что скоро собирается домой и поэтому делает заготовку на дорогу. Ведь в пути ему понадобится пища.

Тогда и я стал откладывать для него утренние пайки, и вскоре у моего друга получился довольно солидный запас.

И вот как-то рано утром Вася тихонько разбудил меня и сообщил, что пора ему в отлет. Тогда я снял с подушки наволочку, в нее мы уложили сухари и бесшумно вылезли через окно в парк. Вскоре мы поднялись в горы, затем спустились в безлюдную долину, а потом опять вззошли на гору, поросшую кустарником. Здесь Вася отыскал пещеру, совсем незаметную снаружи, и мы вошли в нее, раздвигая кусты.

В глубине пещеры я увидел большой металлический предмет. По форме он напоминал бидон для молока, только очень большой по размеру.

— Помоги мне выкатить это средство сообщения, — сказал Вася. — В нем-то я и отлечу.

Я нажал плечом на эту штуку, но она и не пошевелилась, она весила много тонн.

— Ах, мать честная, чуть не забыл, — спохватился Вася и громко произнес какое-то слово на непонятном языке. Баллон сразу стал легким, и мы без труда выкатили его из пещеры.

Здесь Вася-с-Марса сказал другое слово, и в борту баллона открылась дверца. Вася вошел внутрь, вытряхнул сухари в какой-то ящик и честно вернул мне казенную паволочку. Внутри баллона были сплошь кнопки и кнопки, и еще я заметил там кресло, вроде зубоврачебного. Затем мы встали с моим другом на площадке, у самого обрыва, и Вася сказал:

— Когда я войду внутрь средства сообщения и закрою за собой люк, ты кати меня в этой штуке к обрыву и смело сбрасывай вниз. Это необходимо для взлета. Не бойся, со мной ничего не случится. А чтоб не подумали, что я погиб, я приготовил документ, ты его отдай в колонии. — И он подал мне бумажку, на которой было написано:

СПРАВКА

В отлете моем прошу никого не винить. Отбываю в полном здравии, умственном и физическом. Сердечно благодарю за гостеприимство.

Ваш в доску

В а с я с/М.

— Вася! — воскликнул я с волнением. — Теперь, когда мы расстаемся, скажи мне точно, откуда ты явился и куда возвращаешься?

— Не скажу тебе об этом для твоей же пользы, —

ответил мой друг. — Ибо если ты мне поверишь, то ты можешь сойти с ума.

— Вася, но ты, надеюсь, не ангел? — спросил я. — Ведь если ты ангел, то я могу впасть в религиозный дурман.

— Гад я буду, если я ангел! — воскликнул мой друг на беспризорничьем жаргоне. — Можешь быть спокойным: ангелов нет и не предвидится.

В заключение нашей беседы Вася спросил, нет ли у меня каких-либо заявлений и пожеланий. В ответ я высказал такое желание:

— Пусть мой талантливый брат Виктор твердо станет на путь науки! Пусть он радуется своими достижениями родителей и меня лично. Пусть ни родители, ни я никогда не разочаруемся в талантливом Викторе!

Друг мой Вася почему-то поморщился, услышав эту просьбу, но затем сказал:

— Э, не он первый, не он последний, как у вас на Земле говорится... Ладно, обещаю тебе, что твой братец сделает научную карьеру. Еще имеются пожелания?

Тогда я обратился к Васе с комплексным пожеланием:

— Пусть мои родители не хворают и живут долго! Пусть наш дом стоит долго, пусть он не сгорит от молнии, войны или неисправности печей, дабы портрет красавицы «Люби — меня!», находящийся под обоями в количестве 848 экземпляров, не пострадал до конца моей жизни и даже дольше!

— Принимаю к исполнению, — ответил Вася. — Выкладывай следующую просьбу.

— Последняя моя просьба такая, — сказал я. — Если где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь ко мне обратится с просьбой и если я обращусь к тебе с просьбой выполнить эту просьбу, то пусть эта просьба будет выполнена.

— Заметано, — ответил Вася. — Я знаю, какая это будет просьба, и охотно ее выполню.

.. — Как же ты можешь знать, когда я и сам еще не знаю, что это будет за просьба?! — удивился я. — Ведь это я про запас, на всякий пожарный случай.

— А я вот знаю, — повторил Вася-с-Марса. — И охотно выполню.

— А как с тобой связаться? — спросил я.

— Очень просто, — ответил мой друг. — Ты подойдешь к телефону, снимешь трубку...

— А что я скажу телефонной барышне? — перебил я его.

— Телефонных барышень уже не будет. Будут АТС. Ты наберешь на диске одиннадцать единиц и пять пятерок — у меня очень простой номер, его легко запомнить... Ну а теперь нам пора расставаться.

Мы пожали друг другу руки, Вася влез в свой баллон, и дверца за ним захлопнулась.

Я покатию баллон к обрыву и сбросил его вниз, туда, где шумело Черное море. Баллон вначале падал как камень, но, не долетев до воды, вдруг замедлил падение, потом на миг застыл в воздухе и вдруг рванулся вверх. Он исчез в небе так быстро, что я даже не успел рукой помахать ему вслед.

Когда я вернулся в колонию и показал Васину записку, мне не поверили, что Вася отлетел. Все решили, что справку он написал в шутку, а сам, с моего ведома, убежал из колонии, чтобы вплотную заняться бродяжничеством. Однако я потребовал, чтобы все сомневающиеся пошли со мной в спальню и выслушали меня там. Когда я снова изложил все по порядку и потолок ничуть не покраснел, большинство мне поверило. Но некоторые поверили не целиком, а только до того места, где я столкнул Васину посудину в море. Они решили, что Вася рехнулся и я не должен был сталкивать его, ибо он, ко-

нечно, утонул. Напрасно я втолковывал, что он не утонул, а отлетел — в это малoverы не могли поверить. И вот они стали меня считать отъявленным лгуном и чуть ли не убийцей.

Отношение этих ребят ко мне резко изменилось. Мне начали подстраивать всякие мелкие неприятности. То, ложась спать, я обнаруживал под подушкой дохлую мышь; то, обуваясь утром, находил в своих ботинках козы катышки. Жизнь моя стала невыносимой. Меня огорчали не столько все эти каверзы, сколько тот факт, что меня, ненавидящего ложь, считают лжецом.

Кончилось тем, что я пошел к Андрею Андреевичу и, не называя имен своих обидчиков, заявил, что больше жить в колонии не могу.

Выслушав меня, этот добрый человек сказал, что мне чертовски не везет. Но в утешение он поведал мне историю древнего грека Поликрата, которому с молодых лет чертовски везло, зато под старость так не пофартило, что с него живьем содрали кожу. И от души пожелал мне, чтобы у меня было все наоборот.

Затем Андрей Андреевич спросил меня, кем бы я хотел быть. Я ответил, что в смысле профессии я хотел бы пойти по стопам отца, то есть стать счетоводом. Тогда мой наставник сказал, что колония имеет право посылать своих питомцев в техникумы, где им несколько облегчаются условия приема и предоставляется общежитие. Но прежде я должен окончить семь классов школы в колонии и временно примириться со своими моральными трудностями, на что я ответил согласием.

И вот наконец настал день, когда я, снабженный документами и деньгами на дорогу, отбыл в Ленинград. В кармане моем имелась путевка в Ленинградский четырехгодичный счетно-финансовый техникум.

Не буду описывать вам свои впечатления от этого прекрасного города, в котором я очутился впервые.

Об этом полнее и лучше сказано у классиков, а также у некоторых современных писателей. Что касается меня, то я безболезненно был принят на первый курс. Экзамен оказался нетрудным по случаю недобора. Устроилось дело и с общежитием, где я получил койку.

Приступив к учебе, я написал отцу о перемене в своей жизни. Вскоре он прислал мне ответное письмо, в котором одобрил мой выбор. Он советовал мне учиться старательно, чтобы хорошей успеваемостью хоть немного затушевать свои пять «не». Далее он намекнул, что хоть я теперь и имею счастье жить с Виктором в одном городе, но мне не следует посещать брата, дабы не уронить его во мнении окружающих. К своему посланию отец приложил очередную «заяву» Виктора, чтобы я мог порадоваться его успехам.

Многоуважаемые родители!

Настоящим заявляю, что мои творческие поиски привели меня к подлинным успехам. Прошу вас примкнуть к моему торжеству и спеть со мною песнь торжествующей любви! Не так давно я имел факт вступления в фактический брак с незабвенно полюбившей меня Перспективой Степановной, дочерью общеизвестного профессора антропофагии, ведущего кафедру анималистической лингвистики и хореографии в Институте Меланхолии и Вкусотерапии, каковой фактический морганатический брак был, для большей прочности, оформлен мной и Перспективой в райзагсе и в церквах православной и католической, а также в мечети, синагоге и буддийском храме.

Нокаутированный торжествующими фактами, профессор предоставил мне жилищную площадку для творческого взлета и обязался

оказать помощь в продвижении в науку, дабы муж его дочери был достоин ее отца.

P. S. Ввиду того, что пиротехнические геосинклинали и идиосинкразические трипанозомы имеют тенденцию к миокардической инфляции, а также принимая во внимание, что конвергенционные инкунабулы и психомоторные константы требуют трехфазной варикозной турбулентности, присылаю вам 50 (пятьдесят) рублей для ваших личных трат и увеселений.

Ваш талантливый Виктор.

Должен сознаться, что я не все понял в письме своего талантливого брата, но главное для меня стало ясно: он твердо вступил на путь науки, и теперь я могу быть за него спокоен. Вася-с-Марса честно сдержал свое слово!

За три учебных года я не пропустил ни одной лекции и, тщательно переходя с курса на курс, заслужил репутацию старательного студента. Жизнь моя текла спокойно, и никаких странных происшествий со мной больше не случилось. В свободное время я читал научно-фантастическую литературу, а иногда посещал кино, куда ходил совместно с одной студенткой по имени Сима, которая обратила на меня внимание. Иногда она приглашала меня к себе домой, и мы танцевали под патефон. Родители ее сочувствовали нашим отношениям и смотрели на меня как на жениха.

Однажды пришло ко мне письмо от отца, который сообщил мне радостную весть, что мой брат разрешает мне навестить его. Отец тактично дал мне в письме дружеский инструктаж, как я должен вести себя в гостях у Виктора: не задерживаться более часа; не задавать научных вопросов, так как в науке я все равно ничего

не смыслю; не сморкаться громко; не налегать на еду и вино; воздержаться от посещения уборной, и еще ряд указаний, которые я принял к сведению.

Предварительно созвонившись с братом по телефону, я явился к нему в точно назначенное время. Дверь мне открыла представительная домработница и повела в кабинет, обставленный солидной мебелью. На стенах висели портреты Стефенсона, Пастера, Ломоносова и многих других крупных ученых и изобретателей; среди них находился и большой поясной портрет моего талантливого брата. Сам же Виктор сидел за большим письменным столом, а перед ним лежали толстые научные книги, и он из них что-то выписывал на красивую глянцевиую бумагу авторучкой с золотым пером.

Увлеченный процессом научного творчества, Виктор заметил меня не сразу. Но, заметив, ответственно улыбнулся, задал мне несколько наводящих вопросов о моей жизни и выразил одобрение моим скромным успехам.

Потом домработница провела меня на чистую кухню, где уже стояла бутылка ликера «бенедиктин» и тарелка с закуской. Я выпил стопку ликера и закусил ее отличными маринованными грибами, после чего домработница отвела меня в гостиную. Сюда же пришел и брат и снова деликатно задал мне несколько вопросов, не касающихся науки. Жена его, Перспектива Степановна, тоже находилась в гостиной. Одетая в красивую голубую пижаму, она полулежала на кушетке в изящной заграничной позе. В разговор она не вступала, так как была от рождения глухонемой, но смеяться она умела и изредка оживляла нашу беседу мелким приятным смехом. Затем она встала, подошла к роялю и взяла несколько звучных аккордов.

Вскоре время мое истекло. На прощанье брат пожелал мне дальнейших скромных успехов и сказал, что теперь я могу посещать его ежеквартально. Я ушел,

очарованный отдельной квартирой и научной атмосферой, и с нетерпением стал ждать следующего своего посещения.

Но, увы, скоро благоприятная полоса моей жизни прервалась неожиданными событиями.

7. ПОЧЕТНЫЙ ШЕРСТЕНОСИТЕЛЬ

Так как я считался старательным и беспрогульным студентом четырехгодичного счетно-финансового техникума, то после окончания третьего курса мне дали бесплатную путевку в санаторий общего типа, который находился в ста двадцати верстах от Ленинграда. При санатории имелся пункт велопроката, и скоро я выучился ездить на велосипеде. Пользуясь хорошей погодой, я часто совершал индивидуальные велосипедные вылазки.

Во время одной из таких приятных поездок я свернул с шоссе и довольно долго ехал по незнакомой лесной дороге, а затем свернул на тропинку. Вскоре я очутился на поляне, посреди которой стояла изба, окруженная огородом. Так как день был весьма жаркий и меня уже давно томила жажда, я подошел к избе и постучал в дверь.

— Хозяина дома нет, — слышался из-за двери мужской голос.

— Это не имеет значения, — ответил я. — Дайте, пожалуйста, попить.

Послышались шаги, и вскоре дверь приоткрылась. Оттуда высунулась рука с кружкой воды. Но какая рука! Это была рука человеческая, но вся покрытая густой и длинной зеленоватой шерстью. Мне стало не по себе, но, чтобы не обижать дающего, воду я выпил. Однако, возвращая кружку, я сделал неловкое движение и распахнул дверь.

Передо мной стояло существо с немолодым человеческим лицом, но в остальном целиком и полностью поросшее густой шерстью. Одежды на нем не было — да, учитывая густоту шерстяного покрова, существо это в одежде и не нуждалось. Мне вспомнились легенды о леших, и я отпрянул и едва не свалился с крыльца.

— Не бойтесь меня, — сказала существо. — Я такой же человек, как и вы. Пройдемте со мной в комнату, и я конспективно изложу вам всю правду о себе.

С некоторой опаской прошел я за ним через сени в комнату. Мне казалось, что все это происходит во сне. Но существо нормально село на стул и заявило, что его зовут Валентином Валентиновичем.

Далее Валентин Валентинович поведал мне свою персональную историю.

С молодых лет он работал в аптеке провизором, и его всегда огорчало, что он ничем не может помочь лысым людям, обращавшимся к нему за лекарством для восстановления волос. Те патентованные лекарства, которые порой рекламировались в журналах, были сплошным шарлатанством и никуда не годились. Настоящего же средства для восстановления волос не было. Обладая роскошной шевелюрой, но будучи человеком отзывчивым, Валентин Валентинович от души сочувствовал всем

лысым и был в обиде на медицину, которая не захотела пошевелить мозгами для решения этой проблемы. И вот после долгих размышлений Валентин Валентинович решил своим умом изобрести средство для борьбы с безволосьем. Этой научной проблемой он стал заниматься по ночам и в полной тайне от всех, чтобы не быть осмеянным в случае неудачи. Прошло много лет, и сам он от усиленных умственных трудов облысел, но вот настал великий день, когда им была найдена верная и точная формула лекарственного средства дляращения волос. На основе этой формулы он составил порошок для приема внутрь, которому дал наименование «Прогресс-волосатин».

Но хоть правильность формулы была несомненна, «Прогресс-волосатин» нуждался в проверке опытом. Естественно, что в первую очередь Валентин Валентинович решил испытать препарат на самом себе. Поэтому, когда настал его очередной отпуск, он попросил еще месяц за свой счет и прибыл сюда, в укромный домик лесника. Отсюда он надеялся вернуться в свою аптеку и в широкий мир уже с густой шевелюрой и объявить людям о крупной медицинской победе. Он заранее предвкушал радость всех лысых людей, которым он своим открытием вернет их бывшую красоту.

Приняв порошок «Прогресс-волосатин», Валентин Валентинович стал ждать результатов. Эти результаты начались на третий день: у подопытного выпали последние остатки волос. Но сразу же после этого начали расти новые волосы. Однако росли они не только на голове, но равномерно на всем теле, и притом они были почему-то зеленоватого цвета. Строго говоря, это были даже не волосы, а шерсть, причем по фактуре — мягкая и шелковистая. Еще через несколько дней растительность стала такой густой и длинной, что Валентину Валентиновичу оказалась не нужна его одежда. Он стал ходить так,

причем благодаря уединенности места и отсутствию прохожих и посетителей никому не причинял испуга, исключая хозяина-лесника. Лесник был пьющим и, увидев аптекаря в новом обличье, решил, что это просто алкогольный мираж, и самокритически отправился в районную больницу для излечения от белой горячки, где его и госпитализировали.

Вначале странное действие «Прогресс-волосатина» повергло Валентина Валентиновича в отчаянье. Он считал, что рухнула мечта его жизни. Однако он утешил себя тем, что действие порошка рассчитано на два месяца, а после этого шерсть опадет. Так что хоть он и не одарит человечество новым препаратом, но его неудача останется тайной, и он вернется в город, сыграв вничью. Поэтому отчаяние его сменилось лирической грустью. Так, в состоянии легкой печали, в спокойном ожидании срока, когда опадет его зеленая шерсть, провел он несколько дней, бродя по окрестным лесам и собирая грибы и ягоды.

Вскоре он заметил, что шерсть удобнее одежды, так как не стесняет движений и хорошо предохраняет тело от жары. В то же время он констатировал факт, что шерсть хорошо предохраняет и от холода. А однажды, попав под ливень, Валентин Валентинович несколько не промок, ибо струи стекали по шерсти, не доходя до тела. Когда же ливень кончился, Валентин Валентинович встряхнулся — и стал совсем сухим.

И вот однажды его, как удар грома, озарила мысль: то, что он счел неудачей, на самом деле — великое открытие. И он мысленно сравнил себя с золотоискателем, который в поисках крупинок золота открыл мощные залежи платины.

Он понял, что началась новая эра цивилизации. Благодаря ему, Валентину Валентиновичу, людям теперь не нужна будет одежда. Достаточно любому человеку

через каждые два месяца принимать «Прогресс-волосатин», и он будет ходить в своей шерсти, не нуждаясь ни в нижнем белье, ни в верхнем платье. Гигиеничная личная легкая ворсистая шерсть будет беречь людей от зноя и холода. Колоссально сократятся расходы человечества. Деньги, которые раньше люди тратили на одежду, они смогут теперь расходовать на культурные нужды. В сельском хозяйстве произойдет переворот: не нужно будет сеять ни хлопок, ни лен; поля, где прежде росли эти технические культуры, будут засеиваться пшеницей и прочими злаками, и человечество будет всегда обеспечено зерном. Не нужны станут ткацкие, швейные и трикотажные фабрики, и освободившиеся производственные площади можно будет использовать более целесообразно, что вызовет расцвет промышленности. Охотники-промысловики избавятся от своей трудной работы и перестанут убивать зверей. Ибо кому, спрашивается, нужны будут лисьи или бобровые шкуры, если каждый сам себе станет и бобром и чернобуркой.

Я внимательно слушал Валентина Валентиновича, и предо мною мелькали светлые картины будущего, когда человечество оденется в свою персональную шерсть. Но меня смущала мысль, что, в то время как одежда дает возможность каждому проявлять свой личный вкус, люди, носящие шерсть, будут все похожи друг на друга. Этим сомнением я поделился с моим собеседником.

В ответ Валентин Валентинович сообщил мне, что он тоже думал об этом. В дальнейшем он разработает рецептуру гормональных добавок к «Прогресс-волосатину», и каждый человек сможет растить на себе шерсть любого цвета. Девушкам пойдет шерсть оранжевая, розовая и небесно-голубая, дамам на выбор будет предоставлена богатая гамма цветов — от желтого и нежно-лилового до электрик и маренго. Мужчин вполне удовлетворят скромный серый, темно-синий и коричневый цвета. Любой

шерстеноситель через каждые два месяца сможет менять цвет своего покрывала, следуя моде или личному вкусу. Более того, со временем Валентину Валентиновичу, быть может, удастся дать возможность каждому шерстеносителю носить пятнистый покров, комбинируя по своему вкусу расположение различных цветочных пятен. Кроме всего этого, следует учесть, что шерсть легко поддается завивке, и поэтому перед женщинами открывается широкий простор для творческого соревнования и проявления индивидуальных вкусов. Правда, количество парикмахеров и парикмахерских придется удешевить, так как в связи с увеличением площади завивки длительность обработки клиента возрастет во много раз.

Валентин Валентинович ненадолго умолк, а потом привел новые доводы в пользу шерстеношения. Он сказал, что надо помнить и о морально-этической стороне дела. Когда все женщины станут носить шерсть, они перестанут завидовать друг другу в отношении одежды, ибо таковой не будет. В первую очередь это благоприятно скажется на женах. Ведь сейчас иные из них готовы разорить своих мужей в погоне за модными тряпками. Жена-шерстеносительница будет идеальной женой.

— Да, теперь я понимаю, что вы сделали великое открытие, — сказал я своему новому знакомому. — Даже не верится в такое чудо!

— Но это чудо существует, — с достоинством возразил Валентин Валентинович. — Чтобы убедиться в этом, вы можете погладить меня по спине. Не бойтесь, погладьте. Вы убедитесь в полноценности моей шерсти.

Я с некоторой опаской провел рукой по его спине. Действительно, шерсть была мягкая, пушистая, качественная.

— Прекрасная шерсть! — воскликнул я. — Вы сделали ценный подарок человечеству!

— Увы, этот подарок еще не сделан, — с грустью

в голосе ответил Валентин Валентинович. — Опыт я провел только на самом себе, и мне могут не поверить, могут счесть за шарлатана. Мне нужны люди, которые согласились бы повторить на себе мой эксперимент и подтвердить мое открытие. Тогда весь мир поверит в «Прогресс-волосатин», и начнется новая эпоха.

Затем мой собеседник пристально посмотрел мне в глаза и заявил, что он с первого взгляда различил во мне добросовестного, смелого и прогрессивного человека и что такие-то ему и нужны. И он предложил мне принять дозу «Прогресс-волосатина» и проверить его действие на себе. Услышав это предложение, я слегка растерялся, так как предвидел некоторые трудности.

— Может быть, вы беспокоитесь за свою внешность? — тактично спросил меня мой собеседник. — Но могу вам честно сказать, что сейчас вы не очень красивы, в шерсти же вы будете оригинальны. Вам пойдет это зеленоватое одеяние, как бы дарованное самой матерью-природой. Подумайте только: прежде у дворян была голубая кровь, а у вас, простого студента, будет своя зеленая шерсть! И ведь это ради науки!

Мне стало стыдно своей нерешительности. Я подумал о том, что мой талантливый брат целиком отдал себя науке, а я, человек с пятью «не», еще ничего для нее не сделал.

— Согласен! — сказал я Валентину Валентиновичу. И он тотчас дал мне порошок, который я принял, запив его водой. Затем я поспешил в санаторий, но перед уходом договорился со своим собеседником, что буду регулярно посещать его в его уединении, дабы он мог наблюдать происходящие во мне (вернее, на мне) перемены. На прощанье он дружески пожал мне руку и сказал, что население земного шара будет мне благодарно и присвоит мне звание почетного шерстеносителя.

Я вернулся в санаторий, и жизнь потекла прежним порядком. На следующий день мне даже показалось, что моя встреча с Валентином Валентиновичем — это лишь прекрасный сон, ибо где уж мне, человеку с пятью «не», стать участником великих событий.

Но еще через день волосы с моей головы начали интенсивно опадать. Товарищи по палате выражали мне сочувствие, не понимая, что тут надо только радоваться. А еще через пару дней на мне пробились первые шерстинки. Короче говоря, через неделю все мое тело было покрыто длинной высококачественной зеленой шерстью. Она была настолько густа и пышна, что одежда теперь не налезала на меня, да я и не нуждался в одежде. Шерстяной покров не только оберегал меня от холода и зноя, но и отлично укрывал то, что должно быть укрыто. Однако для соблюдения приличий я ходил в трусиках. В таком виде я посетил Валентина Валентиновича; он был очень рад, что опыт удался.

К сожалению, в санатории мое преобразование не встретило должного отклика. Новое всегда трудно внедряется в быт, и к преимуществам шерстеношения никто не отнесся серьезно. Врачи считали, что я заболел какой-то странной болезнью, и пичкали меня лекарствами, а некоторые отдыхающие отказались обедать со мной за одним столом. Наименее сознательные даже дергали меня за шерсть, проверяя ее реальность, так как не могли поверить в это достижение научной мысли. Но самое обидное, что почти у всех мой вид вызывал приступы неуместного смеха, и за мной ходили толпы зрителей, вследствие чего резко упал авторитет штатного санаторского затейника. Этот-то затейник и внушил директору санатория мысль, что от меня надо избавиться. И вот директор вызвал меня в свой кабинет и, сославшись на то, что мой внешний вид несовме-

стим с правилами внутреннего распорядка, предложил мне досрочно покинуть вверенный ему санаторий.

Забрав свои манатки, я направился к Валентину Валентиновичу, которого застал на чемоданах. Он готовился к возвращению в город и ждал подводы, которая должна была доставить его на станцию. Был он в одежде и без шерсти — шерсть опала, так как уже прошло два месяца со дня приема им «Прогресс-волосатина».

Я поведал Валентину Валентиновичу свои невзгоды, и он стал утешать меня, напоминая о том, что я служу науке, а наука требует жертв. Далее он намекнул, что, когда ему воздвигнут памятник, то, возможно, рядом поставят и мою небольшую статую. Я буду изображен в шерсти и с факелом познания в руке.

Когда прибыла подвода, лошадь почему-то очень испугалась меня и даже пыталась стать на дыбы. Возница с трудом уговорил ее постоять спокойно, чтобы дать возможность Валентину Валентиновичу сесть в телегу и погрузить свои вещи. Возница разрешил и мне положить на подводу мой чемодан, но меня лично попросил идти пешком позади телеги, чтобы не смущать неразумную лошадь.

Когда мы прибыли на станцию и вошли в вагон, среди пассажиров возникло острое недовольство. Хотя на мне были сандалии, трусики и кепка, ясно указывающие на то, что я человек, одна гражданка, ребенок которой испугался и заплакал, потребовала моего ухода. Тогда Валентин Валентинович взял мой билет и побежал в кассу. Вернувшись, он вручил мне квитанцию и возвратил часть денег.

— Вот видите: уже начинаются выгоды вашего положения, — сказал он. — Я оформил вас по багажной квитанции, как домашнее животное, так что проезд вам обойдется вдвое дешевле, чем мне.

Ехать в багажном вагоне было плохо, так как там,

кроме различной кладки и лично меня, находились две собаки. Они отнеслись ко мне недоверчиво, все время лаяли и норовили вцепиться в мою шерсть. Мне пришлось забаррикадироваться сундуками и чемоданами.

Когда я прибыл в Ленинград, то началась целая серия неприятностей, всех их и описывать не буду. Сима, студентка, которой я отчасти нравился, обозвала меня гориллой и сказала, что ошиблась во мне. Когда я явился на лекцию, преподавателя никто не слушал, а все смотрели на меня. Чтобы не срывать занятий, я был вынужден временно отказаться от посещения техникума и ждать, когда опадет моя шерсть.

Ожидая психологической помощи, я пошел к Виктору, но, увидя мою шерсть, брат встретил меня сурово. Он сказал, что это выявилась моя внутренняя звериная сущность, и просил впредь не являться к нему в таком антиобщественном виде. Далее он выразил пожелание, чтобы я в частных разговорах и анкетах не упоминал о своем родстве с ним, дабы не бросить на него несмысливаемую моральную тень. Я ушел от своего талантливо-го брата, глубоко огорченный тем, что доставил ему неприятность своим посещением.

В конце концов я решился на беспринципный поступок и пошел на дом к Валентину Валентиновичу с просьбой дать мне какое-либо снадобье, которое досрочно освободило бы меня от шерстеношения. Но, увы, изобретатель «Прогресс-волосатина» признался мне, что такого средства нет.

Во время этого посещения я заметил, что Валентин Валентинович снова в шерсти, однако вид у него был грустный. Я его спросил, почему он невесел, ведь теперь, когда на практике доказано безошибочное действие «Прогресс-волосатина», ему надо только радоваться за себя лично и за все человечество в целом.

Но в ответ он скорбно улыбнулся и нервным шепотом поведал мне о кознях своей жены.

Оказывается, жена изобретателя, узнав о замечательных свойствах «Прогресс-волосатина», решила извлечь из этого препарата личную выгоду. Она заставила Валентина Валентиновича уйти с работы, чтобы он сидел дома и непрерывно отращивал на себе шерсть, которую она систематически снимала с него при помощи ножниц для стрижки овец. Из этой шерсти она научилась вязать свитеры, джемперы и кофточки, которые сбывала на толкучке и через комиссионные магазины. Так было опошлено и скомпрометировано замечательное научное открытие, и с тех пор я ничего больше не слышал ни о Валентине Валентиновиче, ни о его «Прогресс-волосатине».

Что касается лично меня, то и мне «Прогресс-волосатин» не принес радости. Когда через положенные два месяца шерсть с меня опала, восстановился нормальный волосяной покров и я снова начал посещать техникум, выяснилось, что я очень отстал и продолжать учебу уже нет смысла. Я был отчислен из техникума со справкой об окончании трех курсов и поступил работать кассиром в одну из бань на Петроградской стороне. Зарплата была невелика, но выгода заключалась в том, что при бане мне предоставили отдельную комнатку в семь квадратных метров. Комнатка была теплая, и для полного уюта в ней не хватало только портрета «Люби — меня!» — хотя бы одного из тех 848, что покоились в моем родном доме под слоем обоев.

Вскоре началась война, на которую я ушел рядовым. Я имел два легких ранения, но никаких странных происшествий, подобных тем, которые я описал, на войне со мной не было. Поэтому не буду описывать этот период своей жизни, а сразу перейду к послевоенным годам.

8. БОЛЬШАЯ БУТЫЛКА

После демобилизации я вернулся в Ленинград и снова поступил работать кассиром в баню. Комнатка, в которой я прежде жил, была уже занята, но мне предоставили жилплощадь в другом доме, тоже на Петроградской стороне. Квартира, куда я въехал, состояла только из двух комнат — из моей шестиметровой и из двадцатидвухметровой, где жила одна симпатичная супружеская пара. Муж, которого звали Георгием Васильевичем, был контролером ОТК на каком-то предприятии; ему было уже за сорок. Жена его, Марина Викентьевна, работала в библиотеке; ей было за тридцать. Жили мои соседи очень дружно, а ко мне относились приветливо, так что в их присутствии я забывал о том факте, что я — человек с пятью «не». В дни крупных календарных дат они даже приглашали меня за праздничный стол.

Мне нравилось их взаимное уважение друг к другу. Они никогда не ссорились, и ни разу я не видел их не только пьяными, но и «под мухой». По праздникам на столе у них стояла бутылка кагора — это был единственный спиртной напиток, который они признавали, ибо кагор полезен для желудка. Но выпивали они за весь вечер не больше рюмки на брата, и все потчевали

меня. Но я, как и они, будучи человеком непьющим, тоже больше одной рюмки не выпивал. И так мы жили в дружбе и добром согласии четыре года.

Но, увы, настал день, когда я, помимо своей воли, внес в дружную семью раздор и смятение, в результате чего был вынужден со скандалом и даже с легким увечьем покинуть эту квартиру.

Расскажу все по порядку.

В той бане, где я работал кассиром, честно трудилась одна пожилая банщица предпенсионного возраста. Звали ее Антонина Антоновна. Работала она в первом женском классе с паром, и обязанности ее состояли в том, что она следила за порядком в предбаннике, принимала билеты и указывала посетителям шкафчики для белья. Она считалась очень добросовестным работником и всегда выполняла план по вежливости.

Однажды Антонина Антоновна не явилась на работу, а затем известила начальство, что она серьезно простудилась и находится на бюллетене. А так как знали, что живет она одиноко, то решено было проявить к ней чуткость товарищей по работе, то есть написать ей коллективное письмо с пожеланием скорого выздоровления и навестить ее с каким-либо пищевым подарком. Отнести письмо и подарок поручили мне. Такие общественные задания по линии заботы о людях давались мне и прежде, так как всем было известно, что человек я холостой и времени свободного у меня больше, нежели у других.

В ближайший выходной я с утра пошел в гастроном, где приобрел небольшой торт, коробку конфет «Красный мак», а также несколько апельсинов. Затем я направился по адресу, который был указан на конверте письма.

Дверь мне открыла Антонина Антоновна. Когда

я пояснил ей причину своего посещения, она была тронута заботой о человеке и пригласила меня выпить в ее обществе стаканчик чаю. Как оказалось, жила она в отдельной квартире, состоявшей из комнаты, прихожей и кухни. Это была часть бывшей большой старинной квартиры, разделенной на две или даже на три и перестроенной.

За чаем я рассказал Антонине Антоновне последние банные новости и передал ей, кроме письма, устные приветы от всех общих знакомых. Разговаривая, я невольно разглядывал комнату. Потолок был лепной, и на нем виднелись летающие херувимы и лебеди, а что касается обстановки, то она не соответствовала скромному заработку хозяйки, ибо имелось несколько кресел, обтянутых натуральной кожей, и много шкафов с книгами в богатых переплетках. Вдобавок ко всему, в правом углу стояло пианино.

За чаем Антонина Антоновна поинтересовалась моей жизнью, и я изложил ей свою краткую биографию, которая, по-видимому, произвела на нее положительное впечатление, хоть я и не утаил, что являюсь человеком с пятью «не».

— Ваше простое лицо и искренняя речь внушают мне доверие, — сказала вдруг Антонина Антоновна. — А так как жизнь моя уже на излете, то я хочу поведать вам одну секретную тайну, которая не должна скончаться вместе со мной. Но прежде задам вам один интимный вопрос: вы не пьете?

Я откровенно ответил, что я непьющий. В уме же я подумал, что, вероятно, сделал упущение, не принеся с собой, в числе прочих продуктов, пол-литра портвейна или вермута. Поэтому я добавил, что если Антонина Антоновна хочет выпить, то я могу немедленно слетать за угол и купить за свой счет бутылку какого-либо вина.

Но моя собеседница ответила, что она никогда спиртного не пьет и что ее вопрос, пью ли я, сделан ею из желания предложить мне выпить, так как у нее есть неплохой ассортимент вин.

Тогда я ответил, что из уважения к ней я всегда готов выпить рюмочку за ее здоровье.

— Подойдите к этой стене, снимите с нее картину, откройте потайной шкаф и выберите себе бутылку вина по своему вкусу, — сказала Антонина Антоновна, указав на левую стену комнаты.

Я подошел к картине, изображавшей красивого молодого человека с восточными усиками и в белой чалме, снял эту картину со стены и увидел в стене медную ручку, находившуюся на уровне моей головы.

— Нажмите на ручку четыре раза, — распорядилась Антонина Антоновна.

Я сделал так, как она велела, и вдруг обои с треском лопнули, по стене побежала вертикальная трещина, и открылась тяжелая металлическая дверь. Моему взору предстал потайной шкаф. В этом шкафу на полках из красного дерева стояли ряды бутылок. На каждой из них имелась аккуратная бумажка с наименованием вина, и каких только названий там не было!.. Но, увы, все бутылки были пусты, о чем я доложил Антонине Антоновне.

— Это ничего не значит, — ответила она. — Выберите себе бутылку с подходящим ярлыком и далее действуйте по моим личным указаниям.

Тогда я выбрал бутылку с надписью «Кагоръ», ибо знал, что это вино способствует пищеварению.

— Теперь сходите на кухню и наполните эту бутылку водой из-под крана, — распорядилась моя собеседница.

Я удивился такому указанию, но, чтобы не огорчать пожилого человека, направился на кухню. Там, отерев

пыль, я обнаружил, что бутылка эта сделана из обыкновенного стекла. Внутри можно было заметить какой-то красноватый налет, который не исчез и после того, как я, сполоснув бутылку, наполнил ее водой.

— Что теперь с ней делать? — спросил я Антонину Антоновну, входя в комнату.

— Поставьте бутылку на подоконник, и пусть она там стоит семнадцать минут ноль-ноль секунд, — ответила моя собеседница, взглянув на часики. — А вы тем временем выслушайте краткую историю моей жизни и моего уникального научного открытия.

И вот что она мне поведала. Родилась она в Петербурге в зажиточной аристократической семье и училась в гимназии закрытого типа, где обнаружила большие данные ко всем наукам, а в особенности к химии. После окончания гимназии девушка, проявившая необыкновенные способности, была послана родителями за границу, где она блестяще окончила два университета. Вернувшись в Петербург, Антонина Антоновна всецело погрузилась в научные исследования. В то время как ее высокопоставленные подруги проводили время на балах и у модных портних, она дни и ночи продуктивно трудилась в химической лаборатории, которую оборудовала в особняке своих родителей. Будучи очень красивой, она тем не менее категорически отвергала ухаживания и предложения рук и сердец, которые исходили от различных блестящих офицеров, помещиков и крупных фабрикантов. Некоторые из них кончали с собой не в силах выдержать такого удара судьбы.

Еще в глубоком детстве, проходя на уроке закона божия евангелие, юная Антонина обратила внимание на то, что известный Иисус Христос во время свадьбы в Кане Галилейской сумел превратить обыкновенную воду в вино и напоить им всех присутствующих. Этот

легендарный факт прочно запал в ее детскую душу, и теперь, став взрослой, она решила при помощи науки осуществить древнюю легенду. Она хотела, чтобы все люди получили возможность пить полезные и вкусные вина взамен водки, которая, как известно, до добра не доводит.

В течение нескольких лет Антонина Антоновна день за днем искала формулу, при помощи которой она смогла бы осуществить свою мечту. И вот однажды глубокой ночью моей собеседнице удалось синтезировать универсальный состав, который преобразовывал обыкновенную H_2O в вино. Добавляя к этому составу некоторые микродобавки, можно было варьировать вкус, цвет и градусность вина.

Далее Антонина Антоновна изложила мне, что для получения «вечной» бутылки необходимо развести синтетический состав в специальном растворителе и налить его в обыкновенную бутылку. Затем, поставив ее в муфельную печь и постепенно повышая температуру, нужно выпарить растворитель, чтобы состав плотно осел на стенках и дне бутылки и навсегда приварился к ним. И вот вечная бутылка готова! Теперь, если налить в нее воды и поставить на свет, вода немедленно вступает в реакцию с химическим составом — и через семнадцать минут в бутылке будет вино. Его можно выпить сразу, а можно и сохранить, поставив в темное место.

— Позвольте задать вам один вопрос, — обратился я к своей собеседнице. — Сколько наливов может выдержать такая бутылка?

— Бутылки хватает приблизительно на пятнадцать тысяч наполнений, — ответила Антонина Антоновна.

— Антонина Антоновна, вы сделали великое открытие! — воскликнул я. — Почему вы до сих пор храните его в тайне? Почему вы не внедряете его в производство,

чтобы широкие массы пьющих могли перейти с водки на почти бесплатное и безвредное вино?!

— Слушайте дальше историю моей жизни и деятельности, и вы поймете, почему я храню в тайне секрет производства волшебных бутылок, — с грустью в голосе ответила мне Антонина Антоновна. — Увы, мое открытие не принесло мне счастья!..

Далее моя собеседница поведала мне, что, едва она сообщила своему отцу, видному землевладельцу и аристократу, об этом великом открытии, тот, вместо того чтобы обрадоваться, разгневался на нее. Он сказал, что это изобретение нанесет ему лично крупный ущерб, ибо на юге у него имеются виноградники и винные заводы. И еще он сказал, что если люди перестанут пить водку, то этим они нарушат интересы государственной спиртной монополии. Затем он вызвал священника, и тот провел с Антониной Антоновной собеседование о том, что она совершает великий грех, желая повторить чудо, совершенное персонально Иисусом Христом. Священник пригрозил ей отлучением от церкви и обещал ей вечное местожительство в аду, если она не засекретит формулу своего изобретения. И тогда, будучи верующей, она дала клятву, что в течение пятидесяти лет будет хранить свое открытие в тайне и лишь потом передаст эту тайну честному доверенному лицу.

Только раз за истекший период времени нарушила она клятву, и это повлекло за собой роковое несчастье. Дело в том, что после разговоров с отцом и священником Антонина Антоновна прекратила всякие научные занятия и стала выезжать в свет. На великосветском приеме у аргентинского посла она, танцуя танго, познакомилась с молодым персидским князем, в результате чего между ними возникла любовь с первого взгляда и до гробовой доски. Вскоре она уехала с ним в Персию и там, приняв мусульманство, вступила в законный

брак и стала персидской княгиней. Князь был сказочно богат, он одевал ее как куклоку, дарил ей бриллиантовые кольца, фермуары и диадемы и всегда был безукоризненно трезв, так как твердо придерживался шариата, который запрещает правоверным пить не только водку и коньяк, но и все другие напитки, имеющие градусность. Но однажды он выпил — и погубил себя.

Дело в том, что, частично нарушив свою клятву, Антонина Антоновна взяла с собой в Персию одну из своих волшебных бутылок. Однажды, когда юная княгиня совместно со своим мужем проводила лето в роскошной единоличной вилле на берегу Каспийского моря, ей пришлось в голову угостить князя вином, чтобы он веселей переносил жару. Князь принял из ее рук бокал, затем второй — и, почувствовав прилив новых сил, решил пойти искупаться. Когда он отплыл от берега на пятьдесят метров, раздался его крик — и князя не стало. К вечеру волны выбросили на берег его труп. При вскрытии обнаружилось, что алкоголь, принятый князем впервые в жизни, оказал свое роковое действие, в результате чего в воде произошел инфаркт миокарда со смертельным исходом...

Молодая вдова вернулась в Петербург, где немедленно подала заявление в женский монастырь, желая поступить в монахини. Но так как в Персии она стала мусульманкой, то в монастырь ее не приняли. Пока она оформляла документы на обратный переход в христианство, началась первая мировая война, а затем произошла революция, и идти в монастырь Антонине Антоновне уже расхотелось. Тогда она решила пойти работать в баню, — тем более что теплый воздух предбанника частично напоминал ей знойный берег Каспийского моря, где она сперва нашла свое счастье, а затем потеряла его через роковую бутылку... И вот теперь, по прошествии многих лет, когда предвидится

переход на пенсию, а в дальнейшем и в потусторонний мир, она хочет безвозмездно опубликовать свою формулу. Но она опасается, не принесет ли людям вред ее открытие.

— Я дарю вам эту бутылку для испытания, — закончила она разговор. — Вы можете пользоваться ею лично, а можете передарить какому-нибудь достойному человеку. Если в течение года этот сосуд никому не принесет беды, я опубликую свою формулу... Кстати, вино уже готово

Взглянув на стоящую на подоконнике бутылку, я убедился, что она полна темно-красного вина. Я налил стопку и попробовал. Вино было густое и сладкое, с натуральным вкусом и ароматом. Это был типичный кагор высшей марки.

Вскоре, поблагодарив свою собеседницу, я аккуратно закупорил бутылку, завернул подарок в газету и отправился домой.

Через несколько дней я был приглашен моими соседями по квартире на день рождения Георгия Васильевича. Считая, что лучшего объекта для подарка мне не найти, я вручил вечную бутылку юбиляру, предварительно объяснив способ получения вина. Супруги были обрадованы таким интересным подарком, но Марина Викентьевна сразу же заявила, что часто использовать им этот сосуд не придется, ибо они, слава богу, люди непьющие. Однако к концу нашего скромного праздника Георгий Васильевич сделал высказыванье, которое меня несколько встревожило.

— А ведь винцо-то теперь, выходит, у нас бесплатное, — произнес он, обращаясь к своей супруге. — В магазине за такой кагор 22 рублика¹ отвалить надо, а тут пей — не хочу!

¹ Стоимость вина дана в старых деньгах, поскольку в этой главе описываются события, происходившие до 1961 года.

— Странная логика, — засмеялась в ответ Марица Викентьевна. — Шутник ты у меня.

Однако на следующий день выяснилось, что Георгий Васильевич не шутил. Вернувшись с работы и увидев своего соседа в кухне, я вынужден был мысленно признать, что он находится подшофе. Глаза у него были красные, и язык слегка заплетался.

— Сегодня двадцать два рубля сэкономил, — радостно объявил он мне. — А если выпивать ежедневно две бутылки, можно в день сорок четыре рубля экономить! Значит, за месяц выходит тысяча триста двадцать рублей экономии! Замечательное изобретение!

Вскоре он натренировался выпивать по две бутылки в день, а потом перешел на три. Когда жена говорила ему, что это вредно, он доказывал ей, что вред невелик, зато сегодня он сберег шестьдесят шесть рублей. Такие деньги на улице не валяются!

Однажды утром, собираясь на работу, я заметил, что сосед мой на производство не пошел.

— Хочу сегодня восемьдесят восемь рублей сэкономить, — подмигнул он мне. — Но чтобы поставить этот рекорд, придется на день остаться дома.

Вскоре Георгий Васильевич вообще перестал ходить на работу. Марина Викентьевна, огорченная его поведением, вынуждена была уехать на месяц в санаторий, чтобы подлечить нервы.

Пользуясь отсутствием жены, сосед мой развернулся вовсю. Теперь он ежедневно одолевал пять бутылок. Завелись у него и алкогольные дружки-приятели и даже веселые девицы. Бутылка все время была в действии. Каждые семнадцать минут кто-нибудь нетвердыми шагами топал на кухню и наполнял сосуд водопроводной водой. Так как процесс превращения воды в вино требовал дневного света, то это лимитировало пьющих, но вскоре один из собутыльников Георгия Ва-

Сильевича притащил откуда-то сильную лампу дневного света, и ночью бутылку стали ставить под эту лампу. Так бутылка перешла на круглосуточную работу. Вдобавок ко всему вышеизложенному дружки моего соседа додумались разливать кагор в обыкновенные бутылки и продавать его на рынке, а на вырученные деньги стали покупать водку, что привело к еще большей алкоголизации. Посетители день и ночь кричали, пели бурные лирические песни, с притопом танцевали западноевропейские танцы и все время провозглашали тосты за мудрого владельца Большой Бутылки. Когда я вежливо стучал в стену и просил тишины, они смеялись надо мной и даже угрожали физической расправой.

Но вот, отбив срок в санатории, Марина Викентьевна вернулась домой и застала на своей жилплощади такую печальную картину, что все лечение пошло на смарку. В повышенном нервном состоянии она вырвала из рук мужа вечную бутылку и побежала в мою комнату.

— Это ты, негодяй, подсунил моему мужу эту проклятую посудину! — воскликнула она. — Это ты, изверг, спойл моего мужа! — И с этими словами она гневно швырнула в меня Большую Бутылку, в результате чего та разбилась о мою голову, и я упал, обливаясь кровью.

Осознав свою ошибку, Марина Викентьевна со слезами кинулась ко мне и начала оказывать первую помощь при несчастных случаях. Но это бутылочное ранение было настолько серьезно, что тут требовалось вмешательство специалиста, и я, обмотав голову махровым полотенцем, двинулся в районную поликлинику. Там мне сделали перевязку. Когда врач стал писать историю болезни, он спросил, при каких условиях состоялось повреждение моей головы. Чтобы не подвести соседку, я заявил, что на меня напали уличные хулига-

ны, которые затем безболезненно скрылись. Врач этому вполне поверил, потому что хулиганов у нас хватает.

Когда я явился на работу с перевязанной головой, меня увидела Антонина Антоновна, изобретательница Большой Буылки. Она спросила меня, что случилось, и я поведал ей всю печальную правду.

— Увы, теперь я понимаю, что мое уникальное открытие может принести людям только вред, — печально сказала она. — Рано еще человечеству переходить на бесплатное вино.

Вскоре я ушел из бани и поступил работать в другое место и больше не встречал Антонину Антоновну. А не так давно я узнал, что она скончалась. И так как о Большой Буылке нигде ничего не слышно, то ясно, что свой секрет изобретательница унесла в могилу.

Что касается моих соседей по квартире, то сразу же после того, как бутылка была разбита, Георгий Васильевич перестал пить, вернулся на работу и честным трудом загладил свои вынужденные прогулы. Между супругами восстановился мир, но меня на семейные торжества уже не приглашали. Я же, сознавая себя виновником невзгод, обрушившихся на эту дружную семью, решил уехать, чтобы не напоминать своим присутствием о печальных событиях, связанных с Большой Буылкой. Совершив обмен, я переехал в шестиметровую комнату, которая находилась в многонаселенной коммунальной квартире в другом доме и на другой улице.

Я все о себе да о себе, а ведь вас, уважаемый читатель, наверно, интересуется мой высокоталантливый брат Виктор.

После того как явился я к брату в виде шерстеносителя и тем вызвал его законное недовольство, я к нему больше не заходил, чтобы не мешать его научной деятельности. Но с отцом я поддерживал регу-

лярную переписку и время от времени посылал ему небольшие суммы из личного скромного заработка. В своих наставительных письмах отец каждый раз сообщал мне о продвижении Виктора и о его семейных делах.

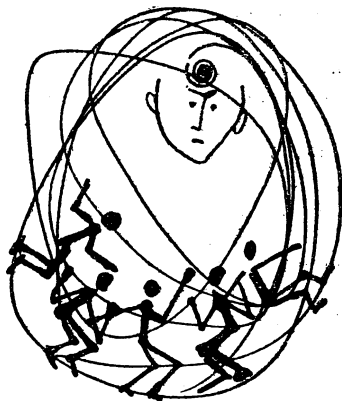
Во время войны мой талантливый брат, как ценный корифей науки, был эвакуирован вместе с женой в глубокий тыл, где он мог, не подвергая ненужной опасности свою жизнь, смело двигать вперед науку. После войны он вернулся в Ленинград с повышением. Вскоре отец сообщил мне, что Перспектива Степановна подарила Виктору двух полновесных близнецов — мальчика и девочку. Виктор лично зарегистрировал их в загсе, дав им научно обоснованные имена. Имя мальчика — Дуб! (Дуб! Викторович); имя девочки — Сосна! (Сосна! Викторевна). Эти наименования должны свидетельствовать всем окружающим о высокой сознательности отца, а в дальнейшем помочь детям в повышении их авторитета в быту и в учебе.

Я очень обрадовался за брата — теперь у него есть достойные наследники — и написал ему поздравительную открытку. Правда, меня несколько удивили древесные имена, которые мой талантливый брат присвоил моим племянникам, и встревожили восклицательные знаки, документально прикрепленные к каждому имени. Своими мыслями я письменно поделился с отцом, и вскоре он прислал мне очередное письмо, где рассеял эти мои сомнения. Мягко упрекнув меня в том, что я еще не избавился от своих пяти «не» и, в частности, от недогадливости, отец просто и доходчиво пояснил мне суть дела. Имя Дуб! — это не просто дуб, а сокращенный призыв: «Даешь улучшенный бетон!» Имя Сосна! — это не просто какая-то там сосна, дико растущая в лесу, а тоже призыв: «Смело овладейте современной научной агротехникой!» Таким образом, мои пле-

мянники Дуб! и Сосна!, если взять их порознь, представляют собой: он — промышленность, она — сельское хозяйство. А вкупе они знаменуют союз города и деревни.

В конце своего письма отец призывал меня скорее избавляться от пяти «не» и множить скромные успехи, чтобы моему брату не было стыдно за меня.

9. ЗВУЧАЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Переселившись в другую квартиру и переменяя место работы, я надеялся, что в новых условиях жизнь моя потечет без всяких срывов и пертурбаций. Я теперь работал помощником завскладом бракованных силикатных изделий; должность эта была спокойная и малоответственная. Что касается быта, то квартира, несмотря на многонаселенность, отличалась сравнительной тишиной, и в целом жильцы в ней жили дружно. Таким образом, теперь я отдыхал от недавних передраг. Однако для моего корабля судьба готовила новые мели и подводные камни. Неожиданно склад закрылся на капитальный ремонт, мне дали длительный отпуск, и

я устроился на временную работу в одну геологоразведочную экспедицию.

Наша экспедиция трудилась в горах Кавказа, а базировались мы в небольшом горном ауле. В мои обязанности входило готовить пищу, а также выполнять разные вспомогательные работы. В помощь мне был придан местный горец, парень по имени Орфис. Он был способный и старательный работник и к тому же хорошо говорил по-русски.

Однажды началась сильная гроза с ливнем, и продолжалась она целый день. После этого одна из наших поисковых групп, состоящая из трех человек, не вернулась в срок на базу, и от нее не было никаких вестей. Группа эта работала в дальнем ущелье, и возникло опасение, что с людьми случилось какое-нибудь несчастье.

Так как пропавшая группа в день, когда застала ее гроза, должна была находиться уже на обратном пути на базу, то точного ее местонахождения никто не знал. Поэтому было решено послать две спасательные группы в разных направлениях. В основную спасательную группу вошли три квалифицированных геологоразведчика во главе с опытным проводником. Вторая группа, на которую возлагалось меньше надежд, составила из меня и из Орфиса, ибо он отлично знал родные горы. Когда я добровольно попросился на это дело, то опасался, что меня, ввиду выполняемой мной работы, не отпустят, однако меня отпустили довольно охотно. Среди остающихся послышались даже грубые намеки на некачественное приготовление пищи и высказывания насчет того, что люди хоть ненадолго отдохнут от моей стряпни.

Взяв рюкзаки с консервами и медикаментами, мы с Орфисом вышли в северо-западном направлении и долго шли долиной, а затем мой вожатый круто забрал

влево, и мы начали карабкаться в гору. К вечеру вышли мы на зеленый луг, расположенный среди высоких гор. Здесь стояла такая тишина, что от неё даже ломило в зубах, как от холодной воды.

Вскоре на пологом склоне горы я увидел много серовато-желтых валунов, похожих на баранов. Среди них ходил человек и махал не то кнутом, не то палкой.

— Что этот человек там делает? — спросил я Орфиса.

— Это мой прапрадедушка, — ответил Орфис. — Он пасет камни.

— Бедный старик, — сказал я. — Раз он свихнулся, то ему надо оказать медицинскую помощь.

— Он не сумасшедший, — с обидой в голосе возразил мой спутник. — Он такой же здоровый умом, как и мы, только он очень старый. Всю жизнь он пас живых овец, а теперь ноги не те, и вот он пасет камни. Он не может жить без дела.

— Почему же он не спустится в долину?

— Он привык к высоте, в долину он не хочет. Мои родные сто раз упрашивали его сойти вниз. Много лет назад ему приготовили лучшую комнату в доме, всю в коврах, а он ни разу в ней не был. Зимой и летом живет он здесь в шалаше и спит на овечьей кошме.

— Может быть, его обидели? — спросил я.

— Какое там! Все полны к нему почтения, да и сам он любит родню. Но ему нравится жить здесь.

Мы подошли к человеку, пасущему камни, и почтительно поздоровались с ним. Это был глубочайший старик, но он не походил на ходячую развалину. Он был бодр и приветлив и быстренько сходил в свой шалаш за вином. Мы втроем сели на траву и стали поочередно пить сухое вино из бурдюка, закусывая каким-то вкусным волокнистым сыром. По-русски старик знал плохо, но Орфис служил нам переводчиком, и я, воспользовав-

шись этим, изложил почтенному старцу свою краткую биографию, которую тот выслушал с интересом и сочувствием. Затем он передал мне через Орфиса, что все плохое — к лучшему и что скоро я найду ту, которой я предназначен и которая предназначена персонально мне. А перед этим я прыгну в пропасть, но в миг падения у меня вырастут крылья.

За вином и разговором старик не забывал и своего дела. Время от времени он вставал, брал кнут и быстрым шагом подходил к какому-нибудь из камней, окружавших нас. Он цокал языком, что-то строго выкрикивал и замахивался кнутом на камень. Прodelывал он все это всерьез, но как бы и играя.

— Что он говорит этому камню? — спросил я Орфиса в один из таких моментов.

— Говорит: «Хитрый баран, отбиться хочешь?» — пояснил Орфис.

Когда мы насытились, я откинулся на траву и задремал, а мой спутник и старик завели какой-то длинный разговор. Потом Орфис сказал мне, что пора идти на поиски. Старик посоветовал ему держать путь на гору, синевшую вдальеке.

— Но скоро ночь, — возразил я. — Мы можем заблудиться.

— Я знаю здешние горы, — спокойно ответил мне мой проводник.

Попрощавшись с гостеприимным стариком, пасущим камни, мы двинулись в путь. Вскоре мы вошли в горную котловину и пошли среди нагромождений камней. Меж тем стемнело.

— Мы не потеряем друг друга, — сказал вдруг мой спутник, словно угадав мои тайные мысли. И с этими словами он вынул из кармана небольшой брусок какого-то вещества, похожего на воск. Этим веществом он вдруг стал натирать свой лоб.

— Что это такое? — спросил я.

— Сейчас узнаешь, — ответил Орфис.

И вдруг послышалась негромкая, но довольно приятная музыка, напоминающая звук пастушеского рожка. Можно было подумать, что в кармане у моего спутника спрятан маленький транзисторный приемник. Но я-то знал, что никакого приемника у него нет.

— Откуда это слышна музыка? — удивленно спросил я.

— От меня, — ответил Орфис. — Это я звучу. Я натер свой лоб секретной пастой — и вот я звучу и буду звучать восемь часов подряд. Чтобы возобновить звучание, достаточно снова натереть лоб.

Далее он объяснил мне, что у каждого человека свой жизненный музыкальный ритм и каждый живет согласно этому ритму, но сам его не слышит и окружающие его тоже не различают. Секретная паста как бы превращает человека в музыкальный инструмент, переводя его внутренний ритм в звуковую мелодию. Мелодия у каждого своя; отчасти она выявляет внутреннюю сущность человека. Нет двух людей с одинаковой мелодией, как нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. В древние времена эту секретную пасту применяли пастухи, чтобы не заблудиться в горах. Кроме того, на звучащего человека не нападают хищные звери, а если он уснет на траве, то к нему не подползет ни одна змея.

— Но это же замечательное открытие! — воскликнул я. — Почему о нем ничего нет в печати?!

— Секретная паста — тайна нашего древнего пастушеского рода, — тихо сказал Орфис. — Способ ее приготовления известен с глубокой древности и переходит от старика к старику. Ныне последним хранителем тайны является знакомый вам старик, пасущий камни. Он передаст ее своему сыну, когда тому стукнет сто

двадцать лет. Знайте, что не только секрет приготовления, но и сама секретная паста никогда никому из посторонних не передавалась, не продавалась и не дарилась. — Орфис сделал паузу и продолжал: — Но вы очень понравились старику, пасущему камни, ваши постоянные неудачи тронули его сердце, и он дарит вам брусок этой пасты в вечное личное, индивидуальное пользование, с правом давать этот брусок во временное пользование только кровным родственникам.

И с этими словами мой спутник вынул из кармана второй кусок пасты, завернутый в чистую бумагу, и вручил его мне.

Я был глубоко взволнован этим ценным подарком, но мне было как-то страшновато испробовать на себе его действие. «А что если от меня, человека с пятью «не», пойдет такая музыка, что хоть святых вон выноси?» — подумал я.

Но, преодолев свой страх, я старательно стал тереть лоб данным мне бруском — и вот я зазвучал! К моему душевному облегчению, мелодия, которая исходила от меня, оказалась хоть и не очень художественной, но и не неприятной. Она напоминала мотив не то быстрого фокстрота, не то румбы, не то краковяка, и, надо отдать справедливость, под нее было довольно легко шагать. От моего спутника слышалась более мелодичная музыка, но ритм у нее был медленнее, и звучала она тише.

Благодаря секретной пасте и самозвучанию мы долго шли в глубокой темноте, не теряя друг друга из слуха (не скажу «из вида», ибо видеть мы ничего не могли), и вскоре вошли в глубокое ущелье. Вдруг раздался чей-то удивленный выкрик: «И какой это кретин забрел сюда с транзистором!»

Так мы нашли пропавшую было группу геологов, и эти проголодавшиеся люди с радостью набросились

на принесенные нами продукты, не дождавшись даже обеда, который я хотел приготовить им.

Вернувшись на базу, я с огорчением узнал, что, воспользовавшись моим недолгим отсутствием, завхоз срочно подыскал повариху из местного населения, а меня зачислил на должность кухонного мужика, то есть ее помощника, без права приготовления пищи. Обиженный этой несправедливостью, я попросил дать мне расчет, который мне и дали без долгого сопротивления. Получив причитающиеся мне деньги, я направился в ближайший курортный город, который условно назову так: Отдыхалинск-Обманулинск. В этом городе был аэропорт, и оттуда я намеревался отбыть в Ленинград.

Когда я стоял на аэровокзале в очереди за билетом, ко мне, плача, подошла симпатичная на вид курортница и, отозвав меня в сторонку, сказала, что ее жестоко обокрали и у нее не хватает десяти рублей на билет до Владивостока, где ее маленькая дочь лежит в больнице, так как попала под автомашину. Тронутый натуральным горем этой симпатичной курортницы, я решил ей помочь и дать взаймы недостающую десятку. На руках у меня имелось сто девять рублей¹, причем сто — одной купюрой, и поэтому я сказал незнакомке, что сейчас схожу в ресторан разменять эту бумажку и затем вручу ей нужную сумму.

— О, не беспокойтесь, мой спаситель! — воскликнула эта симпатичная на вид женщина. — Я сама разменяю вашу сотнягу и моментально принесу вам сдачу.

Взяв деньги, эта женщина пошла их разменивать. Но больше она не появлялась, и вскоре я понял, что

¹ С этой главы денежные суммы и цены даются в новом исчислении, так как дело происходило уже после 1961 года.

под ее симпатичной внешностью скрывалась аферистка и обманщица.

Я прямо-таки не знал, что делать. Слать телеграммы о помощи своим ленинградским знакомым было как-то неловко. Обращаться к брату мне не хотелось в связи с тем, что в семье его теперь имелись Дуб! и Сосна!, так что расходы, естественно, возросли; да и вообще нетактично было бы отрывать моего талантливого брата от его научных мыслей такой будничной просьбой. И вот я решился позаимствовать денег у отца, тем более что сам при всяком удобном случае помогал ему материально. Поэтому я послал в Рожденьевск-Прощалинск телеграмму такого содержания: «Потерял деньги прошу пятьдесят заимообразно востребования».

Ночь я провел в городском саду Отдыхалинска-Обманулинска, а утром явился на почтамт и, предъявив свой паспорт, спросил, нет ли мне перевода.

— Вам ничего нет, — сочувственно сказала девушка в окне. — Но нам пришла одна странная телеграмма, и я каждого спрашиваю, не ему ли это? Она адресована так: «Человеку с пятью «не».

— Эта телеграмма именно мне! — воскликнул я. — Это я и есть человек с пятью «не».

Текст телеграммы был такой: «Где потерял там и найди твой отец».

Строгий, но справедливый ответ отца на мою бестактную просьбу ошеломил меня и погрузил в недоумение. Истратив на еду последние имевшиеся у меня деньги, я весь день пробродил по улицам Отдыхалинска-Обманулинска в состоянии печали, а когда стемнело, зашел в сад при одном доме отдыха. Я надеялся заночевать там на скамье и решил ждать отбоя, когда отдыхающие перестанут гулять и развлекаться и пойдут на

ночлег. Но пока что в саду было очень людно, и вокруг танцевальной площадки толпилось множество пар. Однако не слышалось никакой музыки, и это меня удивило.

Вдруг на эстраду вышел администратор дома отдыха и заявил, что штатный баянист товарищ Ухоморов неожиданно заболел, в связи с чем танцы отменяются. Послышался гул недовольства. Раздавались даже конкретные угрозы по адресу администратора с обещанием побить его за плохое ведение культурной работы.

И вот именно в этот момент мне стал ясен сокровенный мудрый смысл отцовской телеграммы. Пробившись сквозь толпу к эстраде, я поднялся на пять ступенек, подошел к администратору и предложил ему свои услуги. Я честно заявил, что модных танцев, вроде рок-н-ролла и твиста, исполнять не могу, но для невзыскательной публики моя музыка вполне подойдет.

— Вас послал ко мне сам бог! — в радости воскликнул администратор. — Каковы ваши условия?

— Я озвучу у вас пять танцевальных вечеров, а за это вы будете качественно кормить меня в течение пяти суток, а также предоставите мне кров, а затем купите авиабилет до Ленинграда, — так заявил я.

— Согласен, голубчик! Согласен! Приступайте к игре!.. Где ваш инструмент?

— Я сам себе инструмент, — ответил я и, вынув из кармана секретную пасту, начал натирать лоб.

Когда я зазвучал, пары приступили к танцам. Музыка моя всем очень понравилась, и танцевальный вечер затянулся до поздней ночи. Он продолжался бы и дольше, но администратор вежливо увел меня с эстрады, ибо отдыхающим пора было идти в свои спальни. Меня же накормили до отвала и поместили

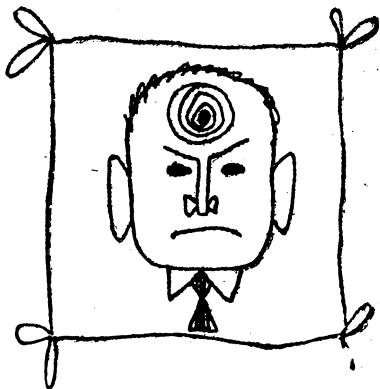
на ночлег в отдельный домик, где имелся бокс-изолятор. Это было сделано для того, чтобы я своей музыкой не мешал спать отдыхающим. Ведь секретная паста действует в течение восьми часов, и я все еще продолжал звучать.

Весть о самозвучащем человеке быстро распространилась среди курортников, и когда на следующий день я явился на танцплощадку, она была переполнена. А еще через день весь сад был битком набит любителями музыки и танцев, которые пришли сюда со всего Отдыхалинска-Обманулинска. И все три следующие дня, где бы я ни появился, за мною следом шла толпа, слушая меня, распевая и пританцовывая на ходу. У людей уже успел выработаться условный рефлекс, и поэтому даже в те часы, когда я не звучал, людям казалось, что я звучу, и при виде меня они пускались в пляс и начинали петь и веселиться.

Популярность моя стала настолько велика, что в меня влюбилась одна интеллигентная курортница по имени Муся. Она даже не прочь была пойти за меня замуж, но, когда я поведал ей свою краткую биографию, разговора о браке она больше не возобновляла. Увы, с женщинами мне всегда не везло, как, впрочем, и во всем остальном. Но в моей душе всегда жил мой идеал — прекрасная «Люби — меня!», портрет которой в количестве 848 экземпляров украшал когда-то стены моей комнаты.

Когда миновало пять дней, администратор честно вручил мне билет на самолет до Ленинграда, добавив три рубля на такси и на прочие дорожные расходы. В знак благодарности и сверх договора он подарил мне альбом с видами Отдыхалинска-Обманулинска, собственноручно расписавшись на его первой странице.

10. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

Когда я вернулся в Ленинград, меня ждало радостное известие. Мой многоталантливый брат Виктор прислал мне письмо. Оно начиналось так:

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Настоящим сообщаю и заявляю, что в субботу ко мне имеет честь прибыть отец, дабы порадоваться и отдать должное моим творческим достижениям в области науки и семейного быта, и пробыть на моем иждивении и пищевом довольствии 7 (семь) суток.

Приглашаю и тебя явиться ко мне в субботу к 19.00 и пробыть до 20.00, присоединившись к ликованию отца и имея на своем организме ботинки, брюки, пиджак, рубашку и прочие принадлежности человеческого туалета...

Дальше шли непонятные для меня научные фразы, но первая часть корреспонденции была совершенно ясна: я приглашен братом в гости!

Тщательно подготовившись к посещению Виктора, я явился к нему точно в указанное время. Не буду описывать своей радости при виде отца и брата, которые оба выглядели очень молодо для своих лет. Мои племянники Дуб! и Сосна! тоже произвели на меня весьма приятное впечатление.

В красивой квартире брата за эти годы стало еще больше солидной мебели и ковров: кое-где ковры висели даже в два слоя. В кабинете тоже были перемены: прежде там висел один портрет Виктора в окружении портретов разных знаменитых ученых и изобретателей, теперь же на всех стенах висели только изображения Виктора в разных позах и вариантах, а все остальные ученые были аннулированы. Уже по одному этому факту я понял, как возросла роль моего брата в науке.

Ужин прошел в культурной и дружеской обстановке, причем я старался говорить поменьше и внимательно слушал отца и Виктора, которые давали мне дельные советы в порядке моего избавления от пяти «не». А когда я рассказал о секретной пасте, Виктор проявил к ней интерес и предложил мне продемонстрировать ее действие.

Вынув из кармана пасту, я тщательно натер ею свой лоб и зазвучал. Отец и брат прекратили разговор и внимательно слушали меня. Только глухонемая Перспектива Степановна лежала на кушетке в красивой позе и не принимала участия в прослушивании.

— Я тоже хочу звучать, — сказал мне вдруг брат. — Мне завтра доклад надо делать перед начальством, так я хочу, чтоб от меня не только слова шли, а и музыка. От тебя чечетка какая-то идет, а от меня,

по моему служебному положению, должна хорошая музыка выделяться. Я на Баха и Бетховена тяну.

Я сказал брату, что, к сожалению, не имею права подарить ему секретную пасту, но с удовольствием одолжу ее ему на один день.

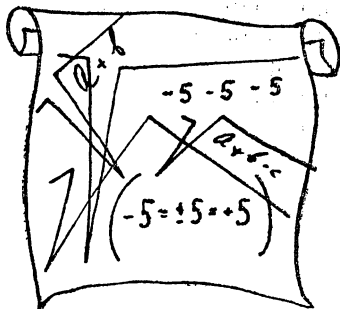
Через день, когда я зашел к Виктору, он, возвращая мне секретную пасту, сердито сказал:

— Ты мне вредную вещь подсунил! Навредить захотел крупному ученому! На тебя бы надо «заяву» куда следует написать!

И далее брат гневно рассказал мне, что, прибыв в свое научное заведение, он, перед тем как делать доклад, натер лоб этой пастой — и вдруг от него стала исходить такая неблагозвучная музыка, что ему пришлось поспешно уйти с кафедры и запереться в туалете и просидеть там не евши не пивши восемь часов, пока он не перестал выделять звуки.

Этот неприятный случай с моим ученым братом глубоко поразил меня. Я немедленно понял, что у секретной пасты имеется крупный недостаток: она не всегда вызывает ту музыку, которая заключена в данном человеке, и может создать о нем неверное впечатление, как это и случилось с Виктором. Поэтому я решил избавиться от этой пасты, чтобы впредь она никого не могла подвести. Завернув подарок старца, пасущего камни, в бумагу и привязав к этому пакету камень, я бросил секретную пасту в Неву с Дворцового моста. Совершая этот акт справедливости, я не испытал никакой радости, но считаю, что поступил правильно.

11. ТНВ

Вскоре я устроился на одно предприятие помощником агента по снабжению. Зарплата была невелика, но зато у меня оставалось много свободного времени, которое я мог посвятить самообразованию, то есть чтению научной фантастики. В нашей коммунальной квартире все было в основном чинно и мирно. Правда, один из самых тихих жильцов выехал в порядке обмена, и теперь его комнату занял молодой холостяк, преподаватель математики. Звали его Алексей Алексеевич. Это тоже был очень спокойный человек, его и не слышно было. Днем он преподавал в каком-то институте, а вернувшись домой, до глубокой ночи сидел в своей комнате над бумагами и книгами и все что-то там вычислял.

Однажды, зайдя к нему, чтобы попросить пятерку до полочки, я успел разглядеть эту комнату. Обстановка поражала своей скромностью, но во всем был удивительный порядок, и очень много было книг. Рядом с письменным столом стоял другой стол, на котором красовалась какая-то машина — на манер пишущей, только много больше размером. Алексей Алексеевич объяснил мне, что это электронно-аналитический вы-

числитель его конструкции. Что касается стен комнаты, то их Алексей Алексеевич оклеил чистой белой бумагой, на которой затем своей рукой вывел бесконечные ряды чисел и многоэтажных формул.

Новый жилец немедленно откликнулся на мою просьбу и безо всяких разговоров вручил мне пятерку, а затем спросил меня, не нуждаюсь ли я в большей сумме, нежели пять рублей ноль-ноль копеек.

Я ответил, что после некоторых неудач, перенесенных мною, я, конечно, хотел бы, в принципе, иметь на руках больше денег, нежели имею их в настоящее время. Однако я всегда беру займы ровно столько, сколько могу отдать. Пользуясь случаем, я рассказал Алексею Алексеевичу краткую историю своей жизни, которую он выслушал с должным вниманием.

— Да, вам надо помочь, — задумчиво сказал он.

— Нет, с меня хватит пяти рублей, — повторил я. — Я не беру без отдачи.

— Ради бога, не обижайтесь, — успокоительно произнес мой новый знакомый. — Пятерку вы мне вернете, я вовсе не собираюсь заниматься частной благотворительностью. И все же я вам помогу. Я вас поставил на очередь, зайдите ко мне через двадцать семь дней. — Сказав это, он что-то записал в своем блокноте.

— Но как вы мне поможете, если, как я вижу по вашей скромной обстановке, вы сами человек небогатый? — с удивлением спросил я.

— Я мог бы быть очень богатым в денежном отношении, но, во-первых, я считаю нечестным использовать для своего обогащения имеющиеся у меня возможности, а во-вторых, деньги меня просто не при-

влекают. Мне хватает того, что у меня есть. Чем проще моя пища, одежда и мебель, тем легче я себя чувствую, тем свободнее работает мой мозг...

Выслушав эти слова моего собеседника, я подумал, что у него не все дома. Ну как это можно помогать людям деньгами, самому не имея денег?!

Однако не прошло и недели, как я убедился в том, что Алексей Алексеевич сказал мне чистую правду. Более того: вскоре выяснилось, что он гениальный математик и изобретатель и, сверх того, замечательный человек.

Выяснилось это вот как.

Я уже упоминал о том, что коммунальная квартира, в которой я теперь жил, была тихой и состояла, в общем, из достойных людей. Но, к сожалению, нет такой бочки меда, в которой не имелось бы хоть чайной ложки дегтя. Жила в нашей квартире одна состоятельная женщина, которая, как говорили, нажила состояние нечестным путем. У нее было много денег, но она скрывала это и старалась жить скромно. При этом была она очень завистлива, и когда кто-нибудь приобретал себе какую-нибудь вещь, то от зависти она заболела на день, на два, а то и на неделю, в зависимости от стоимости и качества вещи. Она ненавидела всех людей, и жители квартиры за глаза звали ее Вредбабой.

И проживала в квартире одна тихая пожилая женщина по имени Варвара Константиновна со своим сыном Валерием, студентом политехнического института. Варвара Константиновна уже двадцать лет была вдовой; работала она делопроизводителем в какой-то стройорганизации. И вот однажды, получив на работе премию, она купила в подарок сыну небольшой письменный стол ценой в сорок шесть рублей пятьдесят

копеек. А чтобы освободить место для этого стола, она, с согласия жильцов, вынесла из комнаты старинный комод и поставила его в прихожей.

Узнав о покупке, Вредбаба заболела на два дня, а выздоровев, стала ежедневно придирается к Варваре Константиновне, требуя, чтобы та убрала комод из прихожей.

Варвара Константиновна и сама была бы рада избавиться от комода и даже вывесила объявление о продаже, но никто не торопился его покупать, потому что сейчас такие старинные вещи совсем не в моде. Однако напрасно втолковывала она это Вредбабе, и напрасно жильцы в один голос утверждали, что вещь им ничуть не мешает, — нет, Вредбаба и слушать ничего не хотела и даже подала заявление в домохозяйство.

И вот однажды вечером все жильцы собрались в прихожей и, позвав туда Варвару Константиновну, спросили ее, во сколько оценивает она свой старинный комод. Та честно ответила, что больше двадцати рублей он не стоит.

Тогда все жители квартиры скинулись кто по два, а кто и по три рубля и коллективно купили у Варвары Константиновны комод, а затем взяли его в топоры и дружно разрубили на части, чтобы легче было вынести в подворотню все доски и щепки.

Вредбаба, выйдя на шум из своей комнаты, стала в стороне и, уперев руки в боки, с торжествующей усмешкой смотрела на всю эту процедуру.

— Вот и вышло по-моему! — громко сказала она, когда были вынесены последние обломки комода.

Тогда Алексей Алексеевич строго посмотрел на Вредбабу, но ничего ей не сказал, а обратился к Варваре Константиновне и вежливо пригласил ее зайти к

нему в комнату. Меня он тоже попросил зайти к нему и быть его ассистентом на протяжении трех-четырех часов.

Далее Алексей Алексеевич вежливо усадил Варвару Константиновну в свое единственное кресло и задал ей ряд устных вопросов.

— Для чего это вы меня спрашиваете? — поинтересовалась Варвара Константиновна.

— Я хочу помочь вам, — ответил Алексей Алексеевич. — Но помощь я оказываю только тем людям, которые не обратят ее во вред ни себе, ни другим. Теперь я убедился, что вы честный и порядочный человек, и поэтому помогу вам. Прошу вас пока ни на что не тратить те двадцать рублей, которые вы получили за комод.

Когда Варвара Константиновна вышла, Алексей Алексеевич включил свою электронно-аналитическую машину, нажав какие-то клавиши, а меня попросил сесть перед ней и записывать в три колонки числа, появляющиеся в трех окошечках: зеленом, красном и голубом. Сам он разложил на столе какие-то таблицы и схемы и стал выводить всякие знаки и формулы и чертить кривые.

Так продолжалось полтора часа. Я уже исписал 17 листов, как вдруг в аналитической машине что-то зафырчало, и свет в зеленом окошечке сменился желтым, в красном окошечке — синим, а голубое осталось голубым, но вместо цифр там появилась надпись:

ВЕРОЯТНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСЧЕРПАНА.

— А теперь что делать? — спросил я Алексея Алексеевича.

— Ведите запись на новых листах в две колонки, — распорядился математик.

Через полчаса в синем окошечке появилась надпись: **ВЕРОЯТНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ ИСЧЕРПАНА.**

— Теперь пишите в одну колонку на новых листах, — сказал Алексей Алексеевич.

Через двадцать три минуты машина выключилась сама. Алексей Алексеевич предложил мне стакан чаю и рассказал кое-что о себе. Оказывается, с детства его интересовали случайности. Уже в детском садике его привлекали не игры, а так называемая теория игр. Все свободное время он занимался только тем, что подбрасывал пятак, желая добиться, чтобы он пять раз подряд выпал решкой. Уже тогда юный Алеша пришел к выводу, что все мы — пловцы в океане случайностей. Мы этого не замечаем потому, что как любое вещество состоит из атомов, так наша жизнь и все окружающее нас соткано из случайностей. Случайность кажется нам случайностью только тогда, когда она выделяется из привычного ряда случайностей. Так, если плотно сложить остриями вверх 100 000 000 000 иголок, то мы сможем ходить по ним босиком и танцевать на них, не поранив ног. Но одна иголочка, выделенная из этих 100 000 000 000, может больно вонзиться нам в тело.

Далее Алексей Алексеевич объяснил мне, что в океане случайностей есть свои течения, и если изучить их, то можно плыть в бесконечную даль, открывая новые материки.

Попив чаю и побеседовав, мы снова приступили к делу и работали еще час, а затем мой собеседник сказал, что теперь он займется этой проблемой одиночно. Он взял листы с моими записями и начал их

просматривать, подчеркивая одни числа красным карандашом, другие — зеленым, а третьи — синим. Затем он вынул из-под кровати большой и очень точный план Ленинграда и расстелил его на широкой чертежной доске. На план он наложил чистую кальку и стал чертить на ней синей тушью какие-то сложные кривые. Затем на эту кальку он наложил вторую и начал чертить на ней красной тушью. Затем он наложил на эти чертежи третью кальку и работал на ней черной тушью, причем здесь линии были уже гораздо проще, и все они сошлись в одной точке.

— Вот и найдена ТНВ, — удовлетворенно сказал Алексей Алексеевич и, проткнув эту точку рейсфедером, снял все три кальки с плана Ленинграда. Затем, взяв лупу, обвел на плане след укола маленьким зеленым кружком. — ТНВ здесь, — повторил он. — Не Выборгской стороне.

— Что это за ТНВ? — поинтересовался я.

— ТНВ — это Точка Наибольшей Вероятности, — ответил математик.

И с этими словами он записал на бумажку улицу, номер дома и время: двенадцать часов восемь минут. Эту бумажку он передал мне.

— Пусть завтра точно в указанное здесь время и точно по указанному здесь адресу, где должна находиться сберкасса, явится Варвара Константиновна и купит облигацию трехпроцентного займа, серия которой кончается цифрой семь.

На следующий день, выполняя совет Алексея Алексеевича, Варвара Константиновна отправилась на Выборгскую сторону, и на указанной улице нашла сберкассу, и точно в указанное время купила облигацию, которая кончалась на указанную цифру семь.

Через неделю состоялся тираж, а когда через несколько дней после тиража появилась таблица выигрышей, Варвара Константиновна убедилась своими глазами, что она выиграла пять тысяч рублей. И разумеется, первым делом она кинулась благодарить Алексея Алексеевича.

— Не стоит благодарности, — вежливо ответил ей молодой математик. — По мере сил я стараюсь исправлять ошибки Фортуны и направлять выигрыши тем людям, которые в них действительно нуждаются.

На выигрыш Варвара Константиновна, кроме всякой одежды для себя и для сына, купила электрополотер, электропылесос, телевизор «Волна», стиральную машину «Рига-55», радиолу «Мелодия» и магнитофон «Астра-2». Все жильцы были рады, что этой скромной женщине привалили такие деньги, а Вредбаба от зависти так серьезно заболела, что ее увезли в больницу, где она скончалась. На похоронах ее присутствовали только два человека: дворничиха и паспортистка, да и то в порядке профсоюзной заботы о людях. А когда вскрыли комнату, где она жила, там обнаружили столько денег и драгоценностей, что на них можно было купить сто телевизоров и тысячу стиральных машин.

Что касается меня, то мне Алексей Алексеевич помог выиграть 1000 (одну тысячу) рублей. Часть денег я послал отцу, а на остальные приоделся, купил кресло-кровать и почти целиком залечил свои финансовые раны. Более того, Алексей Алексеевич обещал к лету выиграть мне мотоцикл и посоветовал заблаговременно поступить на курсы водителей, что я и сделал.

В последующие недели и месяцы Алексей Алек-

да мед пить! — воскликнул я. — Ведь, насколько я понимаю в цифрах, меня, после многих неприятностей, к которым я уже привык, ждет безоблачная, счастливая жизнь! Но что означают эти пятерки в скобках?

— Сам не пойму, — ответил Алексей Алексеевич. — Возможно, тут учитывается какое-то очень кратковременное событие, в процессе которого пятерка поменяет свой знак. Но точно я ничего сказать не могу, да и вообще прошу вас не придавать значения этому прогнозу. — С этими словами он порвал бумажку с выданными машиной цифрами и перевел разговор на другое. Мне показалось, что молодому математику этот прекрасный прогноз чем-то не понравился.

К началу лета я успешно окончил мотокурсы. И вот однажды, незадолго до тиража денежно-вещевой лотереи, Алексей Алексеевич вывел мне ТНВ для приобретения лотерейного билета, по которому я должен был выиграть мотоцикл.

Когда к пятнадцати часам тридцати восьми минутам я явился по указанному Алексеем Алексеевичем адресу на одну из улиц возле Варшавского вокзала, я с удивлением увидел, что в угловом доме, номер которого дал мне мой доброжелатель, сберкассы не имеется. Не было там и магазина, в кассе которого я мог бы приобрести лотерейный билет.

Огорченный тем, что система молодого математика дала осечку, я, понутив голову, медленно побрел восвояси, но не успел сделать и двух шагов, как кто-то легонько потянул меня за рукав.

— Слушай, друг, купи у меня лотерейный билет! — услышал я хриплый голос и, обернувшись, увидел

мужчину средних лет с дымными от перепоя глазами.

— Купи, друг, билет, — снова обратился ко мне незнакомец. — Мне кружка пива требуется, голова гудит!

Я мгновенно понял, что и на этот раз ТНВ была верной и что система Алексея Алексеевича не дает осечек. Вынув один рубль, я за так вручил его жаждущему опохмелки и дружески сказал ему, чтобы свой билет он никому не продавал, ибо по нему он выиграет мотоцикл.

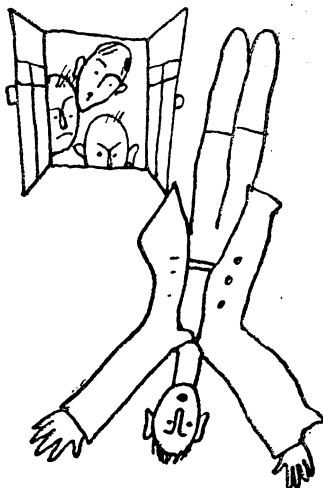
— Спасибо, милостивец! — воскликнул незнакомец. — Учту твои указания!

Вернувшись домой, я рассказал об этом случае Алексею Алексеевичу, и тот вывел мне другую ТНВ, где я на следующий день купил билет, по которому выиграл мотоцикл с коляской.

Коляска мне не так уж и нужна была, ведь я ходил в холостяках, и некого было мне возить в мотоколяске. Где-то там, под обоями, на стене комнаты моего детства, красовался в 848 экземплярах портрет прекрасной «Люби — меня!». Но я полагал, что мне, человеку с пятью «не», никогда не встретиться со своей мечтой.

И все-таки, когда мне дан был отпуск и я отправился в мотопутешествие на юг, я не отделил коляску от мотоцикла.

12. ЭМРО

...Я спешил вовремя вернуться в Ленинград из отпуска. Двое суток я гнал свой мотоцикл на полном газу, а ночевал в придорожных кустах. На третьи сутки я так устал, что, когда на пути мне попался город, я решил отдохнуть в нем. Город этот, ввиду того что в нем развернулись важные для меня события, условно назову так: Надеждинск-Исполнительск.

На главной улице я остановил мотоцикл и спросил прохожего, как проехать к гостинице. Тот мне сразу же указал дорогу к новому одиннадцатипятиэтажному зданию, которое было видно со всех улиц и являлось гордостью жителей Надеждинска-Исполнительска.

Хотя я пишу правдивую историю своей жизни, а вовсе не фантастику, и знаю, что свободных номеров в гостиницах никогда нет, но все же я направился к этому зданию. Конечно, я не рассчитывал на койко-

место, но надеялся поставить мотоцикл в гостиничном дворе, а затем подремать в вестибюле. Это мне удалось, и вскоре я, положив у ног рюкзак, спал в уютном гранитоловом кресле среди командировочных, ожидающих очереди на проживание в номерах. И вдруг я почувствовал, что кто-то мягко коснулся моего плеча, и проснулся. Передо мной стоял человек на вид лет тридцати пяти с умным и симпатичным лицом.

— Товарищ, идемте ко мне в номер, там имеется свободная раскладушка, — сказал незнакомец.

— Но у меня нет командировочного удостоверения, — ответил я, не смея верить в такую сказочную удачу.

— Это ничего не значит. Сейчас вас оформят.

Незнакомец подошел со мной к окошечку администратора, и меня действительно оформили без всяких разговоров. И вот я с этим добрым человеком поднялся в лифте на одиннадцатый этаж, где находился его номер. По пути я спросил его, почему он захотел помочь именно мне, совсем незнакомому человеку.

— В связи с наплывом туристов проводится уплотнение, и мне хотели подселить какого-то типа с гнусавым транзистором на боку, я же терпеть не могу этих безмозглых шарманщиков. А так как у меня номер одноместный, то я имею право выбирать себе соседа. И вот я спустился в холл и стал рассматривать людей. Честное и простодушное выражение вашего лица решило мой выбор... Но, надеюсь, в вашем рюкзаке нет транзисторов, магнитофонов и прочих шумовых приборов?

— Нет, — ответил я, — я и сам люблю тишину.

— Значит, я не ошибся в вас! — с чувством сказал добрый незнакомец. — А вот и наш номер.

Мы вошли в небольшую комнату под № 1155, и мой вожатый указал мне на раскладушку.

— Извините, что сам я буду спать не на этой жалкой раскладушке, а на нормальной кровати, — вежливо сказал он. — Но в этом для вас нет ничего обидного, так как я намного старше вас.

— Вы... Вы старше меня? — удивился я. — Но мне сорок девять лет! А вам — от силы лет тридцать пять.

— Мне шестьдесят три года, — спокойно ответил мой новый знакомый. — Если не верите, вот вам мой паспорт.

Я заглянул в документ и своими глазами убедился, что мой собеседник, которого, судя по паспорту, зовут Анатолием Анатольевичем, действительно на четырнадцать лет старше меня.

— Но почему вы так молодо выглядите? — спросил я. — Ведь даже на фотокарточке в паспорте вы выглядите значительно старше.

— В паспорте — старый фотоснимок, это я снимался три года тому назад, — сказал мой странный знакомый. — За эти годы я помолодел.

— Ничего не понимаю! — воскликнул я. — Все люди с годами стареют, а вы молодеете!..

— Мой молодой и бодрый вид, а также молодая ясность моего ума — побочный результат действия ЭМРО, — ответил мне мой однокомнатник.

— Что это за ЭМРО? — заинтересовался я.

— ЭМРО — это ЭЛИКСИР МГНОВЕННОЙ РЕГЕНЕРАЦИИ ОРГАНИЗМА, — веско ответил Анатолий Анатольевич.

Так как я всю жизнь нарывался на всевозможных открывателей и изобретателей, то мой опыт подсказал мне, что и в данном случае передо мной находится сам автор ЭМРО. Когда я высказал это предположе-

ние, мой собеседник ответил утвердительно. Тогда я представил ему краткий обзор своей жизни с детских лет до текущего дня и был выслушан с интересом и сочувствием. В ответ ученый рассказал о себе и о том, как он открыл ЭМРО, а также о значении этого удивительного открытия.

Родился Анатолий Анатольевич в одном большом городе. В школе он был первым учеником по химии, ботанике и биологии, однако никаких научных планов он в те годы не строил. Но когда он учился в последнем классе школы, его младший брат, заигравшись на окне без присмотра родителей, упал с высоты седьмого этажа и разбился насмерть. Это очень сильно подействовало на юного Анатолия, и он решил открыть такое средство, чтобы люди, случайно упав с высоты, не разбивались, а оставались живыми и здоровыми.

Сознавая всю трудность и необычность своей задачи, Анатолий подошел к ее решению не сразу. Окончив школу, он поступил в медицинский институт, а после его окончания прослушал курс лекций в химическом институте, и затем целиком отдался ботанике, специализировавшись на лекарственных растениях.

Он побывал во многих ботанических экспедициях и однажды в сибирской тайге услышал, как некоторые звери, будучи ранены, отыскивают какую-то невзрачную травку. Поев этой травки, животные быстро выздоравливают, раны как не бывало. Анатолий Анатольевич с превеликим трудом отыскал это растение и стал его культивировать. Затем, сделав экстракт из семян этой травы, он рекомендовал его для больницы «скорой помощи». Лекарство способствовало очень быстрому заживлению свежих ран и переломов и имело большой успех в медицинском мире. Однако это было не совсем то, чего искал ученый. Ему нужен был состав, который действовал бы мгновенно, в момент

травмы. И вскоре он понял, что создать такой состав он сможет только путем синтеза. Посвятив всю последующую жизнь этим поискам, он проделал множество химических опытов, и вот три года тому назад, на шестьдесят первом году жизни, ему удалось добиться того, к чему он стремился с юношеских лет.

Надо было убедиться на практике в силе действия ЭМРО. Будучи противником всяческих экспериментов на ни в чем не повинных животных, Анатолий Анатольевич задумал провести первый опыт на самом себе. А так как он жил все в той же квартире, то первый прыжок он решил произвести из того же окна, из которого когда-то выпал его злосчастный младший брат.

И вот летом, когда вся семья была на даче, он ровно в два часа ночи накапал в стакан воды семь капель ЭМРО и, приняв эликсир, стал на подоконник раскрытого окна. Через несколько секунд, преодолев страх, он кинулся вниз с высоты седьмого этажа...

В миг падения ему показалось, что сердце вот-вот разорвется, а затем он ощутил резкий, очень болезненный удар и на секунду потерял сознание. Затем он встал с камней живым и невредимым и притом с таким блаженным ощущением, будто искупался в целебном источнике. Но зато костюм его лопнул по швам, пуговицы отлетели, от ботинок оторвались подошвы, а ключ от квартиры вылетел из кармана, и его пришлось искать, ползая на четвереньках по темному двору.

Так как шум от удара тела о камни был весьма громок, то многие жильцы дома проснулись и кинулись к окнам. Увидев в тусклом свете ночи какого-то подозрительного оборванца, ползającego по двору в поисках неведомо чего, они стали звать дворника.

Дворник тоже не сразу узнал в этом гопнике почтенного ученого и хотел даже отвести его в милицию. Но потом все кончилось благополучно, и, отыскав ключ, Анатолий Анатольевич вернулся в свою квартиру.

В течение последующих двух недель самоотверженный труженик науки произвел еще восемнадцать выпрыгов из окна, окончившихся столь же благополучно, как и первый. Чтобы не портить костюмов, он придумал спецодежду для прыжков: брезентовую куртку, такие же брюки и обыкновенные валенки. Жители квартир, выходящих окнами во двор, постепенно привыкли к опытам, которые проводил ученый, и дворника больше не вызывали. Однако вскоре Анатолий Анатольевич констатировал, что и жильцы дома, и знакомые при встрече на улице перестали его узнавать. Тогда он стал чаще смотреться в зеркало и убедился в странном факте: после каждого прыжка он становился на вид все моложе. Исчезли морщины, исчезла седина, на лице заиграл молодой румянец... Кроме того, он отметил, что у него нет больше одышки, которой он страдал в силу своего возраста, и что он стал лучше видеть и слышать, и что память его улучшилась и стала почти такой, как в студенческие годы.

Когда он пошел к врачу-терапевту, тот с удивлением заявил, что по высоким показателям своего здоровья Анатолий Анатольевич приближается к тридцатилетнему человеку.

— Анатолий Анатольевич! — в восторге воскликнул я, выслушав его научное сообщение. — Анатолий Анатольевич! Вы совершили великое открытие! Ваш ЭМРО надо срочно пустить в массовое производство. Ведь этот эликсир пригодится многим людям — верхолазам, кровельщикам, альпинистам, канатоходцам, а также детям и пьяницам, живущим на высоких эта-

жах, и даже хозяйкам, моющим окна. А его побочное омолаживающее действие?! Ведь это чудо! Только подумать...

— Увы, это не так просто, как вам кажется, — прервал мое восторженное высказывание ученый. — Должен вам сказать, что пока еще ЭМРО действует только в том случае, если падение произошло не позднее трех минут после приема. Не могут же кровельщики принимать ЭМРО каждые три минуты. Я работаю сейчас над продлением действия эликсира. Конечно, и в нынешнем качестве мой эликсир нужен людям и достоин массового производства. Но чтобы наладить его массовый выпуск, необходимо доказать, что ЭМРО действует универсально, а не избирательно. Мне самому еще неизвестно, у всех ли индивидуумов он вызывает должный эффект мгновенного восстановления организма, — ведь пока опыт проведен только на одном человеке, то есть на мне. Мне нужны добровольцы-подопытники... И вот я третий год езжу по градам и весям в поисках таких добровольцев и никак не могу их найти. На свете очень много смелых людей, но стоит мне объяснить условия опыта, то есть указать на то, что ЭМРО может не сработать в момент приземления, — и самые смелые почему-то отказываются от прыжка... Ведь вот и сюда я прибыл по договоренности с одним отважным местным парашютистом. Но и он, несмотря на то, что я провел с ним большую научно-просветительную работу, теперь колеблется и хочет избежать участия в этом эксперименте... Завтра буду опять его уговаривать... Нет, не так-то это просто... Вот вы лично согласились бы произвести прыжок из окна с высоты одиннадцатого этажа?

— Боюсь, что такой научный подвиг мне не по плечу.

— Ну вот, а сами же говорите: «Великое откры-

ти!» — с обидой в голосе произнес мой однокомнатник.

Несмотря на усталость, в этот вечер я долго не мог уснуть. Меня взволновали невзгоды маститого ученого, который мечтает подарить человечеству свой чудодейственный эликсир и не может, ибо сами же люди не хотят пойти ему навстречу в этом деле. Мне очень хотелось помочь ему, но я с детства боюсь высоты, и я понимал, что решиться на прыжок мне почти невозможно. К тому же мне невольно вспоминались все мои прежние контакты с мыслителями, открывателями и изобретателями. Как правило, они не приносили мне счастья. Особенно горек был опыт с шерстеношением, из-за которого я так и не получил должного образования. А здесь мне угрожало большее: потеря жизни.

С такими мыслями я и уснул, а проснувшись, обнаружил, что мой однокомнатник уже ушел по своим научно-просветительским делам. Тогда я отправился бродить по Надеждинску-Исполнительску, который оказался весьма приятным городом. Но мысль о том, что ЭМРО может никогда не увидеть массового производства, камнем лежала у меня на сердце и мешала с должным вниманием рассматривать городские достопримечательности.

Когда я вернулся вечером в гостиницу, Анатолий Анатольевич был уже в номере. С невеселым, даже удрученным видом сидел он в кресле. Мне даже показалось, что на его щеках виднелись следы недавних слез.

— Мне не удалось убедить парашютиста, он наотрез отказался от проведения опыта, сославшись на то, что у него есть жена и двое детей, — дрожащим голосом поведал мне ученый.

Мне стало стыдно за себя. Ведь у меня не было ни жены, ни детей, и я знал, что никто особенно не будет

плакать, если со мной случится какое-нибудь несчастье. Только трусость мешает мне согласиться на эксперимент.

Машинально я направился в совмещенную ванную, имевшуюся при номере, и заглянул в зеркало. На меня глядел холостой человек, на лице которого ясно были написаны все его пять «не»: неуклюжий, несообразительный, невыдающийся, невезучий, некрасивый.

К этому перечню можно было добавить еще одно «не»: немолодой.

«Ну кому нужен такой тип? — подумал я. — И этот-то тип еще отказывается рискнуть собой ради науки и нахально цепляется за свою холостяцкую жизнь!»

С такими мысленными словами я покинул совмещенную ванную и, войдя в комнату, сказал ученому:

— Я готов принять ЭМРО и совершить научный выпрыг из окна!

— Голубчик вы мой! — воскликнул Анатолий Анатольевич. — Люди не забудут вас! Какое счастье, что вы встретились мне на моем жизненном пути!.. Когда вы хотите провести опыт?

— Хоть сейчас, — ответил я.

— Сейчас рановато. Наше окно выходит на улицу, придется подождать ночи, когда не будет прохожих. А пока на всякий случай рекомендую вам составить завещание. Ведь вы уже знаете о том, что во время эксперимента ваш организм может не среагировать на ЭМРО.

Я сел писать завещание. На это не потребовалось много времени, так как особо ценных вещей у меня было ровно 2 (две): кресло-кровать и мотоцикл. Кресло-кровать я завещал моему талантливому брату Виктору, а на мотоцикл дал доверенность Анатолию Ана-

тольевичу, чтобы он мог его продать и отослать деньги моему отцу.

Когда настала глубокая ночь, Анатолий Анатольевич мягко напомнил мне о том, что теперь можно приступать к эксперименту.

— А чтобы ваш костюм не пострадал, я одолжу вам свою личную спецодежду, — заботливо добавил он и немедленно достал из своего большого чемодана брезентовую куртку, такие же брюки и плотные, качественные валенки.

Я облачился в прыгательный спецкостюм, и Анатолий Анатольевич, вынув небольшой пузырек с ЭМРО, налил одиннадцать (по числу этажей) капель этой зеленоватой жидкости в стакан с водой. Когда я залпом выпил эликсир, ученый с чувством пожал мне руку и молча указал на окно. Я взобрался на подоконник и глянул вниз. Мне стало не по себе.

— Не буду стоять у вас над душой, ибо вполне полагаюсь на вашу сознательность, — сказал мой одноконнатник. — Я спущусь вниз, чтобы приветствовать вас там. Но, надеюсь, вы будете там раньше меня.

Мне стало еще страшнее. При слове «там» мне представилась не улица, а более печальное место, то есть кладбище. И я снова подумал, что все проекты и опыты, в которых я принимал участие, никогда ни к чему хорошему меня не приводили. Даже то, что благодаря ТНВ я выиграл мотоцикл, тоже нельзя считать удачей, ибо из-за путешествия на этом самом мотоцикле я теперь вот стою на подоконнике и готовлюсь к смертельному прыжку... И все-таки надо было держать слово. Я подумал о своем брате, который всецело жертвует собой для прогресса и должен служить мне путеводным маяком... Много мыслей промелькнуло у меня в голове! Но три минуты были уже

на исходе. Победив страх, я взмахнул руками и за-
жмурясь прыгнул вниз.

От скорости падения я на миг потерял сознание, последовал резкий и очень болезненный удар, а затем я встал с асфальтового тротуара, в котором от силы моего падения образовалась вмятина.

— Как вижу, я не ошибся, — сказал Анатолий Анатольевич, подходя ко мне. — Вы прибыли первым. Как ваше самочувствие?

— Ничего не пойму, — ответил я. — Я чувствую какую-то легкость в теле, будто после бани. И еще я ощущаю душевный подъем.

— Сказывается побочное действие ЭМРО, — деловито заметил ученый. — Произошла мгновенная перестройка всех клеток организма. Вы стали моложе. Еще десять-двенадцать прыжков, и вы станете совсем молодым, и притом приобретете такие физические и духовные качества, которыми прежде не обладали. Кстати, продолжением опытов вы принесете большую пользу науке.

— Хоть сейчас готов! — ответил я.

— Боюсь, что многократные прыжки из окна гостиницы могут вызвать недовольство администрации, — высказался Анатолий Анатольевич. — Но в здешнем парке культуры я заметил вышку для прыжков с парашютом. Почему бы нам не отправиться туда? Если вы не против, то подождите меня здесь, а я поднимусь в номер и захвачу склянку с ЭМРО, а также графин с водой и стакан.

Через несколько минут он вернулся, и по ночным безлюдным улицам мы направились в парк. Там мы беспрепятственно забрались на вышку, и ученый накапал в стакан воды четырнадцать капель ЭМРО (высота вышки равнялась примерно четырнадцати этажам). Я прыгнул, затем поднялся на вышку и повто-

рил прыжок, а потом, войдя во вкус, прыгнул еще раз, и еще раз, и еще... С каждым разом прыгать было все менее страшно, и после каждого приземления я чувствовал себя все моложе и бодрее.

— Ну, хорошего понемножку, — сказал ученый после моего пятнадцатого прыжка. — Я тоже хочу прыгнуть пару раз для поднятия жизненного тонуса. Давненько я не прыгал.

Так как ночь была теплая, то мы разделись, и Анатолий Анатольевич надел спецкостюм. Сделав в нем два прыжка, он вернул его мне, мы снова оделись и направились в гостиницу. Уже светало, на улицах появились первые прохожие, они с удивлением смотрели на мои валенки. Швейцар не хотел впускать меня в вестибюль, и Анатолий Анатольевич строго сказал ему, что я — известный киноартист и возвращаюсь с киносъемки. Дежурная по этажу — немолодая симпатичная женщина — не узнала меня, и моему спутнику пришлось пройти в номер и принести мой паспорт. Но, увидев фото, она сказала, что я здесь совсем не похож на себя. Тогда маститый ученый объяснил ей, что моя несхожесть — это результат побочного действия ЭМРО, и провел с ней краткую научно-популярную беседу. В результате дежурная выразила желанье совершить выпрыг в ближайшую же ночь.

— Я сделал ошибку, пропагандируя ЭМРО только среди мужчин, — весело потирая руки, сказал ученый, когда мы вошли в номер. — А ведь давно известно, что женщины обладают такой же смелостью, как и мужчины, а зачастую и превосходят их. Правда, мне лично кажется, что нашу гостиничную даму привлекла не научная подоплека эксперимента с ЭМРО, а его побочное омолаживающее действие, но для опытов это не имеет значения.

Войдя в совмещенную ванную, я посмотрел на се-

бя в зеркало. И я не узнал себя! На меня смотрело интеллигентное лицо симпатичного тридцатилетнего мужчины. Потрясенный чудесной переменой, я не сразу поверил своим глазам и, закрыв их, два раза повернулся на пятке вокруг своей оси. Но когда я снова взглянул в зеркало, на меня смотрело то же симпатичное преобразенное лицо.

Приняв душ, я крепко уснул, а когда проснулся, был уже полдень. Позавтракав в гостиничном буфете, я отправился гулять по веселым улицам Надеждинска-Исполнительска. Проходя безлюдным сквером, я увидел пожилую женщину, которая сидела на скамейке и плакала. Я подошел к ней. При виде меня она встрепенулась и сказала:

— У меня к вам большая просьба! Помогите мне найти вора, укравшего мою сумку, в которой находится сумочка с деньгами и записной книжкой с адресом моего сына! Я прилетела сюда к сыну из Закарпатья, но я не помню его адреса, а на обратную дорогу у меня нет денег, ибо они находятся в сумочке, которая лежит в сумке, а ее у меня украли в трамвае, когда я ехала в центр города с аэродрома.

Высказав это, женщина заплакала с новой силой.

— Тяжелый случай, — сказал я и стал думать, чем же я могу помочь плачущей. И вдруг я вспомнил, что, когда мой друг Вася-с-Марса улетал с Земли, он дал мне свой легкозапоминающийся телефон и обещал выполнить любую просьбу.

— Подождите меня пять минут, — сказал я плачущей гражданке. — Я надеюсь повернуть ваше дело в положительном смысле.

Добежав до ближайшего автомата, я вошел в будку и набрал на диске одиннадцать единиц и пять пятаков.

— А, это ты, свой в доску и штаны в полоску!

Наконец-то вспомнил обо мне! — послышался Васин голос. — Ну, как дела на земной хавире?

— Все в порядке, пьяных нет, — ответил я. — Этой ночью я совершил научный выпрыг, в результате чего...

— Знаю, знаю, — перебил меня Вася. — Я об этом знал уже, когда отлетал с Земли. Ну теперь ты не тушуйся!

— Вася, у меня к тебе срочная просьба. Ты ведь обещал, помнишь?

— Помню. Сумка, в которой находится сумочка с деньгами и записной книжкой, вовсе не украдена, а потеряна в трамвайной давке. Семь минут тому назад она сдана в Стол находок, который находится на улице Дровяной, дом 9. Выйдя из сквера, где плачет пожилая гражданка, надо свернуть налево и пройти два квартала, затем свернуть направо и пройти четыре дома. Готовься к важному событию.

— К какому событию? — удивился я.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — загадочно ответил Вася-с-Марса.

— Вася, кореш мой инопланетный, а ты к нам снова в гости не собираешься? — с надеждой спросил я.

— Нет, годы уже не те, — задумчиво произнес мой друг. — Но ты увидишь меня на своей свадьбе. А теперь катись. Пока!

Слова о свадьбе я понял в смысле шутки, то есть в том смысле, что увижу своего друга, когда рак свистнет. Я поспешил в сквер.

— Ваша сумка, в которой сумочка, нашлась. Она в Столе находок, — сказал я плачущей.

— Ах, не верю, не верю! — сказала плачущая гражданка. — Это вы мне говорите только для утешения!

Пришлось мне самому отвести ее в Стол находок.

Вскоре мы с вышеупомянутой гражданкой вошли в парадный подъезд дома № 9 по Дровяной улице. Стол находок занимал довольно обширное помещение. Здесь имелось нечто вроде прилавка, за которым сидела заведующая возвратом, а позади нее стояло много нумерованных шкафов. Плачущая обратилась к заведующей с описанием своей потери, и заведующая, взглянув в ведомость, сказала, что находка сейчас будет возвращена по принадлежности.

— Люба! — крикнула она, повернувшись в сторону шкафов. — Люба, принеси, пожалуйста, находку, оформленную за номером пятьсот пятьдесят пять!

— Сейчас принесу, — послышался откуда-то очень приятный голос.

И вот в проходе между шкафами показалась сотрудница лет двадцати пяти, несущая желтую провизионную сумку. Я взглянул на эту молодую женщину, и сердце у меня заколотилось даже сильнее, чем когда я стоял на подоконнике и собирался делать выпрыг с одиннадцатого этажа. Передо мной находился живой оригинал моей мечты! Казалось, один из 848 портретов из комнаты моего детства ожил и переселился сюда, в Стол находок... Вот красавица вручила сумку плачущей гражданке, и та стала благодарить ее, переключившись со слез горя на слезы радости. А я стоял в стороне и не мог оторвать глаз от симпатичной красавицы.

— «Люби — меня!» — невольно вырвалось у меня, и тут она взглянула в мою сторону, побледнела и схватилась за сердце.

— Что с вами?! — взволнованно спросил я.

— Вы тот, кого я так долго ждала! — тихо сказала она.

Тут заведующая, видя эту неожиданную сцену, со-

чувственно посоветовала нам уйти за шкафы и там без свидетелей продолжить наш личный разговор.

И вот между шкафов с лежащими в них невостробованными находками я поведал Любе свою биографию, начиная с детства и кончая последними событиями. Она в ответ сообщила мне, что ее бабушка была премированная красавица и один художник в процессе рисования ее портрета для рекламы одеколona так влюбился в нее, что предложил ей стать его женой, на что она согласилась. Когда Любе было десять лет, а ее дедушка-художник был уже в преклонном возрасте, он однажды в шутку нарисовал портрет ее предполагаемого жениха. Этот воображаемый человек так понравился юной Любе, что когда она выросла и стала красавицей, она ни на кого из мужчин и смотреть не хотела. Многие, в том числе и ответственные работники, предлагали ей законный брак и прочную материальную базу и даже жаловались письменно на ее неговорчивость в вышестоящие учреждения, — но она была холодна и неприступна, как золотая рыбка. И вот наконец она дождалась своего суженого и хоть сейчас готова идти с ним во Дворец бракосочетаний.

Мы обнялись, поцеловались и договорились, что будем жить не где-нибудь, а именно в Рожденьевске-Прощалинске, в том доме, где я впервые увидел «Люби — меня!» в количестве 848 экземпляров.

Затем Люба повела меня к себе домой, где я временно поселился, а сама приступила к оформлению ухода с работы. На стене Любиной комнаты висел мой точный портрет, нарисованный ее дедом и помещенный самой Любой в изящную пластмассовую рамку.

Через пять дней Люба села в коляску моего мото-

цикла и вместе со мной покинула Надеждинск-Исполнительск, держа совместный путь к новой счастливой жизни.

Перед отъездом из Надеждинска-Исполнительска я пошел проститься с Анатолием Анатольевичем и поблагодарить его за побочное действие ЭМРО. Уже на дальних подходах к гостинице я увидел длинную извилистую очередь, тянущуюся через весь квартал.

— Куда эта очередь? — спросил я у нарядной дамы.

— Это очередь на выпрыганье, — весело ответила дама.

Только тут я заметил, что очередь состояла из женщин. Лишь кое-где виднелись вкрапленные в эту очередь мужчины, стоявшие с понурым и затравленным видом; это были мужья, приведенные женами для выпрыга в приказном порядке. Меня удивило, что среди женщин различного возраста стояло немало девушек лет восемнадцати-двадцати — уж им-то побочные результаты ЭМРО были вовсе не нужны. Очевидно, их захватил вихрь моды.

Следуя вдоль очереди, я дошел до подъезда гостиницы. Здесь для поддержания порядка стоял наряд милиции. Часть улицы была перегорожена рогатками, и виднелись знаки, запрещающие проезд транспорта. Через короткие промежутки времени с одиннадцатого этажа из окна ученого выпрыгивала очередная доброволица, гулко ударялась о землю и затем в изодранной одежде и с поломанными каблуками, но с бодрым и радостным выражением лица отходила в сторону. Некоторые же сразу бежали снова занимать

очередь. На месте многочисленных приземлений тротуар и мостовая были так покорябаны, будто там прошла колонна тяжелых танков.

С трудом добравшись до комнаты № 1155, я поздравил ученого с успехом, но при этом был поражен его хмурым и усталым видом.

— С той ночи, как наша дежурная по этажу сделала свой прыжок и рассказала о нем знакомым дамам, а те, в свою очередь, своим знакомым, отбою нет от желающих прыгать, — без радости в голосе поведал мне Анатолий Анатольевич. — Правда, универсальность ЭМРО теперь твердо установлена, поскольку не было ни одного несчастного случая, но сам я настолько устал от этой суеты, что снова чувствую себя шестидесятилетним. Мне даже некогда самому сделать прыжок!

Я рассказал ученому о резкой положительной перемене в своей судьбе, и в ответ он дружески пожал мне руку и пожелал мне счастья в семейной жизни. Затем я поспешно вышел из комнаты, ибо ожидающие очереди на выпрыг начали колотить в дверь.

Увы, ЭМРО до сих пор не введен в массовое производство, ибо ученый не смог довести до конца работы вследствие своей преждевременной кончины. Как я потом узнал, он еще две недели подряд непрерывно принимал добровольцев-прыгальщиц, не дававших ему покоя ни днем ни ночью. Однажды, желая повысить свой жизненный тонус, он выпрыгнул из окна, но, задержанный событиями, забыл перед этим принять свой эликсир.

13. СЧАСТЛИВЫЕ ИТОГИ

Мы благополучно прибыли в Ленинград, после чего Люба настояла на немедленной продаже мотоцикла, дабы на вырученные деньги купить телевизор. Я приналег на учебники и в скором времени сдал экстерном за весь курс техникума. Получив диплом, я позвонил своему талантливому брату, который поздравил меня с успехом и пригласил к себе в гости вместе с молодой женой. Меня Виктор сперва не узнал в лицо. Но когда я поведал ему об ЭМРО, он сказал, что он лично не пошел бы на такой эксперимент, ибо побочное действие эликсира снизило бы уровень его маститости и могло бы даже вызвать неудовольствие начальства. О Любе же он отозвался весьма положительно и одобрил мой выбор. Любе тоже очень понравился мой брат и интеллигентная атмосфера, царящая в его отдельной квартире.

Вскоре мы с Любой навсегда переехали в Рожденьевск-Прощалинск, где родители мои выделили нам две комнаты. В комнате моего детства я с величайшей осторожностью снял со стен слои обоев, наросшие за долгие годы на 848 изображениях «Люби — меня!», и реставрированные стены предстали в своем историчес-

ком виде. Но теперь кроме 848 портретов в этой комнате живет и та, о встрече с которой я мечтал, глядя в детстве на эти самые портреты!

Официальную свадьбу мы справили именно в этой комнате. Кроме родителей, на семейном празднике присутствовало много соседей с нашей улицы, и все они остались довольны и угощением, и внешним видом невесты. В довершение торжества пришла поздравительная телеграмма от брата, которую я зачитал гостям и родителям. Она гласила:

Поздравляю надетьем уз прометея зпт
желаю дальнейших свершений успехов тчк
абзац поскольку иррациональность метабо-
лических алгоритмов и синусоидность физио-
терапевтических диэлектриков требуют лока-
лизации компрадорских изотерм зпт присы-
лаю сто рублей свадебные расходы тчк твой
высокообразованный брат.

После зачитания телеграммы поднялся мой отец и со слезами радости на глазах произнес тост в честь новобрачных. Он горячо поздравил меня с тем, что теперь я избавился от своих «не» и стал достойным членом семьи, чем глубоко обрадовал родителей.

Но этим не кончились события того знаменательного дня! Когда после танцев под радиолу гости разошлись по домам, вдруг засветился экран нового телевизора, который еще не был даже подключен к антенне. На экране показалось лицо Васи-с-Марса. Согорчением я увидел, что мой друг сильно постарел за эти годы.

— Здорово, бродяга! — сказал Вася. — Ну, как дела на свадебной хавире?

— Все в порядке, носки и пятки, — бодро ответил я. — Мечты мои сбылись!

— Вижу, вижу, — сказал мой инопланетный друг. — Поздравляю и желаю дальнейших свершений.

— Спасибо, Вася! — с волнением проговорил я.

— Не за что, друг мой, не за что.

— Вася, а когда ты снова покажешься? — спросил я.

— Теперь уже никогда, — ответил он и, помахав на прощанье рукой, тихо скрылся с экрана.

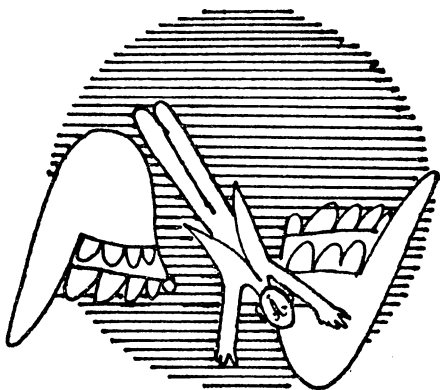
Жизнь моя в Рожденьевске-Прощалинске течет хорошо. Я теперь занимаю довольно ответственное место, и все мной вполне довольны. Мой отец больше не рассказывает своих охотничьих историй: когда я подробно изложил ему свою жизнь, то ее действительные события произвели на него такое впечатление, что он перестал лгать.

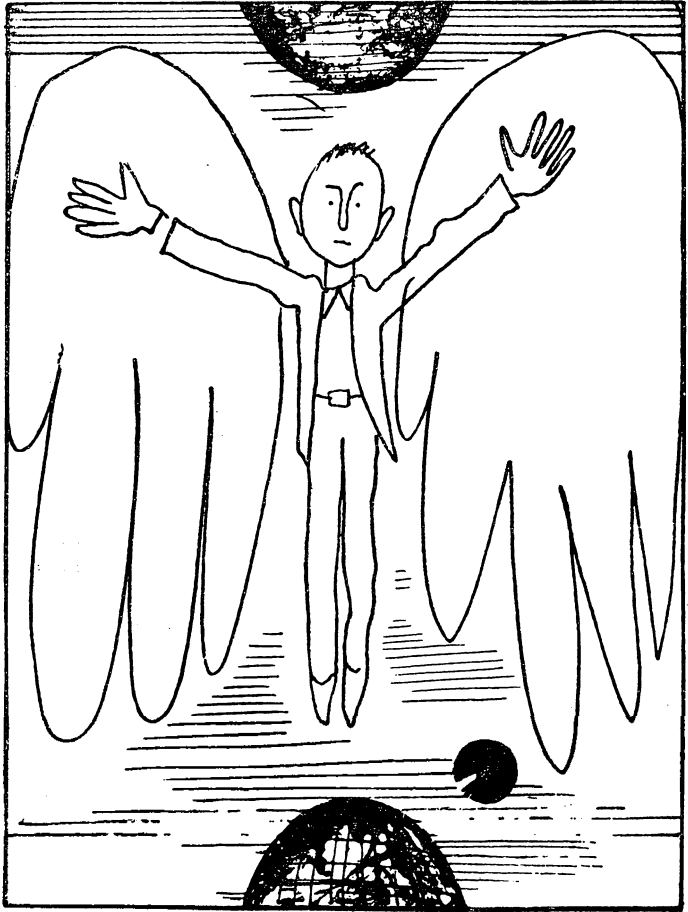
Теперь никто не считает меня человеком с пятью «не», и мою находчивость и деловитость ставят в пример другим. Что касается дел семейных, то с Любой мы живем очень дружно, душа в душу, и между нами не было еще ни одной ссоры.

Изредка по ночам, когда в доме все спят, а мне не спится, меня охватывает нелепая грусть по моему бестолковому прошлому. Не зажигая света, я тихо встаю с постели и сажусь перед выключенным телевизором. Но на экране ничего не появляется.

ЗАПОЗДАЛЫЙ СТРЕЛОК,
или
КРЫЛЬЯ ПРОВИНЦИАЛА

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

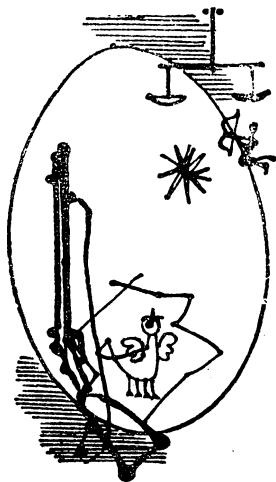

1. ВВЕДЕНИЕ

Теперь, когда у каждого есть личные крылья и когда каждый знает, что он может в любую минуту употребить их для полета, — теперь на Земле крылья эти утратили свою популярность. На планете нашей пользуются ими главным образом некоторые романтически настроенные влюбленные да еще сельские письмоноскы в отдаленных районах во время весенней распутицы.

И уже мало кто помнит, как трудно было Алексею Потаповичу Возможному изобретать эти крылья, и пробивать свое изобретение сквозь различные барьеры, и осуществлять всеобщую крылизацию человечества.

Вот об этом я и хочу напомнить вам, уважаемые Читатели.

2. ВНЕСЕНИЕ ЯСНОСТИ

Должен предупредить Читателей, что своей статьей я не собираюсь открывать никакой Америки и что она (статья эта) носит компилятивный характер, отнюдь не претендуя на особую оригинальность как в области сообщаемых фактов, так и в отношении способа их изложения. Крылья — тема вечная, как любовь. О крыльях люди мечтали с самых отдаленных времен. В древних пещерах, в наскальной живописи наряду с другими

изображениями мы находим и изображение человека, парящего на крыльях. Герою древнегреческого мифа Дедалу удалось сконструировать крылья для индивидуального полета. Библия, ее апокрифы и вообще религиозная литература всех времен и народов полны упоминаний о летающих существах как положительно-го порядка (ангелы), так и порядка отрицательного (злые духи, демоны). Темой крыльев полны живопись, скульптура, музыка, киноискусство, научная фантастика, а также фольклор («Был бы я пташечкой, стал бы летати...»).

Серьезные деятели литературы — например, Анатолий Франс в «Восстании ангелов» и Марк Твен в «Путешествии капитана Стормфилда на небеса» — не чуждаются темы крыльев. О поэзии и говорить нечего: от давних времен и до наших дней написано неисчислимое множество стихов о крыльях.

И даже когда настал век авиации и полетов в космос, интерес человека к крыльям, как таковым, не остыл и мечта о личных крыльях не затмилась. Не один пилот и не один пассажир, совершив со сказочной скоростью перелет Ленинград — Владивосток и сойдя по трапу на твердую землю, с ласковой завистью следили за полетом ласточек над аэродромом.

Парадокс заключался в том, что, создав планеры, дирижабли, самолеты, вертолеты и космические ракеты, человек продолжал мечтать о полете на личных крыльях. И в снах он продолжал видеть себя летящим не в салоне реактивного лайнера, не в кабине космического корабля, а просто летящим, парящим как птица.

Но крыльев не было.

Были мифы о крыльях, и рассказы о крыльях, и поэмы о крыльях, и стихи о крыльях. Но живого обыкновенного человека, летящего на крыльях, никто, никогда, нигде не встречал.

3. СПРАВКА

Так было до тех пор, пока Алексей Потапович Возможный не сконструировал крылья и не полетел на них. (См. Авторское свидетельство № 756617-ПС, доб. документация № 1899457-КМ, — «Крылья человеческие машущие индивидуальные съемные для управляемого полета в воздушной среде».)

4. ДЕТСТВО АЛЕКСЕЯ ВОЗМОЖНОГО

Алексей Возможный родился в Сибири, в селе Ямшиково (ныне — Возможное). Село это довольно большое, с почтово-телеграфным отделением и средней школой.

Отца Алеша потерял рано, мать же его была сельской почтальоншей. Набрав на почте полную сумку писем, газет и прочей корреспонденции, она с утра отправлялась в окрестные деревни. Весной и осенью, в распутицу, по тракту ходить становилось нелегко, а в небольшие таежные деревеньки, расположенные среди болотистой тайги, порой и вовсе невозможно было проникнуть. В такие дни Серафима Дмитриевна часто возвращалась домой с сумкой, в которой лежало много недоставленных писем, и горько жаловалась на бездорожье.

— И неужели никак-никак нельзя было эти письма доставить? — участливо расспрашивал ее маленький Алеша.

— Никак нельзя. Разве что на гусеничном тракторе или на крыльях.

— А крыльев тебе не полагается?

— Крылья только ангелам полагаются, — отвечала Серафима Дмитриевна. Из этого не следует делать вы-

вод, что она была религиозной. Просто этими словами она хотела образно пояснить ребенку полную невозможность доставки писем в данных условиях.

Когда Алексей подрос, он неоднократно заменял мать в ее походах в дальние деревни. Он даже пропускал ради этого занятия в школе, на что, впрочем, учителя смотрели сквозь пальцы. Учился он очень хорошо — даже, как считали некоторые, ненормально хорошо. Так, будучи учеником пятого класса, он уже знал некоторые разделы высшей математики, изучаемые в Академии Математических Наук, а когда сдавал выпускные экзамены, то, выбрав вольную тему, вывел доказательство малоизвестной теоремы Сандестрома-младшего, считавшейся недоказуемой.

Успехи в учебе не сделали Алешу ни заносчивым, ни черствым. Он был добр к товарищам и всегда готов был помочь людям в беде, даже если это было сопряжено с опасностью. Добр он был и к животным. Если где-нибудь находил он раненую или выпавшую из гнезда птицу, он притаскивал ее домой и ухаживал за ней. Выздоровев, птицы не всегда улетали — некоторые оставались жить поблизости и сопровождали Алексея в его прогулках и походах в тайгу и окрестные деревни. Днем около него всегда летал сокол, а стоило Алеше выйти из избы вечером — появлялась серая сова. Она летела впереди него, то низко стелясь у его ног, то бесшумно взмывая ввысь.

И каждую весну и каждую осень, в пору перелетов, ненадолго отвернув от стаи, над его домом делал несколько приветственных кругов лебедь: Алексей когда-то подобрал на берегу реки подранка и выходил его в своей избе.

5. ПОВОРОТНАЯ НОЧЬ

Окончив школу, Алексей решил ехать в Ленинград поступать в Самолетостроительный институт. Он уже послал туда документы.

В том году стояло необычно дождливое лето, и однажды мать Алексея, Серафима Дмитриевна, вернулась домой с сумкой, в которой было немало недоставленных писем, газет и переводов. Эту почту она должна была отнести в деревеньку Дальние Омшары, но дойти туда не смогла. Путь в Дальние Омшары лежал через тайгу и моховые болота.

Так как в сумке среди прочей корреспонденции была и телеграмма, то Алексей решил отправиться сам в эти Омшары, хоть до этого там не бывал. Мать сначала отговаривала его, но он убедил ее, что будет осторожен. Захватил сумку, надел брезентовый плащ и двинулся в путь.

Едва он вышел на тракт, как сокол, по своей привычке, увязался за ним. Крылья его влажно блестели от дождя. Иногда он набирал высоту и, оглядев сверху дорогу, пикировал вниз.

Затем Алексея нагнала сова. Полет ее был неровен и как-то неуклюж: днем, как известно, совы видят плохо, к тому же эта сова была пожилая. Она тяжело плюхнулась Алексею на плечо, да так и осталась сидеть.

— Ну только тебя, старуха, здесь и не хватало, — пошутил юноша, погладив птицу по мокрой спине. — И с чего это ты днем с места сорвалась, никогда этого с тобой не бывало!

Вскоре Алексей свернул с тракта на лесную дорогу, а с той — на другую, поуже. Все было залито водой, но путь виден был хорошо. Вот сокол снова набрал высоту, затем спикировал — и полетел домой. Алексей по-

нял, что идет верным путем и до наступления темноты ничего дурного с ним не случится.

Но когда стемнело, Алексей вышел на моховое болото, покрытое кочками и мелким чахлым березняком, и вскоре сбился с дороги. Он петлял, шагал то вправо, то влево, под его сапогами хлюпала болотная жижа. Потом в темноте ему почудилось, что вышел на знакомое место, и тогда он быстро зашагал туда, где, как считал он, должна проходить потерянная им дорога.

И тут сова довольно больно и сердито клюнула Алексея в плечо. Затем она стала летать вокруг него, чуть ли не задевая лицо крыльями и не давая идти вперед. Он понял, что птица почуяла недоброе и что ему надо переждать ночь на месте. Он сел на мокрую кочку и задремал. Иногда он просыпался от холода и тогда слышал, как сова начинает сердито хлопать крыльями. Когда рассвело, ее уже не было — улетела домой спать.

Тут, при дневном свете, Алексей увидел, что пройди он ночью еще шагов десять — и угодил бы в трясицу, в так называемое «окно». Эти «окна», поросшие сверху густой травой, и днем-то не всякий отличит от обыкновенной безобидной лужайки.

Вскоре он отыскал дорогу и без дальнейших происшествий пришел в Дальние Омшары, где роздал корреспонденцию. Телеграмму же он вручил Екатерине Сергеевне Радугиной, которая оказалась просто Катей; девушка была на год моложе Алексея. Телеграмма извещала Катю о том, что она принята на заочное отделение ветеринарного техникума.

Катя очень обрадовалась этому известию, а Алексей радовался, глядя на нее. На девушке была черная юбка и кофточка из шотландки, которая ей очень шла. Кофточка была в зеленую клетку с черными поперечинами и застегнута была на зеленые пуговицы из пластмассы.

— О чем вы задумались? — спросила вдруг Катя.

— Так, — ответил Алексей. — Эти пуговицы очень похожи на леденцы.

— Это хорошо или плохо?

— Это не хорошо и не плохо, — ответил Алексей. — Но мне — нравится.

— Как странно, — сказала Катя. — Как странно! Мне эти пуговицы тоже напоминают леденцы, но никто никогда не говорил мне об этом.

— Вам теперь будут присылать учебные программы, — сказал Алексей. — Если дороги будут плохими, я все равно буду доставлять вам эти программы.

— Спасибо, — сказала Катя. — Я буду этому рада. Плохо только, что на первом курсе есть химия.

— Не нравится химия? — удивился Алексей.

— Даже хуже, — ответила Катя. — Видите вон ту большую осину? Нравится она вам?

— Ну вижу. По-моему, хорошее дерево. И слышите, как звенят листья?

— А если б вы темной ночью сюда пришли, и я вам показала бы в ту сторону и спросила: «Нравится вам осина?». Вы бы сказали: «Звенит, а какая она — не знаю». Вот так для меня химия.

— Я вам буду помогать, — сказал Алексей.

— Вот спасибо, — обрадовалась Катя. — А то я так ее боюсь, что в школе на уроках химии стихи писала, чтоб не так страшно было. На одном уроке вот какое стихотворение написала:

Сегодня на северном склоне оврага,
Где ивы обветренный ствол,
Где солнце, и снег, и подснежная влага,
Цветок долгожданный расцвел.

Стоит он над снегом, над жухлой травой,
От света и воздуха пьян.

С утра над бедовой его головою
Клубится весенний туман.

Могла бы нагнуться, могла бы сорвать я —
Но он лишь один на снегу.
Он ждет не меня, он ждет своих братьев —
Сорвать я его не могу. —

Потом она сказала: — Я знаю, это не очень удачно. Но ведь это для себя. Мы летом тут в речке часто купаемся, а иногда я одна хожу купаться на лесное озеро, это три километра отсюда. Как я там плаваю, как ныряю — никому и дела нет, а самой мне там нравится. Вот так и стихи.

Эта ночь на болоте и последовавшее за ней знакомство с Катей оказали на Алексея Возможного странное, как может показаться на первый взгляд, воздействие. Вернувшись домой, он затребовал из Самолетостроительного института документы и вскоре уехал в ближайший райцентр, где поступил на курсы работников почтовой связи.

Многие дивились, и до сих пор дивятся, почему он при своих способностях избрал столь скромный и столь невысоко оплачиваемый трудовой путь. Одни считают, что здесь повлияло стремление быть ближе к Кате; другие напирают на то, что мать Алексея Возможного была уже в предпенсионном возрасте, часто хворала, и сын не захотел оставлять ее в одиночестве; третьи же предполагают, что в ту ночь, когда Алексей сидел в лесу, ожидая рассвета, он вовсе не спал, а думал о крыльях для человечества и так четко представил их себе, что уже не хотел будто бы тратить время на институт, стремясь поскорее взяться за работу.

Однако из поздних дневниковых записей Алексея Возможного видно, что конкретных мыслей о крыльях

у него тогда не возникало. Он пишет: *«О крыльях я в те дни еще не думал. Но у меня появилось чувство, которое я назвал бы так: предзнание. Я знал, что надо что-то найти и что будущая находка где-то рядом».*

6. КРЫЛЬЕВ ЕЩЕ НЕТ

По окончании курсов Алексей Возможный был направлен в родное село, где занял место помощника начальника отделения связи. Оно было свободно, так как его предшественник недавно ушел на пенсию.

В Ямшикове дивились тому, что столь способный человек избрал себе столь малоперспективную специальность. Над ним даже подшучивали — впрочем, весьма добродушно. Девушки, например, сложили о нем частушку, которую несколько раз исполнили со сцены деревенского клуба:

Наши мальчики хвалены
Прежде перли в институт,
А теперь в почтальоны
Просто-напросто идут!

Как видите, песенка вовсе не обидная. Надо заметить, многим даже пришлось по душе, что талантливый юноша выбрал такой скромный путь и остался в родном селе. Когда же Алексея спрашивали, неужели ему не хочется поехать учиться в большой город или поездить по белу свету, он отмалчивался. Но, как нам теперь известно, однажды он сделал в своем дневнике такую запись: *«Я думаю, что внимательное созерцание квадратного метра поля или луга, когда наблюдатель находится в состоянии душевного покоя, дает сознанию большее ощущение простора и полноты жизни, нежели тысячекилометровые переезды и перелеты и многократная смена мест обитания. Каждый сам в себе носит свой простор».*

Впрочем, Алексей не был таким уж неколебным домоседом. Когда в Москве был объявлен международный турнир на лучший результат шахматной игры с новейшей логической электронной машиной, он испросил у начальника почты отпуск и направился в столицу. Предварительно он выучился игре в шахматы по самоучителю и сыграл несколько партий с местным чемпионом, счетоводом Петром Степановичем Бирюковым.

Условия международного турнира были таковы. Первая премия предназначалась тому, кто сыграет с машиной вничью; вторая — тому, кто сдастся ей не ранее тридцатого хода. О выигрыше речи не было, так как считалось, что человеку победить в игре эту машину невозможно. Однако Алексей, сыграв три партии, в первой сделал ничью, а две остальные выиграл.

Получив довольно крупную денежную премию, он накупил целый контейнер книг по самым различным отраслям знаний, а также много подарков для матери и односельчан. Кате же он привез очень дорогую электронную собаку. Она была размером со шпича и умела бегать, прыгать и лаять. Больше никаких достоинств у собаки этой не было, а к тому же она сразу сломалась. Вообще справедливости ради надо сказать, что, хоть Алексей и любил делать подарки, но выбирать их не умел. Все его покупки — если только речь идет не о книгах и не об инструментах — поражают своей непрактичностью и никчемностью.

Вернувшись в Ямшиково (ныне Возможное), Алексей продолжал работать на почте. В дни большой нагрузки, перед праздниками, а также в плохую погоду, он сам охотно разносил корреспонденцию по дальним деревням. Не скроем, что всего охотнее носил он письма и газеты в деревню Дальние Омшары.

Так прошло два года.

7. КРЫЛЬЯ КАК ТАКОВЫЕ

Однажды весной, в первый день своего отпуска, Алексей Возможный зашел в сельский клуб. Здесь висела свежая стенгазета, в которой наряду с прочими злободневными материалами был помещен рисунок местного художника Андрея Прокушева. Рисунок изображал молодого человека с сумкой на боку, из которой торчали письма и газеты. Молодой человек этот сидел на велосипеде. Точнее, падал вместе с велосипедом, так как ехать не мог: велосипед по втулки увяз в дорожную грязь.

Внизу был четко написан стихок, сочиненный молодым письмоноском Николаем Тараевым:

Несмотря на все усилия,
Не качусь, а падаю.
Не колеса здесь, а крылья
Почтальонам надобны!

Очевидцы рассказывают, что Алексей Возможный, прочитав это четверостишие, на мгновение застыл, а затем торопливым шагом направился к выходу. Некоторые добавляют, что при этом он хлопнул себя по лбу и проговорил какое-то древнегреческое слово.

После этого он три дня нигде не показывался. На вопросы соседей, что такое стряслось с Алексеем, почему его не видно, мать его, Серафима Дмитриевна, сокрушенно качала головой и говорила: «То пишет, то чертит на бумаге что-то, ночей не спит. Не знаю, что и делать с ним...»

Вскоре Алексей уехал в Москву. Вернулся он через пять дней. Мать рассказывала соседям, что он привез какие-то проволочки, баночки, металлические маленькие штучки и еще какие-то непонятные предметы.

Затем на попутном грузовике он направился в рай-

центр, где накопил холста, рыболовных капроновых лесок и много тюбиков с клеем БФ.

Еще через день Алексей пошел к местному столяру Михаилу Андреевичу Табанееву и попросил у него сухих дощечек и планочек. Тот охотно дал просимое, но поинтересовался, на что это Алексею надобно.

— Крылья буду ладить, — ответил Возможный.

— В птицы записаться хочешь? — засмеялся добродушный столяр. — Ну что ж, дело неплохое... Птицей станешь — не забудь мне пол-литра в клюве принести.

— Ладно уж, принесу.

В тот же день Алексей отправился в Дальние Омшары. Он рассказал Кате о том, что скоро сделает крылья.

Катя внимательно выслушала его и задумалась.

— О чем ты думаешь? — спросил ее Алексей. — Ты не веришь, что человек может летать?

— Нет, я верю, — тихо ответила Катя. — Но если у тебя ничего не выйдет с крыльями, ты все равно останешься для меня тем же.

Тогда Алексей обнял и поцеловал Катю, а на другой день они отправились в райзагс, а оттуда в Ямшиково — и Катя поселилась в доме Алексея. На этом, в сущности, кончаются все сердечные тревоги в жизни Возможного. Дальше — в этом отношении — судьба его и Кати сложилась счастливо, и они жили душа в душу. Должен признаться, что, принимаясь за эту главу, я боролся с соблазном хоть немного драматизировать любовные переживания Алексея и Кати. Но удержался от этого, ибо мое дело — повествовать только о фактах.

Теперь Алексей и Катя целыми днями находились в пристройке, где Алексей оборудовал небольшую мастерскую. Он подбирал и пилил планки, обстругивал их и склеивал, а Катя, наложив на холст картонное лекало,

резала этот холст большими ножницами, а потом сшивала большой иглой, употребляя вместо ниток рыболовную леску.

Однако работы было так много, что Алексей связался с ребятами из местного школьного кружка авиамodelистов. Работали они охотно, их и не прогнать было из пристройки, но галдели ужасно, споря друг с другом из-за сборки узлов, — и мать Алексея была этим не очень-то довольна. Но помощь ребят освобождала Алексея от многих часов черновой работы и давала ему возможность заняться вспомогательным электронным устройством, которое должно было сделать полет совершенно безопасным.

И вот крылья были готовы.

В этот день Катя надела спортивные брюки и красивую кофточку, а Алексей облачился в свой единственный парадный костюм и приладил к рукам крылья. Пришли и ребята-авиамodelисты. Оделись они как обычно, но все были умыты и причесаны, что случалось с ними не каждый день.

— А ты, мама, пойдешь с нами на испытание? — спросил Алексей Серафиму Дмитриевну.

— Не хочу на баловство ваше глядеть, — строго ответила Серафима Дмитриевна. — Делом бы лучше занялись!

Тогда все, кроме нее, отправилась к выгону. Впереди шагал Алексей Возможный в парадном костюме и с крыльями, за ним Катя в клетчатой кофточке с пуговицами-леденцами, а уж за Катей — ребята. Погода стояла отличная, но отличная она или плохая, не имело значения: крылья годились для любой погоды.

Коров на выгоне в этот час не было, и людей нигде поблизости тоже не было, не видно и не слышно было

птиц. Только сокол, как всегда, увязался за Алексеем и молча летал вокруг него.

И участники испытания тоже молчали, потому что приближался ответственный момент.

— Полетит дядя Леша сейчас, а веселья нет, — сказал вдруг самый маленький из авиамodelистов.

Ему никто ничего не ответил.

— Ну начинаю полет, — Алексей посмотрел на Катю и побежал к середине выгона, расправляя на бегу крылья. Затем он оторвался от земли и полетел.

8. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

Алексей сделал несколько небольших кругов над серединой выгона, а потом по прямой полетел к старой большой черемухе, что стояла у края поля возле ручья. Сокол летел рядом с ним. Казалось, птица нисколько не удивлена полетом человека.

Набрав высоту, Алексей перевалил через крону дерева и круто пошел вниз. Внезапно сокол с коротким предупреждающим криком вынырнул навстречу ему. Алексей резко свернул, еще немного и он пропорол бы правое крыло о сухой жесткий сук и, конечно, упал бы. Теперь благодаря соколу он избежал опасности. Но сокола на мгновение сдавило между суком и крылом. Птица молча упала в ручей, и ее потащило течением. Лапы у нее были прижаты к телу, как при полете. Но так же птицы сжимают лапы и в миг смерти.

Алексей долго летел над ручьем, сопровождая мертвого сокола. Того волокло над бледно-зеленой подводной травой, над ржавыми консервными банками, над какими-то мятыми дырявыми кастрюлями и изодранными резиновыми сапогами, лежащими на дне. Дальше ложе ручья стало глинистым, а берег был весь в ямах: отсюда брали глину для печей. Затем ручей

расширялся, здесь был омут. Сокол исчез в его глубине.

Алексей набрал высоту и начал делать крутые виражи, чтобы током встречного воздуха осушить выступившие на глазах слезы. Рукой отереть их он не мог — этому мешали крылья.

Затем он вернулся к Кате и ребятам-авиамоделистам.

— Я нечаянно убил сокола, — сказал он Кате, снимая крылья.

На краю правого крыла виднелось небольшое красное пятно.

— Как это грустно, — сказала Катя. — И именно сегодня...

— Теперь полетай ты, — сказал ей Алексей.

Катя надела крылья и сделала несколько кругов над выгоном. Потом разрешено было полетать самому старшему из авиамоделистов, ученику десятого класса Мите Добрышеву.

— Ну, понравилось? — спросила его Катя, когда тот отлетался.

— Понравилось, ничего, — ответил Митя. — Но на «ТУ-104» лучше. Когда я на «ТУ-104» с папой в Киев летал — вот это да!

— А я на «ИЛ-18» летал, — сказал самый маленький из авиамоделистов. — Вот это веселье было!

Ребята побежали к селу, и Алексей с Катей остались в поле одни. По-прежнему кругом было безлюдно. Поднявшийся северо-восточный ветер гнал на выгон пыль с проселочной дороги.

— Что ж, Катюша, идем домой, — сказал Алексей. — Испытание закончено. Ты рада?

— Рада, — ответила Катя. — Но я почему-то думала, что радость будет больше.

— Я тоже так думал, — согласился Алексей. —

Ты понимаешь, когда я летел, это было приятно, но совсем не так, как летаешь во сне. Не получается ли так: давая людям свои крылья, я отнимаю у них мечту о крыльях?

— Ты сделал очень важное дело, — утешила его Катя. — У человека крыльев никогда не было — а вот теперь они есть.

— Да, крылья есть.

И оба они не спеша пошли домой.

Часа через полтора Алексей взял денег, повесил на шею провизионную сумку, надел крылья — и полетел в магазин. Сельмаг находился довольно далеко от их дома. Алексей летел не над улицей, а задом, чтобы не возбуждать излишнего внимания. Когда он приземлился у магазина, там только что кончался перерыв, и покупатели еще не подошли. Он был первым. Заведующая сельпо тетя Света Целовальникова сидела на крыльчке.

— А, прилетел-поздоровал, — улыбнулась она. — Мне ребята уже сказали, что ты крылья наладил... А грузоподъем у них какой? Кроме самого себя, много груза поднять можешь?

— Нет, не очень много, — ответил Алексей. — Килограмма два-три.

— Маловато, — покачала головой тетя Света. — С такими крыльями не разживешься... А скорость какая?

— Скорость больше, чем у пешехода. Но не много. Километров пятнадцать в час.

— Не шибкая скорость. Вот у меня племянник мотоцикл «ИЖ» заимел, так на тракте километров сто выжимает. А выпьет, так, говорит, и сто двадцать дает.

Алексей сделал покупку и полетел к столяру. Тот сидел у окна, уже выпивши по случаю хорошей погоды. Алексею он обрадовался.

— Ну и молодец ты, паря! И на самом деле крылья смастерил! И пол-литра мне в клюве принес!

Затем он ощупал крылья и попросил дать ему полетать на них.

— Простите, Михаил Андреевич, крыльев дать вам сейчас не смогу, — сказал Алексей. — Вы сейчас выпивши немного, а у меня здесь электронно-бионический тормоз. Человек в состоянии опьянения взлететь на этих крыльях не может. Зато он не может и разбиться.

— Тоже хорошо! — воскликнул Михаил Андреевич. — Умная голова у тебя!.. А какой потолок у них?

— Около двухсот метров.

— Н-да, — протянул Табанеев, — потолок подкачал... Но ты не горюй, ты все равно важное изобретение сделал.

Как теперь известно, именно в этот день вечером Алексей Возможный сделал в своем дневнике следующую запись: *«Помимо того, что сокола жалко, нет вообще ощущения большой радости. Быть может, радость — это вид энергии, а неисчерпаемых источников энергии нет. Много радости расходуется на само ожидание радости — и вот, когда мы приходим к цели, цель эта нас не так уж и радует».*

Несколько ниже он пишет: *«Я чувствую себя человеком, долго искавшим клад и наконец нашедшим его. Да, я откопал сундук, на крышке которого написано: «Здесь миллионы». Я взломал сундук и там нашел миллионы. Но это не золото. Увы, это бумажные деньги. Они давно утратили хождение и заменены другими денежными знаками. Я не могу раздать их людям — они им не нужны. Они порадуют только коллекционеров (которые, впрочем, тоже люди). Клад найден слишком поздно».*

9. ЗАПОЗДАЛЫЙ СТРЕЛОК

Как мы теперь знаем из воспоминаний современников, в самом эпицентре открытия — в селе Ямщицкове — создание крыльев не вызвало большого шума. Это и понятно: в селе этом Алексей Возможный был своим человеком, его считали добрым малым, слегка чудаковатым, и изобретение им крыльев восприняли как проявление безвредной (но и бесполезной) чудаковатости.

Но затем, хоть Алексей никак не рекламировал своих крыльев, слухи о них кругами пошли от его родного села к соседним селам, к городкам, к городам. И чем дальше уходили слухи, тем более они видоизменялись. Через несколько дней распространилась легенда о некоем летающем человеке, который похитил из райпо и унес под крыльями ящик хлебного вина. По другому варианту, этот летающий человек был вовсе и не человек, а морально разложившийся десантник-инопланетник с летающей тарелки, и похищал он не спиртные напитки, а деньги чистоганом. Были и иные варианты, еще более странные. Но у всех этих слухов было нечто общее: всюду указывалось конкретное место, где происходят чудеса, — село Ямщицково.

Поэтому вскоре из одного небольшого города, отстоящего недалеко от Ямщицкова, в село это был направлен многосторонний журналист Леонид Могилан, чтобы выяснить все на месте и опубликовать в газете корреспонденцию, разъясняющую суть дела и пресекающую ложные домыслы.

Когда-то Леонид Могилан сотрудничал в одной центральной газете, но оттуда был за что-то уволен и переехал работать в ту небольшую газету, о которой идет речь. Здесь редактор полюбил его за свежесть стиля. Так, Могилан никогда не употреблял слова «нефть»,

а всегда писал «наше черное золото»; никогда не говорил «хлопок», а всегда — «наше белое золото»; а вульгарное слово «пушнина» он заменял образным выражением «наше мягкое золото». Кроме того, хоть жил он всегда в городах, но считался знатоком сельского хозяйства и иногда даже сочинял стихи и песни на сельскохозяйственную тему. В поэзии он почему-то подражал дореволюционной поэтессе Мирре Лохвицкой. Об этом свидетельствует хотя бы его «Сельская вакхическая»:

Пастух Мефодьич! Доярка Маша!
Я с вами дружбе сердечной рад!
За яровые поднимем чаши,
За полноценный суперфосфат!

Споем и спляшем! Эван! Эвоз!
В экстазе выльем артелью всей
За все комбайны, за все удои,
За яйценоскость родных гусей!

Так как Ямшиково было селом и находилось в сельской местности, то туда был направлен именно Могилан. Через два дня в газете появилась его статья, которая называлась «За крыло да на солнышко!» Она начиналась так:

«В то время как крепнет добыча мягкого золота, множится вывоз удобрений и свершается ряд иных свершений и мероприятий, есть у нас еще темные пятна, есть и отдельные носители этих темных пятен.

Некий А. Возможный, отклонившись от дружного коллектива работников связи, вместо того чтобы заботиться о срочной доставке писем сельским труженикам, занялся бесцельным прожектерством и вздумал летать на крыльях.

Эти антинаучные полеты, не подкреплен-

ные выводами и доводами науки, невольно наводят на мысль о том, что А. Возможный хочет противопоставить себя рядовым труженикам села Ямщикова и возбудить в них религиозные суеверия в своих личных целях...»

В таком духе был написан целый подвал. Кончалась статья возгласом: «А не пора ли ударить по крыльям гр. А. Возможного!»

Вскоре эта отрицательная статья сделала свое положительное дело. В самом деле, напиши Могилан статью хвалебную — она могла бы пройти незамеченной. Положительная статья не требует ответа, а отрицательная требует. Она немедленно была обсуждена на районном собрании почтовых работников и признана грубо зашатавшейся и искажающей факты. В одну из центральных газет было послано письмо за многими подписями. Вскоре в Ямшиково прибыл столичный корреспондент, а через три дня в его газете появилась не очень большая, но весомая заметка, которая называлась «Оглоблей по крыльям». В ней рассказывалось о том, что периферийный изобретатель-практик, сконструировавший крылья для нисьиносцев, подвергся грубым нападкам в местной печати. Вместо того чтобы морально поддержать Алексея Возможного, Л. Могилан, не разобравшись в сути дела, обрушился на него с нелепыми придирками в своей технически неграмотной статье.

Вслед за тем в Ямшиково приехала известная журналистка Нина Антитезова. В толковой и дружественной статье она поведала широкому читателю об Алексее Возможном и его изобретении. Статья называлась «Сельский Дедал».

В Ямшиково потянулись корреспонденты, фотографы, репортеры, телевизионщики и киношники.

Представитель массового научно-популярного журна-

ла: «Техника — каждому» уговорил Алексея послать чертежи и техническое описание крыльев в Бюро изобретений. Алексей последовал доброму совету и вскоре получил авторское свидетельство. (См. главу 3.)

Затем Алексей Возможный сделал вторую пару крыльев. Эти крылья он принес в свое почтовое отделение, чтобы ими могли пользоваться письмоноscopy. Крылья вполне оправдали себя. Пошли осенние дожди, дороги к некоторым отдаленным деревням стали труднопроходимыми, но доставка почты шла без помех. Почтальон, отправлявшийся в дальнюю деревню, брал крылья и летел над дорожной грязью и болотами. Иногда ими пользовались и врачи, а также лекторы, летавшие в глубинку. Эти крылья лежали, всегда готовые к употреблению, на специальной полке в почтовой конторе. Их прозвали «дежурными крыльями».

Вскоре, зайдя в сельский клуб, Алексей увидел там свежий номер стенгазеты, где помещен был новый рисунок Андрея Прокушева. Рисунок тот изображал сельского письмоноscopy. Он бодро летел на крыльях, а на шее у него висела сумка, из которой торчали письма и газеты. Внизу можно было прочесть четверостишие уже известного нам сельского поэта:

Над тайгой лечу зеленой,
Что мне ямы, впадины, —
Потому как почтальону
Нынче крылья дадены!

Однако нужно заметить, что мать Алексея, отправляясь на разноску почты, крыльями никогда не пользовалась. Впрочем, скоро она вышла на пенсию.

Что касается Кати, то она, после того как крылья прошли испытание, изредка летала на них, но относилась к ним с какой-то тайной боязнью. Не то чтоб она боялась разбиться — нет, совсем нет. Просто

ее безотчетно тревожило то маленькое ржаво-красное пятнышко на правом крыле.

Да и сам Алексей Возможный тоже редко пользовался крыльями. Характер его несколько изменился, он теперь часто бывал грустным. К этому времени относится такая запись в дневнике: *«В сущности, формула движения машущего крыла настолько проста, что только случайность помешала людям открыть ее в предшествующие века. Я не чувствую себя победителем. Я чувствую себя неопытным, но самонадеянным стрелком, случайно попавшим в яблочко... Вся мишень испещрена попаданьями возле этого яблочка, и видно, что стрелки были опытные и меткие, но им просто не везло. Стрелки давно умерли, а мишень осталась, пришел я и попал в цель. Но это была их цель! Я — запоздалый стрелок».*

10. ДОРОЖНЫЕ ВСТРЕЧИ

Теперь на имя Алексея Потаповича Возможного шло много писем. Его сослуживцы, беззлобно подшучивая над ним, утверждали, что он нарочно поступил работать на почту, дабы получать корреспонденцию, так сказать, не отходя от рабочего места. В письмах люди спрашивали, скоро ли будет налажено массовое производство крыльев, какова будет их цена, и задавали много других вопросов.

Все это привело Алексея к мысли, что пора поднять вопрос о широком выпуске крыльев, с тем чтобы промышленность смогла удовлетворить намечающийся спрос на них. Посоветовавшись с Катей, он взял в отделении связи отпуск за свой счет и направился в центр. Катя проводила его до районного города, где он сел в поезд. С ним был небольшой чемодан и крылья в чехле из водоотталкивающей ткани. Чехол этот сшила Катя.

В купе уже сидело три человека. Они ехали, как

оказалось, на слет изобретателей-переростков в областной город. Их имена не дошли до нас, поэтому я для удобства буду именовать их Брюнет, Рыжий и Старикан.

Увидав чехол, Брюнет спросил у Алексея, что в нем такое.

— Крылья машущие для индивидуального полета, — ответил Алексей.

— Ну кому теперь нужны крылья! — воскликнул Брюнет. — Кругом полно самолетов! Я ведь знаю, что надо изобретать и чего не надо. Я изобрел антиалкогольный ящик для хранения денег. Я хочу его зарегистрировать под девизом: «Сезам — не открывайся!» — С этими словами Брюнет выдвинул из-под сиденья небольшой железный сундучок. На нем, очевидно рукой изобретателя, был выведен зеленой масляной краской стишок:

И жена и я довольны —
Уменьшается расход.
Ящик антиалкогольный
Наши деньги бережет.

И горжусь я без рисовки
Изобретеньем своим:
Этот ящ. в командировке
И в быту незаменим.

— А каково назначение этого ящика? — поинтересовался Алексей.

— Этот антиалкогольный ящик предназначен для хранения денег, — ответил Брюнет. — Получив получку, вы кладете в ящик сумму денег, которую вам надо сберечь для каких-либо целей, отложив себе часть на ежедневные расходы. Если вы выпьете и захотите добавить на выпивку денег из ящика — он не откроется, как бы вы ни вертели ключом. Дело в том, что в ящик

вмонтирован агрегат, улавливающий спиртной запах и при этом автоматически запирающий замок. Более того, если вы сами трезвы, но рядом или в пределах трех метров находится выпивший человек, ящик тоже не откроется. Таким образом, если к вам придет нетрезвый приятель и станет подбивать вас на выпивку за ваш счет — ничего у него с этим делом не выйдет, и вы гарантированы от трат. Если же вашей жене (предполагается, что она непьющая) понадобятся деньги на что-либо — она может открыть ящик в любую минуту ключом, который вы вручаете ей. И вот благодаря этому ящику в семье всегда будет мир.

— Ну а если я холостяк, и притом непьющий, значит, ящик отпадает? — спросил Алексей.

— Вовсе нет! — ответил изобретатель. — Непьющим холостяком ящик может быть использован как копилка. Предположим, вы хотите скопить денег на мотоцикл. С каждой получки вы кладете в ящик определенную сумму и опять-таки часть денег оставляете себе на повседневные расходы. Из этих денег вы ежедневно покупаете себе четвертинку водки и, разумеется, выпиваете ее. Этим самым вы гарантируете неприкосновенность от самого себя хранимой в ящике суммы.

— Но так и спиться можно, — заметил Алексей.

— Это уже частный вопрос, — ответил Брюнет недовольным тоном. — Важна новизна идеи.

— А какое у вас изобретение? — обратился Алексей к Рыжему.

Рыжий молча извлек из кармана небольшой сверточек. Развернув бумагу, он вынул нечто напоминающее по форме электрическую пробку. Только пробка эта была отлита целиком из металла.

— Неперегорающая вечная пробка! — объявил Рыжий. — У меня уже и рекламное объявление готово. — Он расправил бумажку и прочел, вернее, пропел

на мотив старинной песни «Когда б имел золотые горы»:

Не пожалев труда-терпенья,
Я вашу выполнил мечту,
Я изобрел изобретенье,
Необходимое в быту!

Пусть замыканием коротким
Все уничтожится дотла,
Сгорит весь дом, сгорит проводка,
Но будет пробочка цела!

Далее Рыжий перешел на прозу:

— Вы вставляете в сеть эту пробку и можете быть спокойны — она никогда не перегорит. Включайте все электроприборы — ей хоть бы что. Провода сгорят, приборы сгорят, дом сгорит — а она все равно цела! Представляете, какая будет экономия на пробках во всемирном масштабе!

— Позвольте, — удивился Алексей, — но ведь пробки для того и существуют, чтобы в определенных условиях перегорать. В этом их назначение.

— Вы, молодой человек, видно, ничего в изобретательском деле не понимаете, — вмешался Старикан. — Если в основе изобретения лежит новая мысль — значит, изобретение ценное. Вот я...

— А вы что изобрели? — обратился к Старикану Алексей.

— Я не изобрел, я сделал открытие. Я создал Микстуру Долголетия, сокращенно — «Мидол». Если вы раз в год, в день своего рождения будете принимать эту микстуру — вам обеспечено необоримое здоровье и долгая жизнь. Вы проживете до ста пятидесяти лет.

Старикан вытащил из-под вагонного столика большую бутылку, полную какой-то темной жидкости. К горлышку сосуда была привязана бумага, на манер

аптечной сигнатурки, только гораздо больше размером. На одной стороне было написано дрожащим старческим почерком:

«Любой человек в домашних условиях
может приготовить «Мидол» на радость себе
и окружающим
Состав «Мидола»

1. Соль поваренная	10. Уксус
2. Соль фиксажная	11. Спирт нашатырный
3. Сахар	12. Клопомор бытовой
4. Одеколон «Шипр»	13. Политура мебельн.
5. Керосин	14. Горчица столовая
6. Денатурат	15. Касторка аптечн.
7. Чернила ученичesk. синие	16. Лак для ногтей
8. Жидкое мыло	17. Рассол огуречн.
9. Чесночный сок	18. Жир рыбий

Смешать, взболтать и настоять».

На другой стороне сигнатуры той же рукой был написан стишок:

Пять литров микстуры моей
Ты выпей приемом единым —
И станешь быка здоровей,
И будешь всегда невредным.

Ни выходки женских особ,
Ни вирусов хищная стая
Тебя не загонят во гроб —
Живи, веселясь и блистая!

— Позвольте, — удивился Алексей Возможный. — Там у вас написано «пять литров». Это не описка?

— Нет, это не описка, — ответил Старикан. —

Нужно выпить за один прием именно столько — ни грамма меньше, ни грамма больше. И тогда «Мидол» окажет свое благотворное действие.

— Простите за нескромность, — спросил Алексей. — Но, судя по вашему внешнему виду, вы еще не пили «Мидола»?

— Нет, пяти литров мне не выпить, — ответил Старикан. — Но я ежедневно тренируюсь на пиве. Пива я могу выпивать уже четыре бутылки сразу. Старуха моя недовольна этим и порой даже прибегает к побоям, но я продолжаю тренировку. Года через три я дойду до десяти бутылок — и тогда в один прекрасный день вместо пива я приму нужную дозу «Мидола» и личным примером укажу людям путь к здоровью и долголетию... Правда, прежде мне нужно будет преодолеть рвотный барьер. А как его преодолеть — я еще не знаю.

— Что вы подразумеваете под понятием «рвотный барьер»? — спросил Алексей.

— Дело в том, — грустно потупив голову, молвил Старикан, — дело в том, что моя микстура даже в малых дозах вызывает неуправляемые приступы тошноты.

Следующим утром три спутника Алексея Возможного сошли в областном городе, и дальше он ехал в купе один. В это время он и сделал запись в своем дневнике, подробно изложив свою встречу с тремя изобретателями-переростками. Говоря о первом, он проводит параллель между его антиалкогольным стоп-устройством и своим, примененным в крыльях. Далее он приходит к выводу, что изобретатель, которого я для удобства именую Брюнетом, наметил себе неверную цель, но ему нельзя отказать в остроумном реше-

нии технической задачи; вообще же Алексей характеризует его как прагматиста, зашедшего в тупик. Здесь же он высказывает мысль, что, кроме силы воли, есть и сила безволия, и с ней надо считаться.

Второго изобретателя Возможный характеризует просто как глупца.

Зато о Старикане пишет вот что: *«Несчастный человек? — Нет, счастливый человек! В нем есть величие подлинного открывателя. Через два года он умрет от водянки, но, умирая, будет верить, что проживи он еще год — и он принес бы человечеству счастье. Путь его ложен, смешон, нелеп — но цель мудра, благородна и современна. Он — антипод, обратный знак, оборотная сторона медали... Но именно медали, а не фальшивой монеты! А на другой стороне медали будет когда-нибудь вычеканен профиль открывателя подлинного эликсира долголетия».*

Далее несколько строк в дневнике вымарано рукой его автора, а затем следует небольшое стихотворение, написанное Алексеем Возможным в том же поезде:

Я ныне возноситься волен
В пределы листьев и стрижей,
В мир обветшалых колоколен
И крупноблочных этажей.

Но Человек стремится к звездам
В порыве исполинских сил —
Увы, он крылья слишком поздно
Моей рукой осуществил.

И облетает позолота
С нежданно сбывшегося сна.
И радость моего полета
Раздумьями омрачена.

11. СЕМНАДЦАТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ И БЭБИ

Сойдя на шумном вокзале, Алексей Возможный направился на поиски пристанища. Вскоре он нашел свободный номер в недорогой гостинице. Вслед за тем он начал поиски учреждения, которое смогло бы заинтересоваться его крыльями и наладить их массовое производство. Забегая вперед, скажу, что на поиски у него ушло десять дней.

Первым делом Алексей направил свои стопы в «Главпочтосвязьпроект». Здесь о крыльях уже знали и считали, что это дело хорошее и нужное и что крылья очень помогут периферийным почтальонам. Однако у «Главпочтосвязьпроекта» мастерские были и без того перегружены работой, и Алексею порекомендовали обратиться в «Главспортснарядпроект».

В «Главспортснарядпроекте» Алексея встретили очень хорошо, здесь тоже знали о его изобретении. Но от производства крыльев отказались, так как крылья не в профиле «Главспортснарядпроекта». Ведь такого вида спорта не существует.

— Но если наладить производство крыльев, то тем самым возникнет новый вид спорта, — возразил Алексей.

— Когда он где-нибудь возникнет — тогда, пожалуйста, к нам, — ответили ему. — И тогда мы начнем налаживать производство ваших крыльев. А пока вам лучше всего обратиться по этому вопросу в «Главлесопожар».

В «Главлесопожаре» о крыльях тоже знали. Но для борьбы с лесными пожарами крылья действительно не годились — слишком мала грузоподъемность. В этом деле использовались вертолеты, они вполне себя оправдали.

Обойдя еще несколько учреждений, Алексей решил направиться в военное ведомство. Приняли его здесь очень хорошо.

— Мы отлично знаем ваше изобретение, — сказал ему молодой полковник. — Мы о нем узнали первыми и преисполнились к вам самого глубокого уважения. Но мы не обратились к вам с просьбой работать у нас, ибо крылья ваши военного значения не имеют. Будь они изобретены раньше — цены бы им не было в военном деле, а сейчас мы имеем приборы для индивидуального полета несравненно более совершенные, нежели ваши крылья.

— Куда вы посоветуете мне обратиться, товарищ полковник? — сказал Алексей. — Задаю вам такой вопрос потому, что вы кажетесь мне наиболее здравомыслящим человеком из всех тех, с которыми мне пришлось беседовать за последние дни.

Полковник призадумался. Затем он сказал:

— Кроме почтового дела, крылья ваши могут быть применяемы на море при самоспасении пассажиров и команды с терпящих бедствие торговых и пассажирских судов. Правда, далеко от берега они едва ли помогут, но если аварию терпит судно, находящееся в каботажном плавании, крылья сослужат свою службу. Ведь спасательные шлюпки часто бывают разбиты или сорваны штормом, и тут придут на помощь крылья. Кроме того, даже при наличии шлюпок люди не всегда могут благополучно достичь берега из-за сильного прибоя. И тут крылья спасут много жизней. Советую вам обратиться в «Каботажрейс».

Алексей Возможный поблагодарил полковника и направился в «Каботажрейс». Здесь внимательно выслушали все его доводы в пользу крыльев и в принципе согласились с ними, но тут же добавили, что своих производственных мастерских у учреждения нет.

В конце концов ему дали направление в БЭБИ (Бюро Эталонизации Бытовых Изобретений).

БЭБИ представляло собой мощное учреждение со многими секторами и подсекторами. Здесь к крыльям Возможного проявили должный интерес. Но само БЭБИ заняться разработкой крыльев не могло. Были здесь секторы усовершенствования мясорубок, стиральных машин, соковыжималок, электропылесосов и торшеров; были подсекторы мыльниц, зубочисток, солонок, спускных бачков, собачьих поводков, но все это не имело никакого отношения к крыльям. Правда, сектор настольных вентиляторов некоторое отношение к ним имел, но начальник его был в то время в командировке.

Однако в подчинении БЭБИ имелось несколько НТЗ (научно-теоретических заведений). В одно из таких НТЗ и направили Алексея Возможного с его крыльями на предмет их научного обоснования, усовершенствования и подготовки к массовому выпуску.

12. НТЗ «ГУСЬЛЕБЕДЬ»

НТЗ «Гусьлебедь» было научно-теоретическим заведением со стершимся профилем. К сельскому хозяйству и к охране природы отношения НТЗ никогда не имело, но все же когда-то оно было основано для каких-то благих конкретных целей. Однако для каких именно — никто уже не помнил. За последние годы вся научная работа заведения свелась к внутризаведенческой борьбе между гусь-отделом и лебедь-отделом. Гусисты пытались доказать лебедистам, что в окружающем нас мире гуси имеют большее значение, нежели лебеди. Лебедисты утверждали обратное. Так как обе спорящие стороны представляли свои «про» и «контра» в письменной научной форме, со ссылками

на авторитеты, то это был спор творческий, научный, и в процессе этого спора представители обеих сторон получали различные ученые звания, степени и повышения по службе.

Когда Алексей Возможный явился в заведение, то сразу понял, что ученым не до него. Гусисты в те дни готовили обширный «Психологический и историографический обзор методики действий группы гусей при спасении г. Рима». Что касается лебедистов, то они в качестве контрудара создавали двухтомный труд; первый том назывался: «О роли лебедей в жизни древнегреческого общества и отражении этой роли в преданиях об оплодотворении Леды лебедем»; на титульном листе второго тома значилось: «К вопросу о возможности наличия лебединого поголовья на некоторых планетах системы Альфы Лебеда». Побывав в залах и комнатах обоих отделов, посмотрев на этих солидных, благополучных ученых, многие из которых были украшены благородными сединами, и заметив несколько косых взглядов, брошенных на него, Алексей почувствовал, что здесь он оскорбительно молод и что ему здесь делать нечего.

Он уже направился к выходу, но, проходя по коридору, на одной из дверей увидел дощечку, на которой было написано: «Зав. П/О крыльев», и наудачу постучался в дверь. И этот стук в дверь решил многое.

Дело в том, что в заведении, кроме гусь-отдела и лебедь-отдела, был и подотдел крыльев. По первоначальному замыслу этот подотдел должен был служить связующим звеном между двумя основными отделами, ибо крылья есть и у гусей, и у лебедей. Но уже давно этот подотдел превратился в козла отпущения. В него переводили не потрафивших начальству гусистов и лебедистов, обрекая их на значительное замедление в

восхождении по лестнице званий. А когда в какой-нибудь газете появлялся материал, обвиняющий заведение в отрыве от жизни и чуть ли не в творческом бесплодии, директор товарищ Рейтузов всегда умел повернуть дело так, что все шишки валились на опальный подотдел крыльев. Между тем начальник этого подотдела, товарищ Лежачий, был человеком самолюбивым и с давних пор затаил нелюбовь к Рейтузову.

Когда Алексей Возможный подробно ознакомил Лежачего со своим изобретением, Лежачий понял, что крылья могут стать в его руках большим козырем.

— Я персонально займусь доработкой ваших крыльев, я подготовлю их для массового выпуска, — сказал он Возможному. — А чтоб дело было крепче и верней, я даже согласен стать вашим соавтором. Возможно, что в процессе работы мне придется подключить к проекту еще несколько соавторов. Я думаю, вас это вполне устроит.

— Я согласен, — ответил Алексей Возможный. — Лишь бы скорей наладить выпуск крыльев.

— В первую очередь мне надо выковать научные кадры, — весомо сказал Лежачий. — Сперва — кадры, а потом — крылья.

В этот день, вернувшись в гостиницу, Алексей сделал в своем дневнике такую запись: *«На Лежачего надежды мало, но на других и вовсе нет. Дело здесь даже не в бюрократизме (хоть и он есть), а в малой технической применимости крыльев. В век космических ракет и реактивных лайнеров мои к. — «малая механизация». Но глядя в будущее, я не столько страшусь тихого неуспеха, сколь шумного успеха, моды. Ибо именно за модой следует обычно полное забвение.»*

Великое иногда может стать модным, но часто ли модное становится великим?»

Далее следует такая запись: «Очень соскучился по дому, по Кате. Пусть это старомодно, но меня не тянет в города. Мне нравится жить в Ямщикове. Когда живешь там, где родился, все вещественные проявления родной природы постепенно включаются в твою жизнь, обретают голос и становятся советчиками и собеседниками. Человек мудр, но есть мудрость и в придорожной березе, и в ручье, который ты еще мальчишкой переходил вброд. Все они могут подсказать что-то. Взамен же они ничего не требуют».

13. СВОДКА

Алексей Возможный вернулся в Ямщиково и зажил прежней жизнью, аккуратно исполняя свои обязанности на почте.

Вне села Ямщикова происходили в это время следующие события.

В то время как по научной и служебной линии крылья продвигались чрезвычайно медленно, да, можно сказать, и совсем не продвигались, — по линии добровольно-общественной они пошли в ход. Некоторые сельские почтальоны, не дожидаясь того дня, когда крылья поступят в систему Министерства связи и будут им выданы за казенный счет, стали делать их сами по чертежам, опубликованным в научно-популярном журнале.

Некоторые влюбленные юноши делали по две пары крыльев — для своей возлюбленной и для себя.

Появились любители-крылостроители.

Организовалось всесоюзное добровольное общество «Все на крылья».

Все чаще можно было видеть летающих людей.

14. ВОЗНЕСЕНИЕ ЛЕЖАЧЕГО

Меж тем в НТЗ «Гусьлебедь» развертывались научные события.

Получив в веденье своего подотдела разработку темы «Крылья», Лежачий развернул бурную деятельность. Везде и всюду он твердил, что только его подотдел занят перспективной проблемой, в то время как гусь-отдел и лебедь-отдел зашли в творческий тупик. Вскоре в печати появился фельетон, посвященный НТЗ «Гусьлебедь». В нем критиковались гусисты, лебедисты и сам Рейтузов, зажимающий многообещающую деятельность Лежачего. Так как в БЭБИ давно уже сомневались в деловых качествах Рейтузова, то этот фельетон стал последней каплей, переполнившей чашу административного терпения. Рейтузов был переведен в другое заведение, а главой «Гусьлебеда» стал Лежачий.

Став во главе заведения, Лежачий первым делом добился специализации НТЗ. Так как никому не было понятно, чем занималось заведение до этого, то никого особенно не удивило, что оно взялось за разработку крыльев. В БЭБИ были этим даже довольны: наконец-то заведение занялось чем-то конкретным.

Гусисты и лебедисты стали стаями разлетаться прочь. Их научные труды лежали теперь на чердаке, забытые всеми, но их звания и степени, заработанные этими трудами, оставались при них, и отнять эти звания никто не мог. Поэтому бедность им не грозила. На их места Лежачий набирал новых работников, чтобы ковать кадры. Скромный подотдел «Крылья» разросся, стал полноправным отделом, а затем, в свою очередь, был разбит на отделы. Был создан отдел крыловедов широкого профиля и отдел крыловедов узкого профиля; были организованы стделы, где ковались

крыловеды-моделисты и крыловеды-экономисты; крыловеды-бионики и крыловеды-электронники; крыловеды-эстетики и крыловеды-энергетики; крыловеды-маринисты и крыловеды-гигиенисты; крыловеды-метеорологи и крыловеды-психологи; крыловеды-антиаварийщики и крыловеды-гарантийщики.

Была реорганизована и расширена и многотиражка заведения. В состав ее редколлегии включили высокопродуктивного поэта Переменного. Правда, дополнительного места в штате редакции для него выхлопотать не удалось, и поэт был зачислен в заведение как крыловед-испытатель. Переменный обязался выдавать ежемесячно не менее четырех погонных метров бодрых, звонких стихов и сразу же приступил к делу:

В пыли на земле я ишачил,
Всю жизнь от бескрылья страдал.
Явился товарищ Лежачий —
И легкие крылья мне дал.

И мне впереди замаячил
Крылатого солнца рассвет.
Веди ж нас, товарищ Лежачий,
Дорогой научных побед!

В часы, свободные от выполнения своих прямых творческих обязанностей, Переменный писал любовно-упадочную лирику:

Других ты любила, а мною бросалась —
А я ж неплохой человек, —
И в сердце моем голубая усталость,
Тобой я обманут навек.

Я в лес ухожу, тебе больше не веря,
Грустя на осенний мотив...
Примите ж меня, всевозможные звери,
В бесхитростный свой коллектив!

Дела Лежачего шли в гору. О нем трубили как о человеке, который открыл способного, но малограмотного изобретателя-самородка Алексея Возможного — и задался благородной целью научно обосновать теорию индивидуального полета на машущих крыльях и практически подготовить модель крыльев для массового производства.

Постепенно об Алексее Возможном стали вспоминать все реже, а имя Лежачего склонять все чаще. Вскоре ему было присвоено звание почетного крыловеда и соответственно увеличен оклад. От полноты жизни Лежачий стал все чаще выпивать. Используя служебное положение, он завел себе молодую крыловедку-секретаршу Малину Викторовну Стриптизоявленскую, с которой, не скрываясь, начал появляться в ресторанах и других общественных местах. Кроме того, он приблизил к себе поэта Переменного, и тот теперь постоянно обретался у него на дому, читая за рюмкой водки свои любовно-упадочные стихи и отрицательно влияя ими на морально-психическое состояние хозяина дома. Все это вместе взятое привело к тому, что сам Лежачий начал иногда думать стихами.

Встав по бу-бу-будильнику,
Я иду к холодильнику,
Открываю бе-белую дверь,
Вынимаю я пробочку,
Наливаю сто-стопочку —
Догадайтесь, что будет теперь?
И с благо-го-говением,
Окрыленный мгновением,
Я напиток к устам подношу...
Выпью влагу жемчужную —
И статью ну-ну-нужную
Я о крыльях пишу-шу-шу-шу.

Между тем крылья Возможного, принесенные им в свое время в заведение, валялись в подвале. Там было

сыровато, но чехол из водоотталкивающей ткани, сшитый Катей, предохранял их от сырости и порчи.

15. СМЕРТЬ ЛЕБЕДЯ

Алексей с Катей жили мирно и дружно. У них родилась дочка, которую они называли Анфисой.

Алексей теперь исполнял должность начальника почтового отделения. Он пользовался уважением как сослуживцев, так и всех жителей Ямщикова. Несмотря на то, что он был еще очень молод, многие даже пожилые люди часто обращались к нему, когда у них возникал какой-либо спор.

Алексею по-прежнему шло много писем. Кроме того, некоторые люди специально приезжали в Ямшиково, чтобы побеседовать с ним. Поэтому местные хозяйственники, дабы обеспечить ночлег приезжающим, построили небольшую бревенчатую гостиницу «Уют». Узнав о гостинице, в Ямшиково стали ездить и жители ближайшего городка, чтобы провести там денек-другой. Начали наезжать и охотники — не промысловые охотники, которым охота дает хлеб, а охотники городские, которые, отработав в помещении шесть дней, седьмой день жаждут провести на природе и по возможности убить что-нибудь живое.

Этой весной лебедь, летя со стаей на север, как всегда, свернул в сторону и сделал несколько кругов над домом Алексея Возможного. Алексей был в это время во дворе и помахал лебедю рукой. Тот сделал еще один круг и резко взял курс на северо-восток: полетел догонять своих. Но со стороны болота захлопали выстрелы, а затем Алексей увидел, как упал лебедь.

— Лебедя убили, — сказал он, входя в дом.

Серафима Дмитриевна покачала головой и с укориз-

ной посмотрела на Алексея, будто он в чем-то виноват. А Катя, качавшая Анфису, заплакала.

— Это к беде, это не к добру, — молвила она сквозь слезы.

— Это не к беде и не к радости, — тихо сказал Алексей. — Просто убили лебедя.

16. ДЕЛА ГУСЬЛЕБЕДЕВСКИЕ

Между тем в газетах стали появляться запросы читателей — почему отстаёт наша крылодельная промышленность. Появились карикатуры на БЭБИ и на подчиненное ему заведение «Гусьлебедь». Директор БЭБИ вызвал Лежачего и потребовал, чтобы тот в кратчайший срок подготовил крылья к сдаче в массовое производство.

Лежачий заверил директора БЭБИ, что через два месяца будет создан опытный образец крыльев.

Действительно, вскоре чертежи творчески обогащенных и модернизированных крыльев были готовы. Своих мастерских у заведения не имелось, и для ускорения дела чертежи правого и чертежи левого крыла и чертежи дополнительного оборудования были отданы трем разным предприятиям. Правое крыло досталось быткомбинату «Зарница», производившему мясорубки, кофейные мельницы, гитарные струны и обувную фурнитуру; левое — бытпромобъединению «Рассвет», делавшему спортивные гири, металлические портсигары, рыболовные блесны, а также мышеловки и жестяные похоронные венки. Дополнительное оборудование взяли изготовить авторемонтные мастерские при БЭБИ.

Тем временем во дворе заведения была выстроена семиметровая вышка — на манер тех, что стоят на водных стадионах. Дело в том, что полет на модернизированных крыльях мог осуществляться только с высоты.

Затем были отпечатаны красивые пригласительные билеты для представителей БЭБИ и прессы. За две недели до испытания крыльев в НТЗовской многотиражке появилась песня, сочиненная поэтом Перемышным:

Эх вы, крылья мои, крылья,
Крылья легкие мои,
Вы летите без усилия,
Как летают соловьи!

Вы летите легкой тенью
Через поле, через лес,
Чтобы слава Заведенья
Возрастала до небес.

Мы свершим свои задачи,
Высь нас манит и зовет, —
Ведь недаром сам Лежачий
Возглавляет наш полет!

Песня разучивалась на спевках всеми сотрудниками НТЗ «Гусь-лебедь», а автору ее в качестве поощрения сам Лежачий разрешил опубликовать в очередном номере многотиражки любовно-упадочное стихотворение:

Посетила Муза
Члена профсоюза,
И стихи сложил он о своей тоске,
Ты меня, Людмила,
Без ножа убила —
Ты с другим ходила вечером к реке.
В лес пойду зеленый,
Встану я под кленом,
Выберу я крепкий, качественный сук...
Есть веревка, мыло...
Прощевай, Людмила!..
Зарыдают лоси, загрузит барсук.

17. ГОСТИ ИЗ ЗАВЕДЕНИЯ

Так как А. Возможный числился все же одним из авторов крыльев, то Лежачему было неудобно не пригласить его на испытание опытной модели. Это могли бы воспринять как зажим. Поэтому Лежачий, зная нелюбовь Возможного к дальним поездкам, послал в Ямшиково двух сотрудников заведения с тем, чтобы они уговорили его приехать. Кроме того, им было поручено вручить Алексею Возможному текст речи — тот должен его заучить и произнести после испытания крыльев. Речь была составлена поэтом Переменным под руководством самого Лежачего. Проза там чередовалась со стихами:

Трепеща от радости, хочу выразить свою
благодарность корифею крыловедения това-
рищу Лежачему, а также восемнадцати мо-
им славным соавторам за то, что они твор-
чески переосмыслили мой скромный проект и
подготовили крылья для массового произ-
водства.

Спасибо тебе, о Лежачий,
Спасибо — из сельской глуши!
Трудился ты с полной отдачей —
И крылья твои хороши!..

Вскоре оба сотрудника — секретарша Лежачего Малина Стриптизоявленская и крыловед-эстетик Виктор Площицын — прибыли в районный город, а там на подотчетные деньги наняли легковую машину и под вечер были в Ямшикове. Они зашли к Возможному, и тот согласился ехать. Гости пробыли в доме недолго, они решили ждать Алексея в машине.

Пока Алексей собирался в дорогу, Стриптизоявлен-

ская и Площицын завели разговор о Возможном. Они разговаривали при шофере, которого считали человеком темным, а он все запомнил.

— Даже серванта нет, вы заметили? — сказала Стриптизоявленская. — А еще изобретатель называется!.. А как старуха-то на нас смотрела — вот-вот в глаза плюнет. Не любят здесь культурных людей!

— Да, дико живут, — согласился Площицын. — Книг, правда, у него много, но ведь книги-то нынче недорогие, этим не удивишь. А вот я по двору проходил — заглянул в сарайчик. Думал — гараж, а там корова! Смех! Вместо машины — корова. А еще изобретателем себя считает... А жена у него ничего, красивая.

— Но вы заметили, как она одета? По моде восемнадцатого века!.. И уже ребенка завела. А сам этот Возможный — хам. Когда вы ему сказали, что вы один из его соавторов по крыльям, он и глазом не моргнул. Вот и работай на таких!

— Вообще не понимаю, почему его считают изобретателем, — сказал Площицын. — Совсем мальчишка еще, да и живет в деревне... И какая наглость — отказался произносить благодарственную речь! Что мы теперь Лежачему скажем?

— Хорошо бы нам уехать сейчас вдвоем, — задумчиво молвила Стриптизоявленская. — А в энтээ мы бы сказали, что этот горе-самоучка умер, в связи с чем окончательно утратил творческую инициативу и замкнулся в узком кругу внеслужебных интересов. Правильная формулировка?

— Формулировка-то правильная, но, к сожалению, это невозможно, может шум подняться, — высказался осторожный Площицын. — А что это за птица на заборе сидит? — Он взял свою стильную самшитовую трость, на которой было выжжено: «Люби меня — а я

тебя. Память о Сочи», и вышел из машины. Послышался удар, еще удар. Затем Площицын втащил в машину мертвую сову.

— Охотничий трофей! Ну и глушь здесь — дикие птицы на заборах сидят! Я ее палкой как тресну!..

— Какой вы молодец! Настоящий мужчина! — восхитилась Стриптизоявленская.

— Это вы ручную сову убили, — строго сказал шофер. — Это сова Алексея Потапыча, ее здесь никто не трогал.

— Что же теперь делать? — испуганно протянул Площицын. — Ведь этот самоучка еще с кулаками ползет.

В это время появился Алексей Возможный. В драку он не полез, а молча взял сову и ушел куда-то в темноту. Потом вернулся, сел в машину и всю дорогу молчал.

18. ПАДЕНЬЕ ЛЕЖАЧЕГО

В НТЗ «Гусьлебедь» настал день торжественного испытания опытного образца модернизированных крыльев.

Было солнечное утро. Многочисленные гости сидели во дворе на стульях, вынесенных для этой цели из комнат и залов заведения. Для Лежачего и Алексея Возможного были поставлены широкие кресла, а для восемнадцати соавторов три больших дивана. Двор был радиофицирован, и, чтобы гости, сидевшие в задних рядах, находились в курсе событий, Виктуар Площицын, держа в руке микрофон, рассказывал о ходе подготовки.

На вышке стоял бледный поэт Переменный — ведь по штату он числился крыловедом-испытателем и теперь должен был выполнять свои прямые обязанности.

Однако крыльев пока что не было: поставщики запаздывали. Чтоб отвлечь зрителей от тревожных мыслей, научные работники дважды исполнили песню на слова Переменного: первый раз в быстром темпе, а второй раз — протяжно. Затем выступил сам Лежачий. Он упомянул о том, что еще в древности, у мутных истоков цивилизации, человек мечтал о личном летательном аппарате. И вот теперь, на базе крыльев самоучки Антона Возможного — правда, несовершенных и научно не обоснованных — заведению удалось создать качественную модель крыльев.

Гости не заметили, что он назвал Возможного Антоном, а если кто и заметил, то промолчал.

Когда он закончил речь, во двор въехал грузовик. Он привез правое крыло, выполненное быткомбинатом «Зарница». Вскоре въехал второй грузовик, он доставил левое крыло, произведенное бытпромобъединением «Рассвет». Автокраном крылья подали на вышку, и два сотрудника — крыловед-антиаварийщик и крыловед-эксплуатационник — стали навьючивать их на поэта Переменного. Но какие-то детали, которые должны были совмещаться, не совмещались, так как «Рассвет» и «Зарница» не вполне точно согласовали дырки для болтов. Пришлось вызвать слесаря.

Тем временем подъехал третий грузовик с двигателем для крыльев. Дело в том, что по идее «Гусьлебеда» крылья должны были приводиться в движение не мускульной силой, как в несовершенном проекте Возможного, а мотором. Мотор тоже подняли на вышку.

Наконец поэт-испытатель был подготовлен к полету. Слесарь и оба крыловеда сошли вниз, и Переменный теперь стоял на вышке один. Но он не летел.

Лежачий подозвал Стриптизоявленскую и велел ей подняться к испытателю и узнать, почему он медлит. Та вскоре вернулась и тихо сказала Лежачему: «Он не

хочет лететь без соломы. Пусть, говорит, подстелют внизу, а то не полечу. Так и заявил».

К счастью, недалеко от НТЗ «Гусьлебедь» находилось НТЗ «Сеносолома», и вскоре оттуда было привезено три грузовика соломы, которую и расстелили под вышкой.

Но Переменный все не решался лететь. Он стоял, покраснев от натуги под тяжестью крыльев и вспомогательного оборудования, и уныло глядел вниз.

На поэте-испытателе были совсем не те крылья, которые сконструировал Алексей Возможный. Каждый из восемнадцати соавторов внес свою творческую лепту в их усовершенствование, и в них ничего не осталось от изобретения Возможного.

Да, эти творчески переосмысленные крылья были совсем иными. У Возможного они по форме приближались к лебединым, в новом же варианте они напоминали крылья нетопыря. Возможный смастерил свои крылья из материалов несолидных — из каких-то там деревянных планочек и холста; крылья НТЗ «Гусьлебедь» были сделаны из стали (требование крыловеда-антиаварийщика) и позолочены (требование крыловеда-эстетика). Вспомогательное оборудование у крыльев Возможного было почти невесомо и незаметно; у новой модели к спине готовящегося к полету (в данном случае — к спине Переменного) крепился мощный мотор. От мотора к крыльям для приведения их в движение шли тяги. Так как мотор нуждался в горючем, то был сконструирован десятилитровый бак, находившийся на том месте человека, где спина переходит в ноги. От бака к двигателю тянулся шланг. На пятках испытателя было нечто вроде шпор, соединенных тросами с мотором. Чтобы завести мотор, нужно было дрыгнуть правой ногой, а чтобы выключить его — левой.

Виктуар Площицын, выполнявший роль радиокон-

ментатора, из кожи вон лез, чтобы заполнить все не предусмотренные программой паузы. Он безостановочно говорил, пока прилаживали на Переменном крылья, пока привозили и расстилали солому. Но к концу Виктуар выдохся, начал повторяться, и стало заметно, что он уже не знает, о чем говорить.

Положение становилось двусмысленным. Поэт-испытатель стоял на вышке и не хотел лететь. Он с тоскливой надеждой всматривался в лица приглашенных, ища сочувствия. Наконец его взгляд встретился со взглядом Лежачего, и тот поднял руку на уровень груди и сжал ее в кулак. Тогда Переменный, закрыв глаза, подошел к краю площадочки и дрыгнул правой ногой.

Мотор дико взревел, синие выхлопы дыма и протуберанцы пламени возникли за спиной испытателя. Что-то заскрежетало, захлопало, завывало. Зрителей охватила паника, и они, опрокидывая стулья, кинулись вон со двора. Переменный косо взмыл в воздух, перевернулся на лету и повис в пространстве вниз головой. Затем мотор заглох, и испытатель рухнул на солому, обливаясь кровью и бензином. К нему поспешили немногие не поддавшиеся панике люди, среди которых был и Возможный, и сняли с него летные доспехи. К счастью, поэт отделался ушибами, а кровь текла хоть и обильно, но только из разбитого носа.

На другой день в заведение пришла весть, что скандальной неудачей с крыльями заинтересовались не только в БЭБИ, но и кое-где повыше. А еще через день стало известно, что Лежачий снят, а на его место назначен человек совсем из другого ведомства — известный авиаконструктор Несклонный, причем ему даны весьма широкие полномочия и право действовать через голову БЭБИ.

Еще через день вышел очередной номер многоти-

ражки, в котором крыловеды заведения всячески раз-облачали Лежачего. Так, Стриптизоявленская в своей заметке утверждала, что Лежачий никогда и не был ученым, что он втерся в заведение по блату, а до этого служил помощником затейника на экскурсионном теплоходе, где составлял музыкальные программы.

В этом же номере было помещено новое стихотворение Переменного:

Дух несется коньячий
От тебя за версту,
Ты, товарищ Лежачий,
Разложился в быту!

Ты давно мной опознан
Как погасший маяк,
Прихлебатель обозный,
Крыльев яростный враг.

Ты убог и ничтожен
И в головушке — муть.
Нам с тобой невозможен
Общий правильный путь.

Путь наш — к крыльям и славе,
Ты же — вон со двора!
Сам Несклонный возглавил
Заведенье!.. Ура!

19. СВОДКА

Товарищ Несклонный явился в НТЗ «Гусьлебедь» принимать дела. В тот же день он поехал в гостиницу, где остановился Алексей Возможный. Тот уже укладывал вещи в чемодан, собираясь к отъезду в Ямшиково. Несклонный попросил его повременить с отъездом и повез его, сам ведя машину, в заведение. Здесь по требованию Несклонного были извлечены из архива чертежи крыльев Возможного, а из подвала — сами

крылья. Они сохранили свои летные качества, так как сшитый Катей чехол из непромокаемой ткани предохранил их от сырости.

Взяв эти крылья, оба пошли во двор и стали поочередно летать на них. Крыловеды-соавторы, прильнув к окнам, с удивлением и даже с негодованием смотрели на летающих, считая, что те занялись несерьезным делом.

Крылья Возможного были переданы в производство. Он получил денежную премию. Кроме того, ему предложили научное звание, но от звания он с каким-то провинциальным испугом поспешно отказался и вскоре уехал в свое Ямшиково.

Несклонный наладил производство крыльев, а затем вернулся в свое авиаконструкторское бюро. Последовал приказ о закрытии НТЗ «Гусьлебедь» за ненадобностью.

Здание заведения было передано под детские ясли.

Сначала крылья производились на небольшом предприятии, затем был выстроен крупный крылостроительный завод. В скором времени крылья Возможного завоевали не только наш, но и западный рынок, а затем и весь мир. Они были безотказны в полете и дешевы. Наступила всеобщая крылизация человечества.

Затем интерес к крыльям начал спадать. Это был слишком медленный вид транспорта, он не соответствовал торопливому темпу века. Были изобретены недорогие реактивные аппараты для индивидуального полета, умещавшиеся в портфеле и развивавшие скорость до тысячи километров в час.

В настоящее время у нас на Земле крыльями Возможного пользуются, как уже говорилось, лишь романтически настроенные влюбленные и некоторые пожилые сельские письмоноscopy, не доверяющие реактивной технике.

20. ОКОНЧАНИЕ

Алексей Возможный вернулся в Ямшиково. По случаю его приезда Катя на целый день отпросилась с сельского ветеринарного пункта, где она работала. Она надела старенькую кофточку с пуговками, похожими на леденцы, — Алексею кофточка эта очень нравилась.

— Ну вот ты и победил, — сказала она ему. — Крылья признаны. Ты-то рад?

— Я рад, что вернулся домой, — ответил Алексей. — В городах слишком уж шумно и хлопотно... А как идут дела в моем почтовом отделении? Нет жалоб на плохую доставку писем?

С этого дня Алексей ни разу не заводил разговора о крыльях и не работал ни над каким новым изобретением, хоть по-прежнему выписывал много книг и много читал. Судя по дневниковым записям того времени, изобретением крыльев он считал себя обязанным Кате и той ночи на таежном болоте, которую он провел перед встречей с Катей. Однако пишет он о крыльях крайне редко, и во всех записях сквозит мотив «запоздального стрелка» — то есть убежденность в том, что его крылья появились в мире слишком поздно и не принесли человечеству той пользы, которую могли бы принести, будь они изобретены раньше.

Алексей очень серьезно относился к своей должности начальника почтового отделения и так хорошо поставил дело, что его контора связи не раз получала премии не только районного, но даже и областного масштаба. Когда он по возрасту вышел на пенсию, ему были устроены торжественные проводы, и на них присутствовали не только сослуживцы, а чуть ли не все население Ямшикова.

После ухода с работы Алексей Возможный прожил только пять лет. Он тяготился бездельем. В осеннюю

распутицу, надев плащ и болотные сапоги, не раз являлся он в почтовое отделение и отправлялся оттуда в дальние деревни разносить письма. Ни крыльями, ни новыми реактивными летательными аппаратами он не пользовался, предпочитая ходить пешком.

Во время одного из таких пеших походов он простудился и слег. Были вызваны очень хорошие врачи, но они ничего не могли поделать. Две недели больной лежал без сознания, но однажды вечером очнулся, и Катя удивилась, какие у него ясные глаза. Казалось, он выздоравливает.

— Я сейчас видел лебедя, — сказал он Кате. — Лебедь кружит над нашим домом... Пойди помаши ему рукой, я этого не могу сделать.

Чтобы не огорчать больного, Катя вышла во двор. Распутица к тому времени уже кончилась, гудела пурга. Снежные вихри взмывали, и колыхались, и опалили над крышей, как будто там кто-то хотел построить белый шатер и никак не мог. Сквозь слезы Кате вдруг показалось, что и в самом деле над домом кружится большая белая птица. Катя помахала ей рукой. Птица сделала еще один круг — и вдруг метнулась в темноту и пропала.

Катя вошла в сени, подошла к рукомойнику и долго мыла глаза холодной водой, чтобы Алексей не узнал, что она плакала. Потом вернулась в комнату и сказала:

— Да, летала белая птица. Кажется, это был лебедь. Но не к плохому ли это?

— Это не к плохому и не к хорошему, — ответил Алексей. — Нам пора прощаться.

Катя села возле Алексея на табуретку и взяла его за руку.

— Ты что-нибудь видишь? — спросила она.

— Вот иду по лесной дороге, и передо мной ле-

тит сокол, а сова сидит на моем плече. Начинает темнеть.

— Но куда ты идешь?

— Похоже, что это дорога в Дальние Омшары.

— Тебе трудно? — спросила Катя.

— Очень быстро темнеет. И сокол улетел от меня.

— Отчего ты вздрогнул?

— Это сова сорвалась с моего плеча. Вот она летит впереди и указывает дорогу.

Потом он долго молчал.

— Ты меня слышишь? — спросила Катя.

— Да, слышу.

— Как у тебя там?

— Совсем стемнело. Но сова еще летит впереди меня.

Алексей Возможный похоронен на тихом сельском погосте в двух километрах от села Ямщикова (ныне Возможное). Катя пережила его на две недели. Их могилы расположены рядом, под общей плитой из местного серого песчаника. На плите выбито изображение крыльев, а под крыльями стихотворение здешнего провинциального поэта:

Другая с другим по тропинке другой
Навстречу рассвету идут.
В зеленой тиши, за листвою тугой
Другие им птицы поют.

Мы спим, не считая веков и минут,
Над нами не будет суда.
Дремотные травы над нами встают,
Над нами гудят города.

Но в давние годы весенний рассвет
Мы тоже встречали вдвоем,
И пусть для иных в этом логики нет,
Но мы никогда не умрем.

Возле могилы, на невысоком столбе, сделана кормушка для птиц. Ребята и даже взрослые жители села регулярно пополняют ее кормом, и птиц здесь всегда много — в особенности зимой, в пору морозов. Летом на могиле всегда можно видеть венки и букеты лесных цветов.

21. СПРАВКА

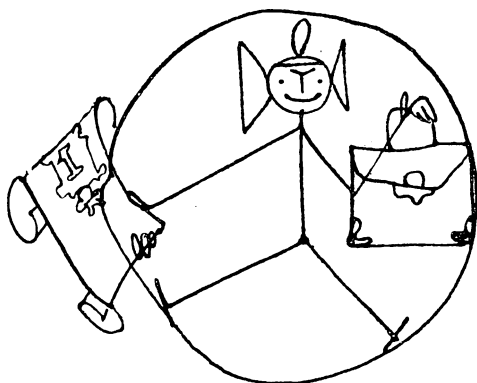
Первые цветы, сорванные на другой планете и доставленные на Землю, были возложены на могилу А. Возможного и его жены.

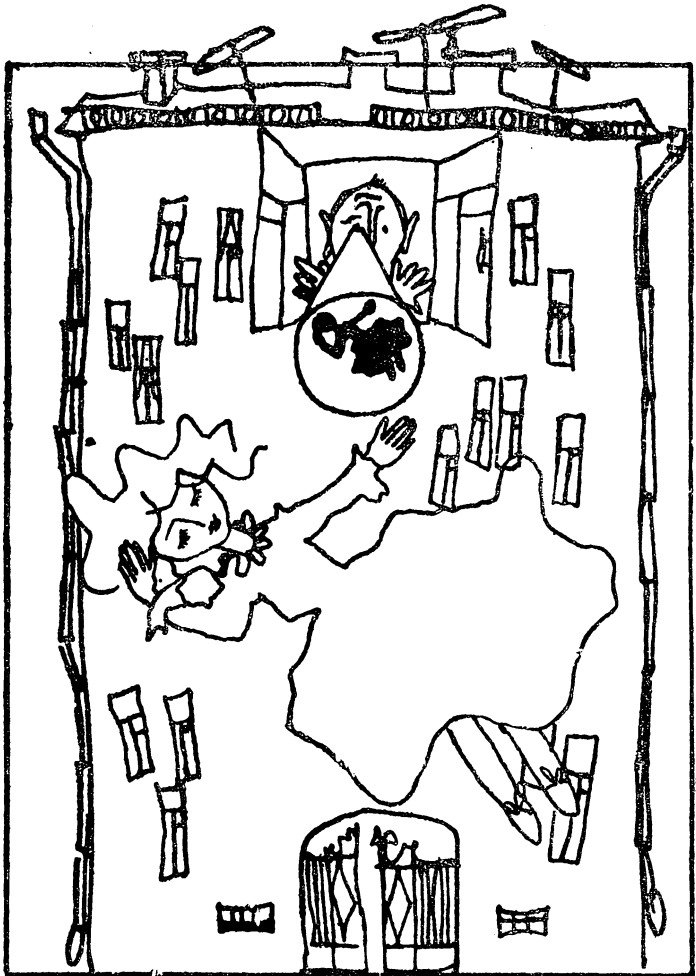
Это произошло через семнадцать лет после их смерти, когда вернулась комплексная космическая экспедиция, высадившаяся на Венере и положившая начало исследованию и заселению этой планеты. Выяснилось, что в условиях венерианской природы крылья Возможного являются наиболее верным и безопасным видом индивидуального транспорта.

В настоящее время крылья на Венере стали наиболее распространенным средством передвижения, в связи с чем спрос на них непрерывно увеличивается.

КРУГЛАЯ ТАЙНА

ПОЛУВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

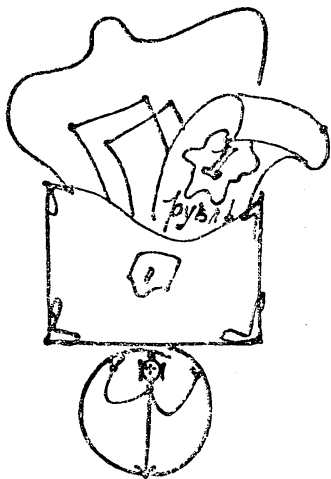

ВЗАИМЫ У СУДЬБЫ

В этот июньский день Ю. Лесовалов стоял под придорожной сосной, укрываясь от ливня и поджидая загородный автобус. Шоссе здесь шло под уклон, и по асфальту бежал плоский поток, густо неся лесной сор — мелкие веточки, чешуйки шишек, желтые хвойные иглы. Казалось, все шоссе движется, как конвейерная лента. А наверху шло деловое новоселье лета. Там спешно мыли стекла, проливая на землю потоки воды; там с грохотом передвигали невидимую людям мебель; там стопудовым молотом вбивали в незримую стену незримые гвозди; там, завершая строительные недоделки, свехурочно работали небесные электросварщики. Небо ходило ходуном, гремело, полыхало.

Во время грозы стоять под деревьями опасно, но Ю. Лесовалов не думал об этом. Он размышлял о том, как бы получше написать очерк и как бы поинтереснее его озаглавить: «Так поступают честные люди» или: «Иначе он поступить не мог». А если так: «Благородный возвращатель»? Это уже неплохо!

Дело в том, что недавно в редакцию пришло письмо, где довольно бессвязно сообщалось, что ночной сторож одного ленинградского клуба, обходя помещение, обнаружил забытый портфель, в котором находилось 10 тысяч рублей. Деньги, как выяснилось в дальнейшем, бы-

ли забыты в кинозале кассиром Перичко Д. М. Кассир спохватился только на следующее утро и кинулся в клуб, где застал сторожа Н. Лесовалова, сообщившего ему, что обнаруженная находка сдана им в ближайшее отделение Госбанка в целости и сохранности. Письмо было написано и подписано Бакшеевой М. И., делопроизводителем клуба.

Завотделом Савейков решил послать на место происшествия начинающего журналиста Ю. Лесовалова, чтобы тот дал материал о честном ночном стороже. «Тем более он ваш однофамилец, — добавил Савейков. — Это даже интересно: Лесовалов о Лесовалове».

— Только не Лесовалов о Лесовалове, а Анаконда о Лесовалове, — решительно поправил его Юрий. Ему не очень нравилась его фамилия, и он избрал себе творческий псевдоним. Впрочем, статей и заметок под этой экзотической подписью в газете еще не появлялось: все материалы, которые сдавал Юрий, были слабы. Подозревали, что у него нет таланта. И это задание было решающим. Если очерк будет так же плох, как и предыдущие, Ю. Лесовалова отчислят.

На следующий день Анаконда (будем иногда называть его так, раз ему этого хочется) направился в клуб. Здесь он собрал некоторые сведения о Н. И. Лесовалове. Оказывается, за сторожем водились грешки. Выпивает. Иногда даже грубит начальству. Что касается найденного портфеля, то это да, это было. Но ведь это, так сказать, входит в его обязанности. В прошлом году он же, Лесовалов, нашел в зале дамскую сумочку с 58 рублями и тоже вернул по принадлежности.

Самого сторожа Анаконда в клубе не застал и не только потому, что явился туда в дневное время, но и потому, что сторож, оказывается, третьего дня уехал в деревню Гнездово, в тридцати километрах от города: у него начался отпуск. Узнав точный адрес Н. Ле-

совалова, Юрий сразу же отправился на автобусный вокзал и вскоре прибыл в Гнездово.

Сторож Н. Лесовалов поселился у родственников, в дощатой пристройке. На стук открыла его жена, пожилая женщина в поношенном и не по возрасту пестром платье. Она попросила Юрия немного обождать — муж ее спал. Оказывается, вчера у него был гость. Кассир Перичко, получив утерянный портфель и раздав зарплату, вскоре приехал благодарить Н. Лесовалова за возвращение находки. Торт «Север» привез и три пачки кофе натурального. «Ну мой-то, понятно, обиделся — ему не того надо. А тот моему говорит: «Сам после этого рокового случая водки в рот не возьму и других буду против нее настраивать». Дошло до сознания, видать», — закончила она свою речь и пошла будить мужа.

Наконец из пристройки вышел высокий старик. Он был мрачен — то ли из-за торта, то ли вообще по характеру. Известие о том, что Юрий хочет писать о нем, старик принял без должной радости.

— А звать-то вас как? — хмуро спросил он.

— Юрий Лесовалов... Но вообще-то я Анаконда.

— Что? — угрюмо переспросил старик. — Почему она конда?

— Анаконда — змея такая. Обитает в бассейне реки Амазонки, отдельные экземпляры достигают пятнадцати метров длины.

— Зачем же змеей себя прозывать? — бестактно поинтересовался сторож.

— Это мой творческий псевдоним, он звучит мужественно и романтично, — терпеливо пояснил Юрий, раскрывая блокнот. — Расскажите мне своими словами, что натолкнуло вас на благородный поступок.

— А ничего не толкало, — равнодушно ответил старик.

— Но тогда вы, может быть, расскажете, как было дело?

— Ночью, значит, сижу в вестибюле. Вдруг почудилось, будто дымом потянуло. Ну решил в кинозал зайти. Уборщица Людка ленивая, она должна после последнего сеанса убирать, а она ушла рано, сказала, что с утра уберет. А там в заднем ряду ребята иногда курят — известно, шпана. Думаю, не заронили ли окурка. Ну вошел в зал — все вроде в порядке. Потом иду проходом — вижу, в последнем ряду из-под кресла блестит что-то. Ну, я туда. А там поллитровка стоит, на дне еще граммов пятьдесят водки осталось, а то и шестьдесят. Потом разгляделся — вижу рядом этот самый портфель лежит. Ну я, понятно, эти пятьдесят или там шестьдесят грамм допил, не пропадать же добру. Ну а бутылку — в карман. Двенадцать копеек тоже на улице не валяются...

— А портфель, портфель?

— Ну, портфель я, значит, открыл. Вижу — деньги там и бумаги какие-то, накладные. Пошел в вестибюль, оттуда в милицию позвонил. А там дежурный говорит: «Раз есть документы при деньгах, вы лучше отнесите утром в отделение Госбанка». Ну, утром отнес, сдал под расписку.

— А какие мысли пронеслись в этот момент в вашем сознании и подсознании?

— Ничего не пронеслось, я спать сильно хотел.

Немного удалось выкачать из старика. И теперь Анаконда стоял и думал о том, как из того немногого, что он узнал, составить яркий, полнокровный очерк.

Гроза кончилась. Так как автобус все не показывался, Юрий решил пройти пешком до следующей остановки. Асфальт был еще влажен, но поток воды уже схлынул с него. Дышалось легко. Мир был заново вымыт и провентилирован. В уме Юрия, в такт шагам,

уже начал складываться костяк будущего очерка. Смушали только моральные изъяны старика: мрачность характера, недостаточная интеллектуальность, мелочность («...двенадцать копеек на земле не валяются»), невнимание к представителю прессы... Придется многое домыслить и творчески переосмыслить, чтобы создать подновесный образ благородного возвращателя.

Вдруг Анаконда остановился.

В двух шагах от обочины лежал коричневый портфель. Это был новый портфель среднего качества. Такой мог принадлежать и школьнику-старшекласснику, и студенту, и даже инженеру. Набит он был неплотно и выглядел бы совсем плоским, если бы не выпуклость в левом нижнем углу: там, по-видимому, находился какой-то предмет. Поверхность портфеля была сухая. Кто-то уронил его совсем недавно, уже после ливня, хотя никто вроде бы за это время по шоссе не проходил и не проезжал.

Оглянувшись по сторонам, Анаконда нагнулся и поднял портфель. Он оказался удивительно тяжелым. «А вдруг там золото?» — мелькнуло у Юрия.

Он еще раз оглянулся по сторонам и, торопливо покинув дорогу, вошел в лес. Сырой мох чвякал под ногами. Горошины влаги, наколотые на кончики сосновых игл, будто подмигивали. Казалось, лес во все глаза смотрит на Юрия. Птицы, молчавшие во время грозы, теперь пели пугающе громко.

Наконец он нашел пень, окруженный со всех сторон молодыми сосенками. Сел. Открыл замочек. В портфеле было два отделения. В одном лежал большой зеленоватый конверт, в другом — темный шар, размером чуть побольше бильярдного. Юрий взял шар и сразу же положил его обратно. Он был удивительно холодный и тяжелый. Потом вынул конверт. В верхней его части был оттиснут гриф какого-то учреждения с длин-

ным и трудночитаемым названием, ниже шел мелкий печатный текст. Посредине конверта крупно и небрежно было написано карандашом: «10 000 р.». Неужели там действительно деньги?

Анаконда надорвал конверт сбоку. На руку его вывалилась пачка десятирублевков в полосатой банковской упаковке — 10×100. Потом пачка пятидесятирублевков (50×100). Потом опять пачка десятирублевков... Всего денег оказалось 10 тысяч, как и было написано. Юрий застыл в раздумье. В нем совместились две абсолютно противоположные и абсолютно одновременные мысли:

«Эти деньги надо обязательно отнести в банк». совсем не обязательно относить

Он закурил сигарету, затянулся и тихо сказал молодой сосенке, росшей возле пня: «Другой бы нашел и тоже, может быть, еще подумал бы: возвращать или нет?»

После грозы наступило безветрие, сосенка стояла не шевелясь и помалкивала. Дым запутался в ветке, наклоненной над конвертом, иглы словно помутнели, расплылись. Несколько капелек тихо упали на зеленоватую бумагу. С шоссе донесся негромкий шум — шла легковая машина. Может, с нее и обронили, а теперь ищут. Но машина прошла, с дороги больше ни звука не доносилось. Мысли Юрия текли торопливо и сбивчиво:

«Старику легко сдавать деньги... Это будет гвоздевой материал. У него нет никаких культурных запросов... только подумать, как все удивятся... Старику ничего не стоило сдать деньги в банк... это будет сенсация: молодой журналист, только что взявший интервью на такую же тему... А мне эти деньги действительно нужны... тоже находит портфель с деньгами и честно относит... Они послужат мне материальной базой...»

в банк, нет, прежде в редакцию, и все поздра... *Но о деньгах знаю только я...* вляют с удачей и творческим успе... *Я могу думать сам для себя: я эти деньги выиграл...*»

Он запихал пачки обратно в конверт и положил его на колени тыльной стороной вверх, чтобы не прочесть случайно грифа с названием учреждения. («Если прочту — буду знать, чьи деньги, и, значит, это будет как бы кража; если не прочту — не буду знать, откуда деньги, и это будет просто безымянная находка.») Потом снова закурил, бросил недокуренную сигарету, опять вытащил деньги из конверта, поглядел на них. Потом встал и принялся рассовывать пачки по карманам. Пиджак сразу стал теснее, он теперь плотно, как резиновая надувная спасательная куртка, прилегал к телу. Анаконда сложил конверт и сунул его в задний карман брюк. Теперь надо избавиться от портфеля, забросить его куда-нибудь, где бы никто никогда его не увидел. На шоссе лучше не возвращаться, надо выйти лесом на другую дорогу.

— Но я не навсегда беру эти десять тысяч! — решительно сказал он сам себе. — Я беру их в долг у судьбы. Когда-нибудь я буду хорошо зарабатывать и тогда прочту то, что написано на конверте, узнаю, кому эти деньги принадлежат, и верну их. Я снесу их в Госбанк и скажу: «Примите сумму от неизвестного...»

Он стал углубляться в лес, стараясь идти по прямой. Но вскоре пришлось свернуть: помешала колючая проволока. Темная, словно разбухшая от ржавчины, она висела на полусгнивших кольях, спиралью вилась по земле. Юрий свернул направо и вышел к траншее. На бруствере ее росли осинки. На дне, поросшем длинной травой, стояла холодная прозрачная вода. «Вот сюда и зашвырну этот портфель», — подумал Анаконда. Но не зашвырнул, передумал: «Другое место найду.

Как-то нехорошо бросать его сюда...»

Он торопливо пошел дальше, все ускоряя шаг. Начались низина, кочки, хилые болотные березки. Показалось маленькое озерцо с рыжей торфянистой водой. Он пошел вдоль топкого болота. «Портфель сразу потонет из-за этого тяжеленного шара, что в нем лежит, — размышлял он. — Хоть какая-то польза от этого дурацкого шара».

Он раскачал портфель и бросил его в озерко. Тот, описав параболу, тяжело ударился о воду и ушел в глубину. По озерцу побежали круги, всплыли со дна пузыри и полопались, потом все успокоилось. Теперь никто ничего никогда не узнает.

ЯВЛЕНИЕ ШАРА

Изрядно проплутав по топкой низине, Юрий наконец отыскал хорошо утоптанную лесную дорожку. Она, видно, вела к проезжей дороге. Юрий шагал торопливо.

Уже вечерело. Ему было холодно, на болоте он промочил ноги. Ботинки теперь никуда не годились. «Не беда, — размышлял он, — завтра же куплю новые и вообще приступлю к серьезным покупкам. Обязательно — хороший костюм, потом — магнитофон, потом...» Тут он услышал за своей спиной шорох и оглянулся на ходу.

По дорожке за ним катился шар. Темный шар, размером чуть побольше бильярдного.

Анаконда остановился. И шар тоже остановился шагах в трех от него. Анаконде стало не по себе. «Тот я забросил в озерцо вместе с портфелем, тот утонул по всем законам физики», — сказал он и, подойдя к шару, нагнулся и взял в руку. Шар был тот же самый! Очень тяжелый, очень холодный... Юрий вспомнил, как спортсмены толкают ядро, изо всех сил метнул его в мох и быстро зашагал дальше.

Впереди был овражек с мостиком через ручей. «На-

до скорей перейти этот мостик», — сказал себе Юрий и оглянулся.

Шар двигался за ним по дорожке. «Какой упрямый! — мелькнуло у Юрия. — Прямо Константин!» (Константин — это был такой один мальчишка с их двора. Все ребята его дразнили: «Костя, Костя, Константин, играть с Костей не хотим!» — а он бегал за ними — бритый, круглоголовый, неотвязный, удивительно неутомимый. Теперь он боксер в весе пера.)

Да, шар катился за Юрием по дорожке.

— Ну так дело не пойдет! — крикнул Анаконда и бросился к шару. Схватив его, он добежал до мостика — двух бревен, перекинутых через ручей, — и кинул в воду, в темный омут. Шар скрылся в глубине. — Там тебе и место!

Юрий сделал два шага, оглянулся и увидел: шар всплыл и катится к нему по поверхности воды, против течения.

Тогда Юрий бросился со всех ног. Взяв шар, он опять оглянулся. Константин (будем так иногда называть шар для разнообразия, чтобы не утомлять читателя частым повторением слова «шар») без усилий вкатывался за ним по наклонной плоскости. Анаконда кинулся в лес и стал петлять между стволами, чтобы сбить шар со следа. Но вскоре обнаружил, что тот теперь движется по воздуху, на уровне его головы. Константин перемещался в пространстве, выбирая в просветах между стволов кратчайшие прямые. Движения его не походили на полет: это были как бы беззвучные броски по горизонтали. Порой он менял направление под прямым углом, действуя вне закона инерции. Он ни разу не задел ни одной ветки у живых деревьев, но когда на его пути встала сухостойная сосна, он, не замедляя ходу, беззвучно прошел сквозь ее ствол, и там осталось правильное круглое отверстие.

Анаконда выбежал на полянку, где догорал костер. Очевидно, недавно, уже после ливня, здесь отдыхали городские охотники, эти отважные борцы со всеми живыми беззащитными тварями. Юрий сел на песок, чтобы отдышаться. Константин застыл в воздухе в трех шагах от него: он висел над землей неподвижно, будто покоясь на незримом хрустальном столбе.

У Анаконды возникла одна идея. Он пошел в лес собирать валежник. Шар, не снижаясь, последовал за ним. Набрав большое беремя хвороста, Юрий бросил его в костер, и тот разгорелся, взметнул высокое пламя. Тогда, подойдя к висящему в воздухе шару, Анаконда нажал на него рукой, чтобы подтолкнуть к огню. Но Константин не поддался. Анаконда жал на него изо всех сил, но шар висел, будто накрепко впаянный в пространство. Юрий в изнеможении сел на пенек, огорченно уставился в землю. И вдруг шар, будто угадав, чего от него хотят, снизился и добровольно вкатился в костер, в самую сердцевину, под горящие сучья.

— Туда тебе и дорога! — с облегчением сказал Анаконда.

Закурив, он протянул ноги к огню. От сырых ботинок пошел пар, ногам стало тепло. В мире стояла тишина, птицы уже улеглись спать. Вечерняя синева тянулась из лесу на поляну и смешивалась с дымом костра. Костер горел ярко и дымно. «У шара, верно, все механизмы от жара уже полопались, скоро можно и идти, — размышлял Юрий. — Но до чего нынче у нас всякая техника дошла, такой шар сконструировать! Умные какие-то головы думали, да чего-то не додумали: сам, дурак, в огонь вкатился... Ну, теперь можно идти. Надо бы только костер загасить. Сейчас наломаю веток и собью огонь».

Анаконда встал, сделал два шага. Вдруг горящие ветви в костре зашевелились, и Константин всплыл из

огня, повис над красными лохмотьями пламени. Юрий, поплевав на пальцы, коснулся шара... Такой же холодный, как до костра! «Может, я с ума сошел? — подумал Анаконда. — Но только какие к тому предпосылки? Ведь я ни о каких шарах никогда не задумывался. И вообще ничем круглым никогда не интересовался, даже за круглыми пятерками не гнался. Когда глобус проходили — географ мне двойку влепил. И в футбол я не играю, и в баскетбол не играю. А что шариковой ручкой пользуюсь, такими все теперь пишу...»

Прервав его размышления, из шара, как струя воды из брандспойта — только совсем беззвучно — ударил круглый, лимонно-желтый луч света. Шар направил его на костер — и тот сразу погас, почернел, ни единого красного уголька не осталось. В тот же миг погас и лимонно-желтый луч. И хоть стояла пора белых ночей, но здесь, в лесу, сразу стало темновато. Анаконда растерянно стоял среди поляны, не зная, в какую сторону ему идти.

Внезапно шар метнулся в воздухе туда-сюда, будто желая привлечь к себе внимание. Из него устремился вниз конус синеватого света. Потом он плавно двинулся вперед, и Юрий пошел за ним. Трава и мох, которых коснулся луч, не сразу исчезали в темноте; они продолжали светиться некоторое время после того, как шар уже миновал их. Анаконда шел как бы по светящейся тропинке. Она неспешно гасла за его спиной. «Шар меня преследует, но он же и помогает мне, — размышлял Юрий на ходу. — Он вроде бы взял шефство надо мной... Но, может быть, в этом-то и есть самое плохое?»

Константин вывел его на шоссе и сразу погас. Справа за дюнами шумело море, впереди виднелась бетонная будочка — автобусная остановка. Возле нее стояло несколько человек.

«Раз от него никак нельзя избавиться, то надо обязательно спрятать его, чтобы люди не видели», — подумал Юрий. Сняв берет, он подошел к шару, чтобы взять его. Тот спокойно улегся в берет. Но нести было трудновато, это был очень тяжелый шар.

А спросят: «Чего это у тебя там?» — скажу: «Это я камень интересный нашел...»

А если попросят показать?..

Но никто из пассажиров ничего не спросил.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Уже за полночь поднялся Анаконда на свой шестой этаж. По причине позднего часа дверь квартиры была закрыта на цепочку, пришлось звонить. Открыл Вавилон Викторович, самый позднолежащий жилец квартиры. На Вавике (так заглазно звали его соседи) голубела пляжная пижама, грудь украшал большой морской бинокль, висящий на лакированном ремешке.

— А это что? — торопливо спросил он Юрия, взглянув на берет. — Ежа отловили?

— Нет, это не еж... Так, ерунда... — смущенно проворкотал Юрий.

Но Вавик уже забыл, о чем спрашивал. Он поспешно направился к двери своей комнаты, которая находилась рядом с комнатой Юрия.

— Анжелика прическу новую сделала, — озабоченно бросил он на ходу. — Может, зайдете, Юра? Одолжу цейс на три минуты.

— Вавилон Викторович! Я считаю аморальным подглядывать за девушками! — привычно-негодующим тоном заявил Анаконда, взяв ключом.

— Я же их не трогаю! — уже из-за двери произнес Вавик: — Не мешайте мне жить в мире прекрасного!

Анаконда вошел в свою комнату и положил берет

с шаром на стул. Потом включил свет и закрыл дверь на задвижку. Надо куда-то спрятать деньги. Обстановка десятиметровой комнатки не изобиловала тайниками. Имелась кровать металлическая, старинная этажерка, желтый крашенный шкаф, два стула и современный письменный стол. Все, кроме письменного стола, досталось Юрию в наследство от тетки, которая воспитывала его. Она умерла в позапрошлом году. Родителей Юрий не помнил.

«Пока спрячу деньги под изголовье, — решил Анаконда и, пересчитав пачки, положил их на панцирную сетку, приподняв матрас. — Только подумать, какой я теперь богатый человек!.. И главное, никто не знает...»

Услыхав негромкое паденье чего-то, он оглянулся. Это берет упал со стула. Шар висел в воздухе в трех шагах от Юрия, на уровне его глаз.

«Деньги деньгами, а вот это бесплатное приложение мне не очень-то нравится, — промелькнула мысль. — Но, если здраво рассуждать, вреда от него нет. Надо только, чтобы никто, кроме меня, его не видел».

Шар безмолвно висел среди комнаты. В квартире все спали. Только из-за стены слышен был голос Вавика:

Шимми папуасы танцевали,
Шимми неприличным называли,
А теперь танцует шимми целый мир!

В часы хорошего настроения он часто напевал эту песенку.

Вавилон Викторович был начинающий пенсионер, ему шел шестьдесят второй год. В квартиру он въехал в результате обмена полтора года тому назад. Он не пил, не играл в домино, но у него было странное хобби. По вечерам, выключив свет в своей комнате, ча-

сами просиживал он с биноклем у окна. Перед домом находился большой квадратный сквер, а за ним, уже на другой улице, высокое семиэтажное здание. В двух верхних (по четырнадцати окон в каждом) этажах этого здания жили студентки санитарно-экономического техникума. Уверенные в своей визуальной недосыгаемости, они редко задергивали занавески, и Вавилон Викторovich с помощью оптики имел возможность вникать в их быт. Всех девушек он давно знал в лицо, и для каждой придумал звучное имя. Там, в скромных четырехкоечных комнатках, жили Одетты, Хабанеры, Травинаты, Аиды. Соседи по коммунальной квартире догадывались о вечерних наблюдениях Вавика и относились к ним отрицательно. Но дело это труднодоказуемое и почти ненаказуемое. Когда Вавилону Викторovichу намекали на то, что поступает он не совсем хорошо, он отвечал:

— У меня нет средств на покупку телевизора. Это общежитие напротив — мой телевизор в двадцать восемь экранов. Девушкам я ничего плохого не делаю! Я не смотрю на них, когда они в дезабелье, я честно отвертываюсь! Я люблю их отечески, оптически и платонически!

Юрий вдруг почувствовал, что очень голоден. Еще бы, столько часов провел в лесу и ничего не ел! Взяв с подоконника чайник, он направился на кухню. Шар поплыл сзади. Пришлось пропустить его в дверь. Юрий тихо прошел коридором, вошел в кухню, зажег газ. Шар был тут, он не отставал. Сопровождаемый им, Анаконда сходил в ванную, умылся, потом вернулся к плите. Чайник уже шумел.

Вдруг из коридора послышались тихие шаги. Видно, Вавилон Викторovich покинул свой наблюдатель-

ный пост и решил перекусить. Сейчас он войдет сюда и увидит Константина!.. Что делать?! Юрий открыл дверцу газовой плиты и втокнул шар в холодную духовку. И как раз вовремя. Вошел Вавик.

— Тоже чайком решили побаловаться? — спросил он, зажигая конфорку. — А булки не успели небось купить... Идемте ко мне, я вам одолжу, как ассистент ассистенту, — это выражение означало в устах Вавилона Викторовича наивысшую и наиболее благороднейшую форму человеческих отношений.

Он вышел из кухни. Юрий пошел за ним. В комнате Вавилона Викторовича пахло трубочным табаком и хорошим туалетным мылом. Окно было открыто. Внизу, в сквере, поблескивая молодой листвой, тихо стояли деревья. Вдали, над деревьями, через сквер виднелись окна общежития. Почти все они были уже темны.

— Вот, берите булку, — сказал Вавик. — Со мной не пропадете... А это что такое? Вот так-так! Это ваш? Константин висел в воздухе в трех шагах от Юрия.

— Да, это мой...

Вавилон Викторович взял шар в руку. Тот дался без сопротивления. Потом Вавик отпустил его, и шар повис в прежнем положении.

— Какой тяжелый и холодный! — сказал Вавик. — И притом не падает... Как умопомрачительно прогрессирует прогресс! Электрички, синтетические ткани, размножение атома, транзисторы... Шарик этот вы не в Гостином дворе приобрели?

— Нет... Мне его подарили... Я прошу вас...

Но Вавилон Викторович уже не слушал. Заметив, что одно из окон в общежитии зажглось, он метнулся к торшеру, выключил свет и теперь, вскинув бинокль, стоял у своего окна, зорко вглядываясь вдаль, как капитан на мостике корабля.

— Аделаида домой наконец явилась, — объявил

он. — Видно, со свидания только что пришла, в такую позднь. Трудно мне с вами, девушки, болею душой за ваш моральный уровень!.. А Леонковалла все у окна сидит, читает...

— Это композитор был такой, Леонковалло, — несмело уточнил Юрий. — Женского имени нет такого.

— А вот есть! В мире прекрасного свои законы, — отпарировал Вавик. — Вы поглядите, поглядите на нее! — Он сунул цейс в руки Юрию.

Анаконда, боясь рассердить Вавилона Викторовича, ибо теперь кое в чем зависел от него, поднес к глазам бинокль. Там, очень далеко и в то же время очень близко, за столиком возле окна сидела белокурая девушка в голубой кофточке. Окуляры обвели ее лицо тончайшей радужной каймой, как бы нимбом. Девушка что-то читала. Лицо ее было задумчиво.

— Славная девушка, — сказал Анаконда. — Очень симпатичная.

— Я же говорю: чистая Леонковалла, — подтвердил Вавик. — Жемчужина общежития! И притом безупречного поведения. Другие по танцулькам шастают, а она все книги читает. Маленькие такие книжечки.

— Может, стихи?

— Не знаю. Текста бинокль не берет. Давно уж надо мне технику посильнее... Тут один человек подозрную трубу продает. Трофейная, с немецкой сумбарины. Да вот с материальными средствами у меня туго... А чайник-то, наверно, вскипел уже!

— Вавилон Викторович, у меня к вам просьбочка, — торопливо сказал Анаконда. — Очень прошу вас никому не говорить об этом шаре.

— О шаре!.. Буду нем как рыба или даже как могила. Но и вы сделайте одно благородное дело. Одолжите мне на эту самую подозрную трубу. Требуется восемьдесят пять дублонов, как говорили древние греки.

— Хорошо, — ответил Юрий. — Я вам одолжу.

Вавилон Викторович пошел к двери, за ним двинулся Анаконда, сопровождаемый Константином. Вдруг Вавик сказал удивленно:

— А это что такое? Дыра в двери! Хотел бы я знать, чье это самоуправство!

Действительно, в филенке виднелась дыра, абсолютно круглая, с ровными краями. Никаких опилок. Никаких отходов производства на полу не валялось.

— Это шар дыру проделал, — дрожащим голосом объяснил Юрий. — Когда мы вошли сюда, то сразу же закрыли дверь за собой, а он всюду за мной летает.

— Ладно, я завтра рано утром эту дыру фанеркой залатаю. Все будет шито-крыто... А пиастры, как их называли древние римляне, вы сегодня мне сможете дать?

— Да.

В кухне обнаружилась еще одна проделка Константина. В дверце духовки зияла круглая дыра. Константин без труда прошел сквозь два железных листа, из которых она была склепана. Края дыры — абсолютно ровные, без заусениц и наплавов.

— Ловко ваш шарик действует, — сказал Вавилон Викторович. — Ну ничего, у меня один знакомый есть, он эту дверцу заменит... Кстати, у этого человека имеется продажное зубоврачебное кресло, давно я о таком мечтал. И просит он за него всего шестьдесят пять...

— Но зачем вам оно? — удивился Анаконда. — Вы ведь не зубной врач.

— Конечно, я не зубной врач, — охотно согласился Вавик. — Но у кресла подлокотники очень удобные, и притом наклон головы можно регулировать, чтобы шея не уставала. Из такого кресла наблюдать очень уютно, и я буду меньше выходить из комнаты, и, значит, меньше шансов будет, что я кому-нибудь случайно проговорюсь насчет шарика.

ВЕРХОВНЫЙ СДАВАТЕЛЬ БУТЫЛОК

Когда наконец Юрий улегся в постель, он мгновенно стал подданным автономного государства снов, где не было никаких денег и никаких Константинов. Проснулся он после полудня — так намаялся за вчерашний день. В трех шагах от его изголовья, на уровне глаз, висел в воздухе темный шар.

«А деньги?! — встрепенулся Юрий. — Вдруг они только почудились? Шар есть, а денег нет?!» Он вскочил с кровати, приподнял матрас. Пачки лежали как миленькие. Одна была чуть потоньше других — из нее он вчера вытащил пятнадцать десяток для Вавика.

Перед тем как идти в булочную, он обернул шар газетой и сунул его в продуктовую сеточку. Константин не оказал никакого сопротивления. «Не так уж плохо дело, — подумал Юрий. — Константину нужно находиться все время около меня, но в каком положении и в какой упаковке — это ему все равно. Он совсем не стремится к саморекламе. Что ж, ночью буду выпускать его, а днем носить с собой, только и всего. Правда, тяжеловат он, но тут уж ничего не поделаешь».

Проходя мимо двери Вавика, Юрий с удовлетворением отметил, что отверстие аккуратно заделано фанеркой, и фанерка покрашена цинковыми белилами. А когда пришел на кухню, то сразу бросил взгляд на дверцу газовой плиты. Она была новая, без всякой дыры. Вавилон Викторович сдержал свое слово. «Все-таки совесть у него есть, — подумал Анаконда. — Правда, совесть дорогая, она мне обошлась в 150 р. 00 к., но лучше уж такая, чем никакой».

Наконец, позавтракав и тщательно заперев дверь своей комнаты, Юрий отправился в Гостиный двор делать покупки. Когда он подъезжал к универмагу на такси, у него мелькнула мысль, что хорошо бы, расплатив-

шись с шофером, быстро захлопнуть за собой дверцу машины, а шар в сеточке оставить на сиденье. Но он быстро отсеял это искушение. С Константином шутки плохи: возьмет да и пробьет собой дверцу «Волги», будет скандал. Лучше уж с ним не ссориться.

Войдя в Гостиный двор, Анаконда первым делом купил сумку — помесь рюкзака с авоськой; такую можно носить и в руках и за спиной. Положив сеточку с Константином в эту удобную сумку, Юрий приступил к дальнейшим приобретениям. Больших денег у него никогда не водилось до этого случая, и поэтому он решил вначале потренироваться на легких мелких тратах, а потом уже покупать дорогие вещи. Для разгона купил подстаканник, портсигар металлический с изображением Петропавловского шпиля, пластмассового пингвина, носки, рожок для надевания ботинок, сахарницу из оргстекла, электрический фонарик, зажигалку с газовым баллончиком, вечный календарь, фарфоровую лисицу и настольный термометр. Потом пошел по второму кругу: купил хорошие ботинки за 35 р., четыре рубашки, джемпер в подарок Кире (45 р.), джемпер себе за 37 р., костюм за 178 р., фотоаппарат «Киев». «На сегодня хватит, — решил он. — Завтра продолжу это приятное занятие, а сейчас перекушу где-нибудь на Невском, а затем поеду домой».

Обремененный покупками, вышел Анаконда из универмага. Вскоре, сидя за столиком, он с удовольствием ел бутерброд с копченой колбасой, запивая его кофе. Вдруг кто-то пропитым, но громким голосом произнес над самым его ухом:

Живи, дитя природы,
Будь весел и здоров,
И кушай бутерброды
На грани двух миров.

Юрий вздрогнул и поднял глаза. Перед ним стоял молодой человек с припухлым лицом. В руке он держал сеточку, набитую пустой винной посудой.

— Зазнался, Юрка, не узнаешь школьного товарища! — воскликнул незнакомец и снова перешел на стихи:

Я верховный сдаватель бутылок
И несбывшийся юный поэт.
Положи мне ладонь на затылок
И почувствуй горячий привет!

Ладонь на затылок ему Анаконда класть не стал. Он распознал в молодом человеке своего одноклассника Толика Древесного. Толик, будучи в школе, слыл начинающим поэтом. Он непрерывно помещал свои стихи в стенгазете, участвовал в поэтических турнирах и вернисажах; на него возлагали большие надежды. После выпускного вечера Анаконда не встречал его ни лично, ни на страницах печати. Теперь Древесный выпрыгнул из небытия в самом неожиданном виде и в самый неподходящий момент.

— Приветствую тебя, Толя! — сказал Юрий, сделав заинтересованное лицо. — Как дела? Где трудишься?

Древесный громогласно ответил стихами:

В управлении вштреста
Я работал день за днем,
Но отчислен я от места,
И душа горит огнем.

Из-за соседних столиков на них начали поглядывать. «Не вляпаться бы в историю, — обеспокоился Юрий. — Заметут в милицию, а там обнаружат шар».

— Сейчас мы зайдем в гастроном, а оттуда ко мне. Я тебя познакомлю с Тусей, — заявил Древесный и опять перешел на стихи:

Небесный ангел симпатичный
Имелся в небе голубом,
Имел оценку на «отлично»
В моральном смысле и любом.

Он стал объектом материальным,
Женой мне стал. О, счастлив я...

— Идем скорее! — сказал Анаконда, поспешно беря сумку с Константином и свертки с покупками. Деревесный пошагал за ним.

ШАР НЕ БЕЗДЕЙСТВУЕТ

На другой день Анаконда проснулся с каменной головой. Мутило. На полу валялись помятые, рваные пакеты с покупками. Шар висел в воздухе в трех шагах от кровати. Юрий повернулся на другой бок, попробовал снова уснуть, но такая тоска напала, что сон не шел. Жизнь стала казаться нелепой и напрасной. Юрий вспомнил, что до сих пор не выполнил редакционного задания. Он чувствовал полное отсутствие творческих сил. Потом припомнилась дурацкая вчерашняя пьянка и как его выгнал этот трепач Деревесный. А в каменной голове стучали пневматические молотки, визжали дисковые пилы, грохотали ящики с пустой винной посудой.

— Хорошо бы уснуть и не проснуться, — с тоской подумал Анаконда. — Чтоб не было ни головной боли, ни шара, ни даже меня лично... И зачем я польстился на эти деньги!..

Комната осветилась на миг розоватым светом. Константин приблизился к Анаконде, застыл сантиметрах в восьмидесяти от его лица. На шаре образовался небольшой нарост. Нарост протянулся в сторону Юрия, превращаясь в тугую спиральку. На конце спиральки возникла плоская площадочка. На площадочке выросла

маленькая прозрачная мензурка. Мензурка наполнилась жидкостью с голубоватым отливом.

— Отравить меня хочешь! — сказал Анаконда. — Ну и отравляй, так мне, негодяю, и надо!

Взяв мензурку, он залпом выпил горьковатую жидкость и отшвырнул сосуд. Площадочка метнулась на спиральке, поймала мензурку, и все втянулось в шар. Он опять был гладким, без единой выпуклости. Юрий же стал ждать печального конца.

Но жидкость оказала иное действие. Головная боль пошла на убыль, тоска отхлынула. Анаконда уснул. Проснулся через час бодрым и здоровым. Решил сразу же взяться за дело. Сел за стол. Принялся писать очерк. Вскоре очерк был написан. Начинался он так:

БЛАГОРОДНЫЙ ВОЗВРАЩАЛЕЦ

С лукавинкой, с бодрым юморком и смешинкой встретил меня благородный возвращалец Н. И. Лесовалов в своем скромном, но уютном загородном жилище. Весь высокий настрой жизни благородного возвратителя располагает его к широкой возвращальческой деятельности. Когда я посетил его, этот выдающийся возвращалец пил желудевый кофе на веранде. Из радиолы лилась мелодичная скрипичная рапсодия. Из магнитофона струилась раздумчивая рояльная мелодия.

— Люблю этот полезный напиток, — с ласковым прищуром поведал мне маститый возвращалец. — В особенности приятно его пить под задушевную, с грустинкой музыку Баха, Римского-Корсакова и др. выдающихся композиторов. С босоногого детства у меня наличествовало два хобби: музыка и возврат находок. Я любил вручать людям утерянные ими монеты, предметы и пищевые продукты...

Очерк занял одиннадцать страниц от руки. «Значит, на машинке получится страниц девять, как раз на подвал. На днях приобрету машинку, благо деньги есть. Но хорошо бы сегодня же материал перепечатать...» — Юрий шутливо обратился к шару:

— Хоть бы ты, Константин, мне помог. А то висишь тут в воздухе без дела.

Константин миновал лиловатым светом. Из шара выдвинулось два витых отростка и несколько штырей. Они опустились на стол, стали расти, переплетаться, образуя сложную рабочую систему. Через четырнадцать секунд один из отростков уже держал в темных пластинчатых зажимах страницу рукописи. По строчкам, считывая текст, скользил тонкий синеватый лучик. По чистому листу, зажатому в комплекс каких-то реек и пружинок, беззвучно двигался маленький цилиндр, оставляя за собой четкий машинописный текст.

Через три минуты сорок семь секунд рукопись была перепечатана в трех экземплярах. Затем рабочая система начала расплываться, уменьшаться. Шар, втянув в себя штыри и отростки, опять стал гладким. Анаконда тщательно сверил свой текст с машинописным. Ни одной опечатки. В двух местах Константин даже исправил описки. Эта способность шара к коррективке неприятно поразила Юрия.

На следующее утро Анаконда поехал в редакцию. Увы, очерк был встречен холодно. Савейков сказал:

— Много фальши и ложных красотостей. Не ладится у вас дело. И старик не получился. Он теплый, но бледный. Попробуйте его охладить и оживить. Я там кое-что подчеркнул.

Взяв исчерканную Савейковым рукопись, Юрий угрюмо побрел домой — оживлять старика. Но как это

сделать — он не знал. Он чувствовал, что лучше написать не может. С горя пошел во Фрунзенский универмаг, купил себе пару нейлоновых рубаш, потом подумал, подумал и приобрел таллинский подсвечник и фарфорового баяниста. Так как покупки были малогабаритные и уместились в сумке, он решил на этот раз не брать такси, а ехать домой троллейбусом. Народу в троллейбусе оказалось немного, и Юрию досталось место у окна. Но не проехал он и двух остановок, как из рюкзака послышалось жалобное мяуканье. «Что за черт! — удивился он. — Никакая кошка попасть туда не могла. Это не иначе проделки Константина».

Между тем мяуканье становилось все громче и жалобнее.

— Безобразие какое! — сказала, обратясь к Юрию, женщина, сидящая через проход. — Если завели кошку, то незачем ее мучить. Вы затиснули ее своими покупками! Она задыхается в вашей сумке.

— Извините, гражданочка, никакой кошки у меня нет, — вежливо возразил Анаконда.

— Мы глухие, что ли! Врет и не краснеет! — послышались возмущенные голоса.

— Он украл где-то ценного кота, вот и прячет. Я по голосу слышу: это ангорский кот, — высказался пожилой гражданин-котовед.

— В милицию бы надо свести! — сказал кто-то. — Там выяснят, где тут собака зарыта!

Анаконда схватил рюкзак и спешно направился к выходу. Он сошел за пять остановок от дома. Едва ступил на асфальт, как мяуканье прекратилось. Но ехать уже не хотелось, пошел пешком. Он шел и размышлял о причудах Константина.

Подходя к своей улице, он увидел толпу. Она уже начинала таять, насытая созерцанием происшествия. Троллейбус, тот самый — Юрий запомнил номер на ку-

зове, — стоял сильно накренясь. В правом борту виднелась большая вмятина. Окно было вдрызг разбито. Это было то самое окно, у которого недавно сидел Юрий.

— Грузовик проскочить хотел, — пояснила Анаконда какая-то гражданка. — Пассажиры все живы, отделались ушибами и испугами. Хорошо, что вон у того окна никто не сидел — не поздоровилось бы!

До Юрия дошло, что Константин его спас. Но когда отхлынула волна радости, на душе стало муторно: раз может спасти, может и погубить.

РАЗРЫВ С КИРОЙ

Дома Юрия ждала телеграмма: «Прилетела Кырма жду завтра даче Кыра». Текст и обрадовал и встревожил. В предыдущее свое возвращение Кыра прислала телеграмму с юга, чтобы Юрий встречал ее на аэродроме. Может быть, на этот раз кто-то сопровождал ее в самолете?

С Кырой Анаконда познакомился два года назад на студенческой вечеринке. Девушка ему очень понравилась. Они стали вместе ходить в кино, в театры и на пляжи. Но о любви еще ни слова не было сказано. Кыра — девушка самостоятельная и с гонором, к ней не так-то легко подступиться. Она недавно окончила университет и теперь работала лаборанткой в одном биологическом институте. Отец ее был видным профессором гальванотерапии, имелись дача и машина. К чести Юрия надо сказать, что он, когда знакомился с Кырой, не знал ни о звании ее отца, ни о «Волге», ни о даче. Наоборот, он был смущен, узнав о высоком материальном уровне девушки. Отчасти из-за этого он не пошел после окончания института работать по своей специальности, а устроился в редакцию. Ему хотелось стать из-

вестным журналистом и тем самым доказать Кире, что и он не лыком шит. Но, к сожалению, с журналистикой не ладится. Уже три месяца он числится в редакции, но все его материалы бракуют. Теперь единственная надежда на очерк о благородном возвратителе.

Юрий заставил себя усесть за стол и принялся перерабатывать очерк. Однако дело не клеилось. Константин висел рядом, но работе не содействовал. Видно, не желал вмешиваться в творческий процесс. Анаконде очень захотелось спать. Перед сном он проверил пачки, лежащие под матрасом. Все в порядке! Много еще денег!

Проснулся он рано. Торопливо умывшись и попив чаю, засунул Константина в рюкзак, выше положил джемпер — подарок Кире — и отправился на вокзал. По дороге купил букет южных роз.

Сойдя с электрички, Юрий за десять минут дошел до Кириной дачи. Кира сидела на веранде в солнечно-желтом платье, которое ей очень шло. Шел ей и загар. Встретила она Анаконду не то чтобы враждебно, но как-то прохладно. Юрию сразу же показалось, что Кира не очень рада ему. Цветы она милостиво приняла, но от джемпера отказалась.

— Юра, никаких вещественных подарков мне не надо. Ты уж не обижайся. Что, тебя наконец-то напечатали, кажется?

— Аванс под очеркишко получил, — небрежно бросил Анаконда. — Написал неплохой подвал о благородном возвратителе.

— Такого слова в русском языке нет, — ровным голосом сказала Кира. — Между прочим, на пляже в Феодосии я познакомилась с одним интересным человеком. Он тоже ленинградский журналист, но он...

— Меня не интересуют твои пляжные знакомства, — недовольно прервал ее Анаконда.

— Не будем ссориться, — спокойно ответила Кира. — Хочешь, пойдём купаться?

— А ты не боишься простудиться после юга? — дипломатично спросил Юрий. Ему не хотелось идти на реку. Он знал, что «Константин» непременно увяжется за ним в воду.

— Простудиться я не боюсь, — с улыбкой ответила Кира. — Я боюсь, что ты стал очень ленивым. Возьми-ка вон там, у гаража, лопату и выкопай в саду ямку для заборного столба. Это мы всех гостей теперь будем заставлять работать... А я пока пойду помогать маме обед готовить.

Анаконда снял пиджак, автоматическим движением схватил сумку с шаром и направился за лопатой.

— А рюкзак-то зачем? — засмеялась Кира. — Ты что, жить без него не можешь?

— Просто ужасно привык к нему. Без него как без рук, — с наигранной беспечностью произнес Юрий и, захватив лопату, пошел в дальний конец сада.

Старая изгородь была повалена, и по границе участка, на равном расстоянии одна от другой, виднелись квадратные ямы для столбов будущего нового забора. Некоторые ямы не были выкопаны, был только снят дерн там, где их предстоит копать. Анаконда, положив рюкзак возле себя, не спеша принялся за работу. И вдруг у него мелькнула одна мысль. Перейдя за территорию участка, он торопливо срезал лопатой квадрат дерна и быстро начал копать новую яму. Теперь он работал во всю силу, земля так и летела. Когда яма глубиной сантиметров в восемьдесят была готова, Юрий, воровато оглянувшись по сторонам, вынул из рюкзака шар и бросил его на дно. Шар тяжело и покорно лег на влажный грунт. Анаконда стал забрасывать его землей.

«Кажется, на этот раз я перехитрил тебя, — полу-

мал он. — Спи спокойно, дорогой Константин! Да будем пухом тебе земля!»

Забросав могилу Константина, Юрий принялся утрамбовывать землю ногами. Потом отошел на два шага в сторону полюбоваться на дело рук и ног своих. Как светло и просторно стало в мире без шара! Как легко пели птицы! Как весело дышалось!..

Анаконда поднял полегчавший рюкзак и сделал шаг в сторону дачи. На прощанье он оглянулся — и сразу померк день. Утоптанная земля вспучилась, потом показался Константин. Он не спеша всплыл сквозь землю — и вот опять занял свое место в воздухе в трех шагах от Юрия. Ни одной песчинки к нему не прилипло. Он был такой же, как до своих похорон.

В довершение всего совсем близко послышались шаги Кира и ее удивленный возглас:

— Юра, что это? Почему он не падает?

— Это шар... Шар как шар, — испуганно и невпопад ответил Анаконда. — Можешь взять его в руку.

Кира осторожно взяла шар и сразу же отпустила.

— Тяжеленный какой! И холодный как лягушка. Откуда это у тебя?

— Кира, я тебе все расскажу, но поклянись, что никому ничего не расскажешь. — С этими словами Юрий повел девушку к садовой скамье и поведал ей всю правду. Кира слушала не перебивая, потом сказала:

— Конечно, я никому ничего не скажу. Это очень некрасивая история. Да, я давно уже начала разочаровываться в тебе и, по-видимому, была права... Ты уж не обижайся, но у меня к тебе такая просьба: пока с тобой этот ужасный шар — не приходи ко мне.

— Кира, а вдруг этот шар никогда от меня не отвяжется? — с отчаянием в голосе спросил Анаконда.

— Тогда не приходи ко мне никогда.

НАУЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

В глубоком удручении вернулся домой Анаконда. С тех пор как он подпал под власть шара, ему чертовски не везло. Как вернуть жизнь в прежнее русло? Как избавиться от Константина?

Вспомнив о конверте, обнаруженном в портфеле, он схватился за задний карман брюк. Но там ничего не было, карман был пуст. Анаконду оторопь взяла. Потерял...И вдруг до него дошло, что на нем давно новый костюм, а старый валяется в шкафу. Он бросился к шкафу, вытащил оттуда старые брюки. От них пахло хвоей, несколько сосновых иголок упало на пол, когда Юрий, ощупав задний карман, извлек из него конверт.

На конверте было напечатано:

«ПЛАНЕТА ИКС» (название разглашению не подлежит)

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ДАЛЬНИХ ПЛАНЕТ
ПОДОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ
ГРУППА ПСИХОЛОГИИ И ЭТИКИ

Уважаемый Нашедший!

Поступи с этими деньгами так, как считаешь нужным. Возможно, ты прочтешь эти строки, когда часть денег будет уже израсходована тобой, однако продолжай их тратить (или хранить) по своему усмотрению.

Текст этот, в сущности, ничего не прояснил, а, наоборот, внес в душу Анаконды еще большее смятение. И тогда он вдруг вспомнил, что на днях прочел в газете об учреждении нового Научно-Исследовательского Института Необъясненных Явлений Природы (НИИНЯП).

Он решил отправиться туда на следующий же день. А вдруг там ему помогут?

Юрия безо всякой волокиты сразу же провели в кабинет научного руководителя НИИНЯПа Рассветова. Когда Юрий показал ему свой журналистский билет, Рассветов сказал:

— Писать об институте рановато. У нас еще мало фактов, товарищ Лесовалов.

— Вообще-то я Анаконда, — сразу же уточнил Юрий. — Знаете, такая змея. Обитает в верховьях Амазонки, отдельные экземпляры достигают четырнадцати метров.

— Десяти с половиной метров, — уточнил Рассветов. — И давно это с вами случилось?

— Что случилось?

— Ну, что вы стали считать себя змеей.

— Я вовсе не считаю себя змеей, — обиделся Юрий. — Просто это мой творческий псевдоним.

— Ах вот оно что! А то, видите ли, к нам вчера приходил гражданин, который считает себя пингвином. Это не по нашей части.

— Ну, я не из таких. Я по делу... Хочу поведать вам одну тайну. Но вы действительно исследуете необъяснимые явления?

— Необъясненные, — поправил Рассветов. — Да, исследуем. К нам уже начали поступать отдельные... ну, как бы вам сказать... странные вещи. Население охотно идет нам навстречу. Третьего дня, например, один мальчишка-юннат принес нам интересный объект. Поймал его на улице.

С этими словами Рассветов отворил дверь. Из соседней комнаты выбежала такса и улеглась на ковре возле стола.

— Какой же это объект? Это собака! — сердито

сказал Юрий. — Я к вам как человек к человеку, а вы мне каких-то собак!

— Это не собака, а биоэлектронное устройство, выполненное в форме собаки и заброшенное на Землю для сбора информации, — не повышая голоса, молвил Рассветов. — Вы посмотрите внимательнее.

— Господи, да у нее шесть ног! Что ж вы сразу не сказали? — всколыхнулся Анаконда. — Зачем ей шесть ног?!

— Перестраховщики с Венеры, — бросил Рассветов. — Это их работка. Сконструировали недурное, в общем, устройство, но, чтобы увеличить коэффициент прочности, добавили пару ног... Так что вы хотели мне сообщить?.. Не стесняйтесь, мы у этой «таксы» сразу же вывинтили передающую систему, так что на Венере ничего не узнают.

— Я хочу, чтобы и на Земле ничего не узнали, — заявил Анаконда. — Сейчас я вам тоже одно устройство покажу. Но прежде прочтите, что вот тут написано. — И он сунул в руки Рассветову таинственный конверт.

Рассветов прочел написанное на конверте, покачал головой и ничего не сказал.

Тогда Юрий вынул из сумки шар, и тот немедленно повис в воздухе. Биоэлектронная собака при виде Константина вскочила с ковра и, поджав хвост, с жалобным воплем кинулась в соседнюю комнату.

— Очень странный шар, — задумчиво проговорил Рассветов. — Не агрессивен?

— Нет, можете взять в руку. Не кусается. Уж лучше бы кусался.

Рассветов подержал шар в руке, потом отпустил. Константин занял прежнюю позицию в воздухе.

— Шар очень странный, — повторил Рассветов. — Аналогов в истории, насколько мне помнится, нет.

Удельный вес, кажется, выше чем у свинца. Скажите, температура его часто меняется?

— Совсем не меняется. Даже если в огонь бросить — он все такой же холодный.

— Странный объект! — в третий раз повторил Рассветов. — Расскажите, как и когда вы вступили в контакт. Что предшествовало тому моменту, когда он контактовался с вами? Говорите мне все без утайки, как врачу.

— Я вам всю правду расскажу, — заявил Юрий, — но вы должны дать мне обещание, что никто за стенами вашего института ничего не узнает о шаре.

— Охотно даю вам такое обещание, — ответил Рассветов. — Но если в процессе исследования шара выяснится, что сохранение тайны поставит под угрозу жизнь и здоровье других людей, а также создаст возможность утечки информации с Земли на другую планету, я буду вынужден отменить свое обещание.

— Я вас понимаю, — сказал Анаконда. — Конечно, если шар может принести вред другим, тут уж придется пожертвовать тайной.... А теперь слушайте.

Рассказ Юрия длился долго. Рассветов внимательно слушал. Потом повел Анаконду в лабораторию, где шар стали подвергать различным испытаниям. Из института Юрий с шаром ушел под вечер и в течение недели ходил в НИИНЯП как на службу. Чего только не делали с Константином! Его клали в термостат, опускали в крепчайшие кислоты и щелочи, подвергали действию электрического тока, били по нему кувалдой, замуровывали в цемент, заваливали стальными плитами и свинцовыми пластинами. К концу недели Рассветов составил карточку исследований, копию которой вручил Юрию.

Условное наименование исследуемого объекта: ШВЭНС (*шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый*)

Аналоги по картотеке, необъясненных явлений: *аналогов нет*

Внешний вид объекта в состоянии покоя: *шар правильной формы темного цвета*

Степень опасности по 12-балльной системе Каргера при агрессивности: *12 баллов по Каргеру*

А. Физико-химические характеристики:

1. Диаметр: 77,631 мм
2. Атомный вес: 265,24
3. Уд. теплоемкость: *отсутствует*
4. t° плавления: *не выяснена*
5. Реакция на кислоты: *не реагирует*
6. Реакция на щелочи: *не реагирует*
7. Радиоактивность: *отсутствует*
8. Электропроводимость: *отсутствует*

Б. Психологические характеристики:

1. *Разумен*
2. *Не эмоционален*
3. *Не агрессивен* (см. § 1 «Особых примечаний»)
4. *Способен предвидеть еще не свершившиеся события*

5. *Способен нести многосторонние охранительные функции по отношению к существу, с которым вошел в контакт*
-

- В.** *Механико-функциональные особенности и аномалии*
1. *Имея уд. вес тяжелее воды и атм. воздуха, тем не менее плавает и парит в воздухе*
 2. *Свободно преодолевает любую среду*
 3. *Способен к многосторонним физическим, химическим и механическим действиям*
 4. *Универсален*
 5. *Автономен*
 6. *Неразрушим земными средствами*
-

Особые примечания:

1. *На разрушение живой ткани или не программирован, или сам принял решение не причинять вреда белковым соединениям*
 2. *Физически экстерриториален*
 3. *Источник энергопитания неизвестен*
 4. *Место возникновения не выяснено.*
-

Анаконда внимательно прочел карточку.

— А как это понять «физически экстерриториален»? — спросил он Рассветова.

— Исследуя ШВЭНС, мы были вынуждены ввести этот условный научный термин. ШВЭНС экстерриториален в том смысле, что, находясь на Земле, подчиняется не земным физическим законам, а законам той звездной системы, откуда прибыл.

— От всего этого мне мало радости, — заявил Юрий. — Тут в карточке ни слова не сказано, как мне

избавиться от шара. Думаете, легко мне его все время таскать! Все жилы вытянул! А психически — уж и говорить нечего.

— Никаких практических рекомендаций дать вам, к сожалению, не могу. Случай слишком необычный. Боюсь, что наилучший для вас вариант — это сохранять статус-кво и утешать себя мыслью, что вы — единственный человек на Земле, вступивший в контакт со столь необычным инопланетным объектом.

— Провались они, такие межпланетные контакты! — воскликнул Анаконда. — И почему он именно ко мне прицепился?

— Быть может, ШВЭНС высмотрел вас заранее. Ему нужен был для опыта человек определенного характера... Ну, скажем, порядочный в душе, но не вполне стойкий перед соблазном. Контакт сработал в тот момент, когда вы решили воспользоваться деньгами. С той минуты ШВЭНС взял вас под наблюдение и охрану. Пока существует контакт, ШВЭНС не даст волоску с вашей головы упасть. Он настолько всемогущ, что сохранит вас целым и невредимым, даже если вы очутились в эпицентре взрыва атомной бомбы.

— Не надо мне такой целости и невредимости, товарищ Рассветов! Мне бы пожить нормально, а потом нормально помереть... А если мне в суд на себя подать, товарищ Рассветов? Так, мол, и так, присвоил десять тысяч, осудите и дайте срок. Может, в тюрьме шар от меня отвяжется?

— Суд земной вам не грозит, — ответил Рассветов. — С юридической точки зрения вы не совершили ни кражи, ни даже присвоения находки. ШВЭНС фактически подsunул вам, или, если хотите, предложил эти деньги. Поскольку ШВЭНС вполне материален и является существом мыслящим и разумным, то его вполне можно считать юридическим лицом и предыдущим

владельцем денег. Так что вы де-юре и де-факто получили десять тысяч в дар от юридического лица — ШВЭНСа. Следовательно, ни перед законом, ни перед людьми преступления вы не совершили. Вы совершили преступление перед самим собой, а вернее сказать — над собой.

— Пойдите, товарищ Рассветов, но ведь шар не мог честным трудом заработать эти деньги. Он их или спер где-то, или подделал. И значит, я имею право быть осужденным как соучастник преступления.

— За неделю общения со ШВЭНСом я пришел к выводу, что хоть он и не подчинен земным физическим законам, но к человеческим законам и установлениям относится с должным пиететом. Он слишком умен и слишком всесилен, чтобы вносить излишний хаос в земной мир. Конечно, он мог бы ограбить все банки мира или напечатать миллиарды фальшивых денег, но не думаю, чтобы он пошел по этому пути...

— Уважаемый ШВЭНС, скажите, пожалуйста, как вы добыли десять тысяч? — обратился Рассветов к шару.

Константин полыхнул зеленым светом, и на стене появилась световая, медленно гаснущая надпись:

$$1 = 0; \quad 0 = 1$$

— Ну теперь все ясно, — сказал Рассветов. — Просто он восстанавливает денежные знаки. Ежедневно и ежечасно происходит физическая убыль денежных знаков; они сгорают при пожарах, гибнут при кораблекрушениях, выпадая из обращения. Вот эти дензнаки ШВЭНС и восстанавливает... Проведем маленький опыт.

С этими словами Рассветов вынул из кармана трешку и спички. Записав номер и серию трешки, он поджег зеленую бумажку. Когда она сгорела, Рассветов попросил Константина: «Восстановите, пожалуйста!»

Шар засветился на миг голубым светом, потом из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С площадочки на стол упала трехрублевая бумажка. Шар вобрал в себя рейку.

— Те же самые три рубля, номер в номер и серия в серию, — объявил Рассветов. — Большое вам спасибо, уважаемый ШВЭНС! Буду хранить эту трешку до скончания дней... А может, все-таки скажете, откуда вы к нам прибыли и зачем?

Темный шар неподвижно и безответно висел в воздухе в трех шагах от Анаконды.

— Вот так и торчит около меня, и ничего с ним не поделаеть, — сказал Юрий. — Неужели никакого выхода нет, товарищ Рассветов?

— Я не вправе давать вам никаких программ поведения, — ответил Рассветов. — Но мне кажется, что поскольку дело началось с денег, то от этого факта и надо вести рассуждения. Итак, ШВЭНС вручил вам десять тысяч рублей. Его интересует поведение ваше при наличии у вас денег. Пока у вас останется хоть копейка из врученной вам суммы, отношение к вам ШВЭНСа будет неизменным, то есть таким, как сейчас. Вы будете жить под эгидой ШВЭНСа; он будет вести наблюдение за вами и в то же время защищать вас от всех физических опасностей и, возможно, оказывать вам медицинскую помощь. То есть пока у вас есть деньги ШВЭНСа, практически вы бессмертны. Но это довольно грустное бессмертие.

Теперь представим себе другой вариант вашего поведения. Вы ускоренно тратите все врученные вам ШВЭНСом деньги, и ШВЭНС покидает вас, ибо, логически рассуждая, его миссия закончена, эксперимент проведен. Однако в данном случае в действиях ШВЭНСа возможны вариации. Вариант А: ШВЭНС покидает вас без всяких для вас последствий; вариант

Б: ШВЭНС покидает вас, предварительно проведя против вас летальную акцию, дабы не оставлять на Земле ненужного свидетеля. Ведь, перестав быть его подопечным или, что несколько точнее, подопытным, вы...

— Так что ж это получается! Он, выходит, и укокать меня может?!

— Да. Не забывайте, что при всем своем разуме ШВЭНС лишен эмоциональности, он чистый прагматик. Если он сочтет целесообразным...

— Ну, вляпался я в историю!.. — сказал Анаконда, беря рюкзак с шаром. — Что ж, товарищ Рассветов, спасибо за собеседование... Но вы сдержите слово? Я надеюсь, что в печати о моем контакте с шаром шума не будет?

— Нет, не будет. Поднимать шум стоило бы только в том случае, если бы люди имели какие-то способы воздействия на ШВЭНС. Но ШВЭНС всемогущ, всепроникающ и неразрушим. Появление в печати сведений о нем вызвало бы только всемирную панику... В заключение я обращусь к вам с одной просьбой. ШВЭНС отлично знает материальный мир и умеет его преобразовывать и подчинять себе. Но психический мир человека он знает не вполне и в какой-то мере изучает его на вас. Быть может, вы для него эталон. А если это так, то по этому эталону он может вынести суждение обо всем человечестве. Поэтому ведите себя со ШВЭНСом по возможности тактично, или, как говорилось в старину, толерантно.

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Вернувшись домой, Анаконда выпустил Константина из сумки, и тот привычно повис в воздухе. Юрий предался размышлениям. Как быть: ускоренно тратить деньги и ждать возможного освобождения или гибели

или экономить деньги и печально влачить жизнь под властью Константина? На что решиться?

До ночи сидел он в глубоком раздумье. Потом встал, подошел к окну. Он загадал: если в сквере мимо вот той скамейки пройдет мужчина — надо жить экономно; если женщина — надо бесстрашно тратить деньги. И вот через мгновение из аллеи вышла девушка в голубом и легкой походкой прошла мимо скамьи. Сквозь прозрачные сумерки белой ночи что-то знакомое почудилось Юрию в ее лицо. Да ведь это Леонковалла! Это та симпатичная девушка, которую он однажды видел в бинокль!..

— Буду тратить деньги вовсю, — вынес Анаконда постановление. — Или помру, или снова стану человеком.

Едва успел он это подумать, как раздался тактичный стук в стену, и из соседней комнаты донесся голос Вавика:

— Юра, не можете ли заглянуть ко мне на минутку?

Анаконда направился к дорогому соседу. Константин поплыл за ним.

Свет в комнате был выключен. Хозяин сидел у окна в зубоврачебном кресле, накрепко принайтовленном болтами к паркету. Голова наблюдателя удобно покоилась на откидной кожаной подушечке. Подзорная труба висела на продуманной системе блоков и растяжек.

— Вот так и живу, погруженный в мир прекрасного, — растроганно начал Вавик. — Но, увы, девушки разъезжаются на каникулы. Знаю, они вернутся осенью, вернутся загоровшие, похорошевшие, неся с собой аромат полевых маргариток, запах лесных ландышей...

— Вавилон Викторович, запаха ведь в подзорную трубу не видно, — прервал его Юрий.

— Ах, не подстригайте крылья у моей мечты! —

томно возразил Вавик. И уже другим тоном: — Вы, конечно, с шариком пришли? Вижу, вижу, жив и здоров наш милый шарик... Давненько мы с вами, Юра, не говорили как ассистент с ассистентом.

— Опять денег хотите? — задал Анаконда лобовой вопрос.

— Мой молодой друг, зачем так грубо, так узкоколейно!.. Не денег мне надо, мне надо усилить оптику. Понимаете, один мой знакомый продает небольшой портативный телескоп. Просит он за него всего-навсего сто восемьдесят луидоров...

— Я даю вам эти луидоры, — спокойно сказал Юрий. — Мне теперь луидоров не жаль.

НЕОЖИДАННЫЙ ВАРИАНТ

На другой день, взяв сумку с Константином, Юрий направился в агентство Аэрофлота. Он решил лететь в Сочи. Бархатный сезон еще не начался, и Анаконда без труда купил себе билет на «ТУ-104». Затем он пошел в универмаг, где приобрел неплохой чемодан.

— Путешествовать собираетесь? — спросил Вавик, увидев в прихожей Юрия с чемоданом.

— Да, завтра лечу на Черное море.

— Рад за вас, Юра... На юге так много прекрасного, достойного наблюдения. Ах, солнце, море, загорелые девушки на пляже, праздник бытия и сознания!.. Как жаль, что вы купили только один билет! Не подумали вы о Вавилоне Викторовиче, не подумали о человеке, который свято хранит чужие тайны!..

— Ладно, Вавилон Викторович, берите мой билет. И вот вам деньги на обратный путь и на курортные расходы. Я раздумал лететь, — твердо сказал Анаконда. Он понял, что лучший способ хоть на время избавиться от Вавика — это послать его на юг, а самому остаться в

городе. К тому же Константин будет очень осложнять курортную жизнь.

— Спасибо, Юра! — взволнованно произнес Вавик и поспешно отвернулся, чтобы скрыть слезы умиления.

На следующее утро, уложив в позаимствованный у Юрия чемодан пляжные принадлежности и подзорную трубу, Вавилон Викторович отбыл на аэродром и поднялся в воздух. Внизу в легкой дымке, как бы в тончайшей нейлоновой сорочке, дремала зеленая равнина. Вскоре справа под крыльями показалась прозелень моря; слева лежали смуглые горы в бюстгальтерах вечных снегов.

В тот же день Анаконда приступил к усиленным тратам. Но если еще недавно он покупал вещи, имеющие практический смысл, то теперь расходование шло по иным каналам. Придя на рынок, он стал скупать цветы и затем, выйдя на улицу, начал раздавать эти цветы идущим мимо девушкам. Вечером, придя в шашлычную, он громогласно объявил, что сегодня у него день рождения и поэтому он платит за всех едящих и пьющих. Большинство обиженно отказались от такой единовременной ссуды, но нашлись и такие, которые были весьма довольны. Юрий немедленно оброс льстецами и прихлебателями. С этого дня деньги стали таять, как сахар в кипятке.

Через неделю Анаконда обнаружил, что у него осталось сто тридцать рублей. А еще через два дня, проснувшись с тяжелой головой после попойки с новоявленными приятелями, Юрий нашел в пиджачном кармане одну десятку. Порывшись по остальным карманам, он присоединил к десятке два рубля шестьдесят копеек. И он понял, что настал решающий день. Сегодня он истратит эти последние деньги — и шар или улетит от него, освободив от своего ига, или... Будь что будет!

Захватив сумку с Константином, Анаконда направился

в ближайший ресторан. Плотнo пообедав там, он пошел бродить по улицам и бродил до вечера. Белые ночи уже кончились, теплая темнота опускалась на город. В Неве отражались горящие на мостах фонари. Неоновые рекламы на Невском полыхали веселым светом. По тротуарам шли счастливые пары, шли красивые девушки. «Все это я вижу, может быть, в последний раз», — с предрасставальной грустью подумал Юрий, шагая домой.

В гастрономе на углу Анаконда купил бутылку коньяка — уж погибать так с коньяком! Еще купил пачку сигарет «Опал» и коробку спичек. В наличии у него остался один пяточок. Теперь только этот пяточок связывал его с Константином, а может быть, и с жизнью.

Придя домой, он выпустил шар из сумки, и тот, как всегда, повис в воздухе в трех шагах от него. Затем, налив полный стакан, он выпил его залпом и, не закусывая, закурил сигарету. Потом выпил второй. Пьяное тепло пошло по телу, мир стал пульсировать. Стены комнаты то разбегались по сторонам, то сжимались, будто хотели раздавить Юрия. Наконец, вынув из кармана заветный пяточок, он подошел к окну.

Дома за окном качались, городские огни вспыхивали и погасали, вспыхивали и погасали, словно световые сигналы бедствия. В общежитии напротив светилось только одно окно, четвертое с краю. Анаконде почудилось, что на подоконнике сидит девушка в голубом — Леонковалла. Вдруг окно метнулось куда-то вверх и погасло. Юрий бросил пяточок. Тот с тихим звоном упал на диабаз мостовой. Все кончено...

...Он оглянулся. Константин, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от него. Научное предсказание Рассветова не сбылось. Шар избрал свой, неожиданный, вариант: решил навсегда остаться с Юрием. «А что, если вдруг взять да повеситься, — мелькнула у Анаконды не-

здоровая мысль. — Пусть потеряю жизнь, но только так я могу избавиться от Константина...»

Шатаясь, он подошел к кровати, нагнулся и вытащил из-под нее веревку. Когда-то он состоял в кружке начинающих альпинистов, и эта веревка входила в оборудование группы. Юрий стал пробовать ее на разрыв — куда там, очень прочная. Он начал думать, где бы ее укрепить, но думать долго не пришлось: над дверью торчали два толстых железных крюка, на которых когда-то висели портьеры. Выбери любой.

Шар за спиной Юрия беззвучно полыхнул печально-синеватым светом. В то же мгновение веревка превратилась в сероватую труху, распалась волокнистой пылью. Крюки исчезли. Там, где они были вбиты, в стене теперь темнели небольшие отверстия.

— И повеситься нормально человеку не дашь! — крикнул Анаконда, замахнувшись кулаком на Константина. — Но я перехитрю тебя!

Он кинулся к открытому окну, вскочил на подоконник и, схватившись руками за голову, сиганул вниз. Безлюдная улица, темные деревья сквера, черные колья ограды — все метнулось ему навстречу. Но в тот же миг какая-то пружинящая сила задержала его падение. Он повис над улицей в гамаке, сплетенном из тонких леденяще-холодных пружин, — и шар висел над ним. Потом Константин поднял его к подоконнику и, мягко подобрав стопы, втянул в комнату.

Анаконда в слезах кинулся на кровать.

ОБИДНАЯ ЖИЗНЬ

Юрий проснулся в полдень. Голова тупо болела. Поташнивало. Шар, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от постели. Вспомнив вчерашнее, Анаконда даже застонал. Что теперь делать? И Константин с ним

навсегда, и денег ни копейки, и жизнь разбита, и даже смерти ему нет... Что делать?

Он нехотя встал, вяло оделся, подошел к столу, посмотрел на пустую бутылку. За время ускоренной траты денег он уже привык по утрам опохмеляться, но ведь теперь денег ни гроша. Правда, у него есть всякие вещи — магнитофон, фотоаппарат, из одежды кое-что. Можно снести в комиссионный. Но в комиссионном сразу денег не получишь, надо ждать, пока продается вещь. А что он будет есть, ожидая денег? Из редакции его уже отчислили, идти туда просить — стыдно. Что делать?

Шар осветил комнату голубым светом. Из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С площадочки на стол упали два потертых бумажных рубля.

— Значит, решил взять меня на иждивение, — криво усмехнулся Анаконда. — Не очень-то ты щедр, Константин. Но и на том спасибо... Что ж, полезай в сумку, пойдем покупать питье и пищу.

Первым делом Юрий купил четвертинку «Московской» и пачку сигарет «Памир», потом триста граммов ливерной колбасы третьего сорта и хлеба. Придя домой, он извлек из сумки покупки и Константина, поставил водку на стол. Выпив первую стопку, он закусил колбасой и, закурив сигарету, подумал про себя: «И не так уж плохо. С водкой можно жить. И главное, от водки можно помереть, и тут ты, друг мой Константин, ничем мне не сможешь помешать. Буду пить систематически, сопьюсь и помру, и кончится эта обидная жизнь».

Шар засветился зеленоватым светом. Узкий пучок лучей метнулся от него к бутылке и погас. Чужа недоброе, Анаконда дрожащей рукой налил вторую стопку,

поднес ее к губам — и тотчас с отвращением выплеснул жидкость на пол. Водки не стало, водка превратилась в пресную воду.

Для Юрия началась безалкогольная, безаварийная, бездеятельная и беспросветная жизнь. Каждое утро, получив от Константина два рубля, он клал шар в рюкзак и отправлялся за едой. Вернувшись, он съедал скромный завтрак и, взяв сумку с Константином, шел бродить по городу. Не глядя по сторонам, упершись глазами в асфальт, шагал он, сам не зная куда, без всякой цели — лишь бы не быть дома. В комнате совсем уж тоскливо, да и нельзя сидеть в ней все время: соседи уже начали коситься на него, удивляясь, что он не ходит на работу. И вот он бродил по улицам. Рюкзак с Константином он теперь носил за спиной. Он уже почти привык к нему, как горбатый привыкает к своему горбу.

До одури набродившись по городу, Анаконда возвращался домой, нехотя приготавливал себе несложный обед, нехотя съедал его — и снова шел бродить. Он опустил-ся, перестал бриться; новый дорогой костюм запылится и залоснился, но он его не чистил. Он ни на что уже не надеялся и ни к чему не стремился и все больше дичился людей. Потребности его свелись к одной только еде, да и то ему было все равно, что есть. Тех двух рублей, что выдавал Константин, ему хватало на жизнь. Конечно, у него есть вещи, которые можно продать, но лень нести их в комиссионный магазин. Да и на что ему теперь лишние деньги? Вернувшись вечером домой, он пил чай, заедая его хлебом, валялся на постель и сразу же засыпал. Ему ничего не снилось. Казалось, шар отнял у него даже сновидения.

ЛЕОНКОВАЛЛА-ТАНЯ

Была середина августа. Вдоволь нашлявшись по городу и почувствовав, что пора обедать, Юрий с рюкзаком за плечами шел к своему дому через сквер. Он не спешил. В этот день ему очень не хотелось возвращаться под сень кровли своей. Дело в том, что вчера днем прилетел с юга Вавик, в связи с чем произошла неприятная сцена.

Вавик вернулся отошавшим, левое веко у него нервночески подергивалось. Он был очень недоволен тем, что Анаконда послал его в Сочи; никогда больше ни за какие коврижки не полетит он туда. Оказывается, одна женщина обнаружила Вавика, когда он в пижаме и с подзорной трубой по-снайперски залег на скале, находившейся недалеко от медицинского женского пляжа. Эта женщина подняла крик, сбежались другие женщины. Они визжали, щипали Вавика и даже били его подзорной трубой по голове. В результате подзорная труба сильно повреждена, ей требуется ремонт.

— Но у вас, Вавилон Викторович, есть еще бинокль и портативный телескоп, — заметил Юрий.

— Не спорю. Но ведь каждому человеку хочется иметь полный набор оптических инструментов. Кроме того, я сильно поиздержался на юге, куда вы же меня и послали...

— Вавилон Викторович, мое материальное положение очень покачнулось. Вот хотите — возьмите магнитофон. Вы можете его продать. И вот вам джемпер. Правда, он женский, но и его вы можете продать.

— Вы радуете меня, мой юный друг. Но не могли бы вы мне помочь и наличными?

— Вавилон Викторович, у меня нет наличных. Шар выдает мне два рубля в день.

— Юра, если вы ежедневно будете давать мне чет-

верть получаемой вами от шарика суммы, то это пойдет вам только на пользу.

— Вавилон Викторович, ну что вам мои полтинники?..

— Ах, Юра, я не корыстолюбив. Но оптика требует жертв. Я решил копить деньги на стереотелескоп. Благодаря ему я смогу наблюдать мир прекрасного в объемном виде.

Анаконда не стал спорить, ему было все равно. Он вынул из кармана две монетки по пятнадцать копеек и один двугривенный. Вавик протянул руку. Константин окутался на миг опалово-прозрачным облачком.

— Спасибо вам, Юра! — сказал Вавик, беря деньги, и вдруг с криком боли бросил их на пол и стал дуть на пальцы. — Этого я вам не прощу! Подсовывать раскаленные деньги! Безобразие такое!

— Это шар... Он хочет сохранить мой прожиточный уровень, — сказал Юрий и кинулся подбирать монеты. Они вовсе не были горячими.

— Безобразие! — повторил Вавик. — Вас с вашим темным шаром давно надо разоблачить перед населением! Завтра же подаю на вас заявление в домохозяйство! — Схватив магнитофон и джемпер, когда-то предназначавшийся Кире, он выбежал из комнаты, гневно хлопнув дверью.

...Да, сегодня Юрию совсем не хотелось возвращаться в свою квартиру. Вполне возможно, что там его ждут новые неприятности. И вот, сняв с плеч рюкзак, он сел на скамейку в сквере и закурил сигарету. Стараясь оттянуть момент возвращения, он курил медленно, с чувством, с толком, и размышлял о том, что хоть курить-то ему еще можно, этого дела Константин еще не запретил.

Вот так он и сидел на скамье один, с краю, поблизости от гипсовой урны для окурков. На противоположной стороне аллеи, на такой же скамейке, дремали два

пенсионера. Сквер был почти безлюден; в августе Ленинград всегда пустеет: многие взрослые в отпуске, все дети на даче и в пионерлагерях. Было тихо. С неба, с высоты, подернутой легкой облачной дымкой, исходил ровный неслепящий свет.

Слева послышались негромкие шаги. Юрий оглянулся. По аллее шла Леонковалла. Он сразу ее узнал, хоть на этот раз на ней было яркое ситцевое платье. В руках девушка держала небольшую сумку, где на глянцево-белом фоне изображены были танцующие лягушки. «Если она сядет на скамейку, значит, не все еще в моей жизни потеряно, значит, есть еще надежда избавиться от шара», — загадал Юрий. У него вдруг так забилося сердце, будто он не то падал в пропасть, не то взлетал на небо, прямо к солнцу.

Она легким шагом миновала скамейку и вдруг, словно вспомнив что-то, остановилась, сделала шаг назад и села на самый ее краешек, положив рядом свою сумку.

— Спасибо, Леонковалла! — вырвалось у Юрия.

Девушка с удивлением, но без всякого недоброжелательства посмотрела на него. Потом на лице ее появилось тревожное выражение. Она подвинулась ближе к Юрию.

— Вам плохо? — мягко и простосердечно спросила она. — Почему вы так побледнели? Хотите, сбегаю за водой?

— Нет-нет, ничего... Просто я много ходил... Ходил... Ходил... Не надо вам беспокоиться... — Юрий так давно не говорил с людьми (за исключением Вавика), что с трудом подбирал слова.

— Да, теперь вам, кажется, легче, — сказала девушка. — Вы уже не такой бледный... Но почему это я вдруг Леонковалло? Это ведь композитор такой был. Меня зовут Таня. А вас как?

— Вообще-то я был Анакондой. Ну, знаете, такая

змея. Обитает в верхнем течении Амазонки. Отдельные экземпляры достигают десяти с половиной метров длины... Но Анаконды из меня не получилось.

— Это был ваш псевдоним? — догадалась Таня.

— Вот именно. Я хотел стать журналистом, но у меня не оказалось таланта. Поэтому считайте, что я просто Юрий. Я живу вон в том доме.

— Мне нравится, что вы так прямо о себе говорите. Я думаю, что вы, наверно, хороший человек.

— Это вы ошибаетесь. Я совершил одно нехорошее дело, так что хорошим я быть не могу. Очень мучит меня это дело...

— Нет, вы не кажетесь мне плохим. Но у вас действительно измученный вид... Знаете, я несколько раз видела вас на улице. Вы всегда идете и ни на кого не смотрите.

— Ваше лицо мне тоже знакомо. Я видел вас...

— Я же в общежитии живу, вон в том доме. Вы меня тоже не раз, наверно, встречали на улице...

— Да-да... А почему это вы летом здесь? Почему никуда не уехали на каникулы?

— Мне некуда уехать. У меня нет родных. Вернее, есть в Пскове тетя, но она в апреле вышла замуж, а домик у нее маленький... Но летом в Ленинграде не так уж плохо. Вчера я опять была в Эрмитаже, а завтра собираюсь в Русский музей.

— Одна?

— Одна. А что? Хотите, пойдем вместе.

— Завтра я очень занят, никак не могу, — соврал Юрий.

Ему очень хотелось принять это приглашение, но он понимал, что с рюкзаком ни в какую картинную галерею его не пустят.

— А я вот послезавтра на станцию Мохово за грибами собирался поехать. Не хотите со мной? — Эта

мысль о лесе и грибах возникла у него совершенно внезапно.

— Да, — ответила Таня. — Я очень люблю ходить по грибы. А где мы встретимся?

— Давайте вот здесь в семь утра.

Не воспользовавшись лифтом и не чувствуя тяжести шара, лежащего в рюкзаке, взбежал он на свой шестой этаж. И хоть встреча с Таней предстояла еще через день, Юрию захотелось немедленно привести себя в человеческий вид. Он старательно побрился, затем почистил ботинки. Потом, взяв неизбежную сумку с Константином, направился в ванную, чтобы выстирать там нейлоновую рубашку, а заодно и носки. В коридоре ему попался навстречу Вавик.

— Юра, я вчера, кажется, погорячился, — тихо сказал он. — Говорю вам от всей своей благородной души: заявления писать на вас я не стану. Но я надеюсь, что и вы не будете излишне распространяться о моих оптических путешествиях в мир прекрасного.

— Не буду, — кратко ответил Юрий.

И Вавик направился в свою комнату, напевая:

Раньше это знали лишь верблюды —
Шимми танцевали ботакуды,
А теперь танцует шимми целый мир!

На следующий день, встав возле комиссионного магазина, Юрий по дешевке, с рук, сбыл свой фотоаппарат, чтобы не на пустой карман ехать за город.

РАЗГОВОР В ЛЕСУ

Настало утро встречи, светлое и тихое. Когда Юрий вошел в сквер, Таня уже ждала его там. Она сидела на скамье и при виде Юрия сразу же встала и пошла на-

встречу. На ней было простое серое платье, в руке она держала сумку, куда положила плащ на случай дождя.

— Ну, в эту вашу авоську немного грибов поместится, — сказал Юрий.

— Зато у вас большой мешок, — с улыбкой ответила Таня. — Что в мешке? — Она слегка приподняла рюкзак, висящий за плечами у Юрия. — Ой, почему он такой тяжелый?

— Там болонья: вдруг погода испортится. И еще там у меня шар. Он очень тяжелый. Я его ношу нарочно, для тренировки, чтобы потом не уставать от ноши в туристских походах, — находчиво ответил Юрий. Но настроение его сразу же испортилось, и всю дорогу — когда они ехали в трамвае, а затем в электричке, он невпопад отвечал на Танины вопросы. Мысли о безграничной власти Константина над ним не давали ему покоя.

А еще больше помрачнел Юрий, когда они сошли на станции Мохово и углубились в лес. Этот лес напомнил ему тот, другой. Здесь тоже в одном месте пролегла на пути заросшая осинником траншея, и на полусгнивших кольях тоже висела ржавая колючая проволока. И тоже сперва были сосны, небольшая возвышенность, а потом началась низина. А потом и гроза пришла — как тогда. На этот раз в небе столкнулись крупные боевые силы. Вначале удары были короткие и негромкие. Но вот в дело вступила тяжелая небесная артиллерия — орудия БМ из Резерва Главного Командования. Шло решающее сражение. Небо гремело и полыхало. Доставалось и земле. Осколки свистели между ветвей, били по листьям. Откуда-то потянуло торфяной гарью. Юрий и Таня, накинув плащи, стояли под березой, укрываясь от града.

— Не повезло вам со мной, — хмуро сказал

Юрий. — И грибов пока что никаких не набрали, и в грозу опять попали. Вам не страшно?

— Чуть-чуть страшно, но и весело, — ответила девушка. — Но почему вы сказали «опять»?

— Это я оговорился. Для вас это не опять, а для меня — опять. С грозой у меня связано одно плохое воспоминание.

— Вы вообще очень грустный. Точно что-то все время давит на вас.

— Хотите, я расскажу, что на меня давит? Конечно, после этого вы презираете меня и отошлете навсегда — и правильно сделаете... Но у меня никого нет на свете, кто бы меня выслушал... Пожалуйста, выслушайте. А потом я провожу вас до города, и там мы навсегда расстанемся. — С этими словами Юрий вынул Константина из рюкзака. Тот, как всегда, повис в воздухе.

— Вот он, видите? Как, по-вашему, хороший или плохой этот шар?

— Вижу, — сказала Таня. — По-моему, он не хороший и не плохой. Он страшно чужой.

— Еще бы не чужой! Это ШВЭНС. Шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый. Я его прозвал Константином. Сейчас я расскажу, как я влип...

В это мгновение раздался оглушающе-близкий удар грома. Вершина ели метрах в ста от того места, где стояли Таня и Юрий, задымилась и рухнула вниз. Порывом ветра донесло смолистый запах дыма. Константин засветился розоватым светом, потом опять потемнел. От него отделилось ярко-зеленое световое кольцо и, расширяясь, устремилось в высоту. В тот же миг в темных тучах возникла круглая голубая промоина сечением примерно в полкилометра. Показалось солнце. Небесное сражение продолжалось, но над Юрием и Таней образовалась безгрозовая нейтральная зона.

— Это Константин охраняет нас от молний, — пояснил Юрий. — Вернее сказать, он охраняет только меня, больше ни до кого ему дела нет... А теперь слушайте... — И он без утайки поведал Тане о том, при каких обстоятельствах привязался к нему шар и как ему, Юрию, живется под властью шара.

Рассказ длился долго. Когда Юрий кончил печальное повествование, небесная битва уже шла к концу. Одна воюющая сторона одолела другую, и настал мир на всем небе. В лесу стало тихо, и слышно было, как поют птицы. Юрий поднял глаза на Таню и увидел, что по ее лицу текут слезы.

— Чего вы плачете? — спросил он. — Это мне надо плакать.

— Мне вас очень жалко, вот я и плачу, — ответила девушка. — Надо что-то предпринимать, так человеку жить нельзя.

— Чего ж тут предпринимать, — грустно возразил Юрий.

Он упрятал шар в рюкзак, туда же положил плащ и побрел через редколесье в сторону дороги. Таня пошла следом за ним, и вот что она сказала:

— Очень даже ясно, что надо предпринять. Надо честным трудом заработать десять тысяч и вернуть их шару. Положить их в такой же портфель и отнести на то самое место у дороги, где вы их нашли. Тогда шар отвяжется.

— Таня, я с самого начала считал, что взял эти деньги в долг у судьбы... Но как мне теперь вернуть этот долг?

— Конечно, столько денег накопить, наверно, нелегко, — задумчиво произнесла девушка. — Но я вам помогу. Через год я окончу техникум и буду неплохо зарабатывать.

— Спасибо, Таня... Но я-то как буду зарабатывать?

Журналиста из меня не вышло. По специальности я педагог, но на преподавательскую работу идти не могу: как я посмею учить людей, если совесть у меня нечиста!.. А на производство пойти тоже не могу: что я там буду делать с Константином? Остановят в проходной, спросят: «Покажи-ка, что у тебя в рюкзаке...»

— Юра, вам надо поступить на такую работу, где нет проходной.

— Да, я так и сделаю... Таня, вы не устали? Давайте, я понесу вашу сумку.

— Что вы, она совсем легкая... Ну, хотите — понесите. А вы дайте мне ваш рюкзак.

— Но он ведь тяжелый... Ну, попробуйте для забавы. Только не отходите от меня больше чем на три шага. А не то Константин вырвется из рюкзака.

Таня взвалила на плечи мешок и пошла рядом с Юрием. Вдруг она закричала:

— Ой, я вижу гриб! Наконец-то! Настоящий подосиновик! — И она торопливо направилась к грибу. До него было шагов восемь.

— Осторожно, Таня! — крикнул ей Юрий. — Шар сейчас...

Но шар оставался в рюкзаке. Девушка прошла пять, шесть, восемь шагов — шар оставался в рюкзаке.

— Таня, вы приручили его! — воскликнул Юрий. — Он не вырвался!.. Давайте сделаем еще один опыт. Снимите рюкзак, положите его на землю и шагайте ко мне.

Она положила мешок на мох и пошла налегке. Но едва сделала четвертый шаг, как шар вырвался из рюкзака и очутился в воздухе возле нее, а потом метнулся к Юрию. Тот огорченно вздохнул.

— Не печальтесь, — сказала Таня. — Когда приедем в город, я сделаю заплатку на вашем рюкзаке, а пока понесем шар в моей сумке.

— Я огорчен другим. Я вдруг понадеялся, что Константина можно будет оставить тут, в лесу, что я отделюсь наконец от него. А получилось гораздо хуже: не только я не отделался от него, а он еще и к вам привязался. Выходит, что теперь для Константина мы с вами два сапога пара.

— Ну что ж, теперь вам будет полегче, — спокойно ответила Таня.

— Но вам-то будет потяжелее. Вы не боитесь?

— Нет. Я рада помочь вам... И знаете, ведь пока что я живу в общежитии одна. Я могу взять к себе шар на пару дней, чтобы вы хоть немного отдохнули от него. Никто ничего не узнает.

— Спасибо, Таня... Только вот какой вам совет: пожалуйста, по вечерам задерживайте занавеску на окне. А то в нашем доме есть один любитель смотреть в чужие окна. У него и оптика всякая имеется.

— Спасибо, Юра, что сказали... Вот уж не думала, что кто-то подглядывает... Но занавески у нас кисейные; только одна видимость, что они дают невидимость... Между прочим, наше общежитие скоро переезжает в новое здание. А этот дом передают тресту «Севзаппрогустранс». В нем будет мужское общежитие.

Возвратившись с Таней в город, проводив ее до дверей общежития и вернувшись в свое жилье, Юрий впервые за много дней уснул без шара, висящего у изголовья. Но уснул не сразу. Хоть Константина и не было здесь, но сознание, что он существует в реальности и находится в данный момент у Тани, не очень-то радовало. «Зря я взвалил на нее эту неприятность, — думал Юрий. — Завтра отберу шар».

Утром послышался вежливый стук в дверь. Вошел Вавик.

— А где шарик? — ласково спросил он. — Я безумно соскучился по нашему общему круглому другу... Юра, не могли бы вы мне хоть немножко помочь в ускорении приобретения мною того оптического прибора, о котором...

— Вавилон Викторович, девушки скоро переедут в новое помещение. А в этом будет общежитие экскаваторщиков и слесарей-ремонтников.

— Какая ужасная весть!.. Рушится мир прекрасного!.. — И бедный старик с поникшей головой и слезами на глазах вышел из комнаты.

Вскоре раздался робкий звонок. Юрий открыл наружную дверь, и в прихожую вошла Таня. В руке она держала тяжелую сумку с шаром.

— Юра, вы удивлены, что я пришла к вам?

— Я обрадован, — тихо ответил он.

Войдя в комнату, Таня тотчас вынула шар, и тот занял привычную позицию в трех шагах от Юрия.

— Давайте сюда ваш рюкзак, я его залатаю, — сказала девушка. — И вот вам два рубля. Их мне выдал шар десять минут тому назад. А потом он сразу же направил на стену голубой луч и написал на стене ваше имя и адрес. Не успела надпись потускнеть, как я собралась к вам.

— Спасибо, милая Таня! Хорошо, что вы пришли, и хорошо, что вы принесли Константина. Все-таки он должен быть со мной, ведь на десять тысяч позарился я, а не вы.

— Юра, но когда вам необходимо отсутствие шара, вы будете на время сдавать его мне. Обещаете?

— Обещаю.

В тот же день Юрий записался на краткосрочные курсы кочегаров парового отопления, где полагалась стипендия, и Константин сразу же перестал выдавать

ему ежедневные два рубля. Этот переход на хозрасчет только обрадовал и Юрия и Таню. Окончив курсы, Юрий стал работать в котельной домохозяйства. А в свободное от дежурства время он ездил на станцию Ленинград-Навалочная, где трудился на погрузке товарных вагонов. В котельной он всегда дежурил с рюкзаком за плечами и всем говорил, что этот тяжелый рюкзак носит для тренировки, готовясь к дальнему туристскому походу. Отправляясь же на погрузочные работы, он нередко оставлял Константина на попечение Тани. Или, вернее, Таня сидела дома под надзором Константина.

Через полгода после достопамятной поездки в Мохово молодые люди расписались в загсе, и Таня переехала к Юрию. Свадьбу справили скромно, с пирожными, но без вина. Гостей званых не было. Только неизменный незваный гость — Константин присутствовал на этом безалкогольном брачном пире.

ШАР ИСЧЕЗАЕТ

Со дня свадьбы прошел год и несколько месяцев. Юрий и Таня жили очень дружно, но нельзя сказать, что очень счастливо, ибо постоянное присутствие Константина тяжело давило на их психику. Шар был все такой же: темный, холодный, всемогущий и всезнающий. Привыкнуть к нему нельзя было, как нельзя привыкнуть жить в одной комнате с атомной бомбой.

Хоть супруги зарабатывали совсем неплохо (теперь, окончив техникум, работала и Таня), но жили крайне скромно, отказывая себе во всем. Товарищи по работе и соседи по квартире считали их сквалыгами, придя к твердому выводу, что они жадные от природы. А Юрий и Таня никак не могли рассказать посторонним людям, почему они оба живут столь экономно.

Ведь это была их тайна. Они копили деньги, чтобы вернуть Константину десять тысяч и тем самым избавиться от его настырного присутствия.

Товарищи по работе считали двух молодых людей не только крохоборами, но и несимпатичными, скрытными, необщительными существами, замкнувшимися в своем тесном мирке. И немудрено: ведь молодожены никого не приглашали к себе домой, и сами тоже ни к кому не ходили в гости, не участвовали в туристских походах и вообще держались в стороне от людей. Люди не знали и знать не могли, что необщительность Тани и Юрия объясняется вовсе не их плохими душевными свойствами, а желанием сохранить в тайне существование Константина. Люди не знали, что Юрий и Таня сами очень страдают из-за своей вынужденной отстраненности от всеобщей жизни. В особенности тяжело переносила эту оторванность от людей Таня, веселая и общительная по натуре. Но она несла бремя этой тайны ради Юрия, которого любила. Тайна продолжала оставаться тайной.

Это произошло двенадцатого января.

Юрий шел домой после ночной смены. Невеселые мысли владели им в это зимнее утро. Он думал о том, что до сих пор они с Таней положили на сберкнижку только тысячу сто пятьдесят. Сумма, конечно, не маленькая, но чтобы откупиться от Константина, они должны накопить десять тысяч. Сколько же лет им еще предстоит прожить, во всем себе отказывая? Правда, со временем накопление пойдет быстрее, так как у него и у Тани зарплата станет больше, но все-таки... Себя Юрий не слишком жалел, но ему очень жалко было Таню. Она ходит в поношенных платьях, голубая ее шерстяная кофточка совсем вылиняла и протерлась на локтях, пальто давно вышло из моды. В кино за все

время совместной жизни были только три раза, о театре и разговора нет. Правда, Таня ни на что не жалуется, но он-то понимает, что ей не сладко. Ведь так вот и молодость пройдет...

Шагая к дому наискосок через заснеженный сквер, Юрий поднял глаза и увидел в своем окошке свет. Это его встревожило. Таня к этому времени должна уже уйти на работу. Не заболела ли? Он ускорил шаг, потом побежал. Вот и парадная. Вот лифт. Как медленно он поднимается!

Когда он вошел в комнату, Таня, понурившись, сидела у стола. Глаза у нее были заплаканные. Перед ней лежало какое-то письмо. Юрий машинальным движением снял со спины рюкзак и выпустил Константина. Тот привычно повис в воздухе.

— Таня, что с тобой? Ты не захворала?

— Нет. Но я ждала тебя. Вот прочти. Это от тети Вари, из Пскова, — она протянула Юрию листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком.

— Ты, Таня, сама скажи мне, в чем дело.

— У тети Вари сгорел ее дом и все имущество. Она уже неделю живет у соседей, в какой-то проходной каморке... А муж ее сразу же ушел к прежней жене... Тетя теперь совсем одна. Мне ее очень жаль, ведь она растила меня, ничего не жалела... Понимаешь, она просит у меня тысячу в долг. Но я знаю, что отдать-то она не сможет.

— Но неужели ей на работе не помогут?

— Конечно, помогут. Ей уже дали ссуду. Но ведь у нее все-все сгорело, и домик, и все-все... И застраховано у нее ничего не было.

Юрий закурил «Памир» и стал шагать по комнате — от окна к двери и обратно. Шар следовал за ним. Потом Юрий сел на кровать и, жадно затягиваясь, минуты две смотрел на Константина, висящего от него в

трех метрах на уровне глаз. Потом перевел взгляд на Таню; она все так же сидела у стола в своей потертой, когда-то голубой, а теперь бог весть какого цвета кофточке. Потом встал, закурил вторую сигарету, сказал:

— Таня, ты иди на работу, а то зачтут прогул. А я вздремну до одиннадцати.

— Почему до одиннадцати? — каким-то растерянным голосом спросила Таня.

— Так ведь сберкасса открывается только в одиннадцать. А потом я схожу на почту. Каким переводом послать: почтовым или телеграфным?

— Телеграфным... Спасибо, Юра. Я ничего другого и не ждала от тебя... Но теперь нам придется копить деньги заново. Ты выдержишь?

— С тобой — да!

В это мгновение вокруг Константина возникло неяркое, тихо вращающееся кольцо. Из кольца выделился голубой луч и начал двигаться по стене, оставляя на ней четкие, постепенно гаснущие слова:

Отбываю ЗПТ убедившись в ценных душевных качествах рядового жителя данной планеты ТЧК
Отныне Земля будет внесена в реестр планет ЗПТ
с которыми возможен дружественный контакт ТЧК
Благодарю за внимание

Затем шар поднялся выше, приблизился к окну, выдвинул из себя две черные рейки. Те потянулись к форточке; и через мгновение шар, вобрав в себя рейки, очутился за окном. Затем сперва очень медленно, а потом всё быстрее и быстрее ШВЭНС стал удаляться от окна, от дома, от улицы, от города, от Земли. Некоторое время еще виден был светящийся след, пролеглий над сквером, над дальними крышами и косо уходящий в небо, к звездам.

Потом и след растаял.

КОГДА Я БЫЛ РУСАЛКОЙ

1. МОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Начну с того, что тогда я был молод и ставил перед собой более обширные задачи, нежели теперь. Я учился в техническом вузе и писал стихи о дружбе, любви и окружающей природе. Я охотно читал их своим однокурсникам, дабы привить им любовь к поэзии.

Но, как и у Леонардо да Винчи, мой рост шел не только по линии художественного творчества, но и по линии изобретательства. Той зимой я разработал проект пишущей машинки, на которой можно работать не только руками, но и ногами. Клавиатура предполагалась в два яруса: на уровне стола — для рук, на уровне пола — для ног. Я высчитал, что после трехмесячной тренировки любой грамотный человек сможет печатать на моей машинке всеми двадцатью пальцами, и это вдвое повысит производительность труда. Помимо прочих благ, массовое внедрение в жизнь пишущих машинок класса «руки — ноги» сулило новый взлет гигиены и подъем мыловаренной промышленности. Ведь каждый работающий на такой машинке должен был перед началом трудового процесса снимать обувь и носки; чтобы не ударить лицом в грязь, он вынужден был бы чаще мыть ноги.

Отослав в Бюро изобретений свою заявку, я стал ждать отзыва. Ответ пришел в первый день летних каникул. Увы, под разными предложениями мой проект был отклонен. И тут я понял, что могу одержать победу над косностью лишь тогда, когда создам действующую модель машинки. Однако для этого нужны деньги. На стипендию не развернешься. Где добыть денег?

В трудном раздумье сидел я в тот вечер в своей шестиметровой комнатке на седьмом этаже дома по Среднему проспекту. Мои размышления были прерваны стуком в дверь.

— Вася, тебя к телефону! — тревожным голосом сообщила старушка соседка. — С эсминца какого-то вызывают!

Радостно побежал я по коридору в прихожую. Я знал, что старушка ошиблась, к военно-морскому флоту этот звонок не имел никакого отношения. Меня вызывал поэт Эсминец. Эсминец — значит решительный, стремительный, не боящийся трудностей. Это был его псевдоним. Он писал стихи, в которых критиковал расстратчиков, осуждал нечеткую работу бань и пивных. Он обильно печатался и, кроме того, вел литературную консультацию в одном полутехническом журнале, при котором имелась литературная страничка. Я уже два года еженедельно носил туда стихи, и Эсминец утверждал, что со временем может появиться некоторая надежда на их опубликование.

Но оказалось, Эсминец позвонил мне по иному поводу, тоже весьма приятному. Ему предложили горящую путевку в санаторий «Морская пена» в Ялте, и завтра он уезжает. В его отсутствие кто-то должен вести устную консультацию, но ему не хочется, чтобы это место, даже временно, оседлал кто-либо из его собратьев по перу. Ведь все они завидуют его таланту, и каждый норовит навредить. Поэтому он решил выдвинуть на эту временную должность человека нейтрального, который не держит утюга за спиной, но в то же время что-то смыслит в поэзии. И выбор пал на меня.

Я, конечно, немедленно выразил свое согласие. И Эсминец сказал, чтобы завтра я явился в редакцию.

2. ДРАЗНИТЕЛЬ СОБАК

Воистину, удача никогда не приходит одна!

Едва я отошел от телефона, как в прихожей послышался звонок. Один короткий, два длинных, один полу-

короткий и один полудлинный — это были мои квартир-ные позывные. Ко мне явился мой школьный друг, которого я в дальнейшем буду сокращенно называть ДС (Дразнитель Собак). Месяца три тому назад мы с ним крупно поссорились на почве непонимания им моих стихов, и он как в воду канул. Но я догадывался, что дело тут не в ссоре. Последние месяцы все свободное время, моего друга уходило на ухаживание за неведомой мне Тосей, которую он характеризовал как Хрупкую Блондинку и которую в дальнейшем я буду именовать ХБ.

ДС учился в гуманитарном вузе и успешно изучал логику. Он был очень начитан. А во время каникул он дополнял свою стипендию тем, что работал Дразнителем Собак. В те годы на одном из пустырей Крестовского острова происходили занятия собачьих групп. Собаководладельцы приводили туда своих псов, и животные под руководством опытных дрессировщиков приобретали различные нужные навыки. Роль же дразнителя заключалась в том, что на нем собаки практически отрабатывали свою готовность служить хозяину (хозяйке) верой и правдой. В толстом ватном халате до пят, в растрепанной шапке-ушанке ДС в заранее условленном месте из-за куста бросался на владельца пса, сопровождая свой бросок агрессивными жестами и хулиганскими выкриками. Пес, обороняя хозяина, с лаем кидался на ДС, вцеплялся зубами в халат, обращал в бегство и преследовал мнимого хулигана, укрепляясь в сознании своей смелости и моральной правоты. Если какая-нибудь слишком ретивая и длиннозубая собака прокусывала спецодежду и оставляла на теле ДС след укуса, то дразнителю сверх зарплаты полагалась от собаководладельца немедленная компенсация. Эти дополнительные деньги утешали укушенного и в то же время побуждали его к более активному дразнению.

ДС явился ко мне с деловым предложением. На Крестовском острове при доме отдыха организована лодочная станция, и требуются два ночных сторожа. Мой друг уже оформился и предлагает и мне завтра же устроиться туда на работу.

Условия меня вполне устраивали. ДС сказал, что завтра сведет меня на лодочную станцию. Меня оформят, и мы будем стеречь лодки вместе.

— Выходит, ты уже не работаешь дразнителем? — спросил я друга. — Ты боялся, что ХБ может не очень понравиться эта твоя работенка.

— Нет, дежурства на станции я буду совмещать с дразнительством. Я не покину своих собачек! И Тося совсем не против дразнения. Когда я признался ей, каким способом зарабатываю деньги, она сказала, что не хочет меня стеснять... Какая у нее чуткая душа! А компенсацию я отдаю ей на хранение.

3. ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

На следующее утро ДС зашел за мной. Он явился с рюкзаком, в котором лежали халат и шапка; моему другу предстоял большой дразнительный день. Мы направились на лодочную станцию, которая базировалась на Невке, совсем недалеко от площадки, где дрессировали собак, что весьма устраивало дразнителя.

Директор станции провел со мной короткое собеседование. Спросив, не доводилось ли мне участвовать в похищении лодок и услышав мой отрицательный ответ, он проверил мой паспорт, поглядел мне в глаза и велел дышать. Убедившись, что от меня не пахнет спиртным, он обрадовался и зачислил меня на работу.

Мы распростились с ДС до вечера, и каждый пошел по своим делам: он — дразнить собак, я — консультировать начинающих авторов.

Когда я явился в редакцию, Эсминец отвел меня в кабинет редактора, и тот, задав мне ряд общелитературных вопросов, сказал, что я, кажется, пригоден.

— Но нужен подход, подход и подход! — предупредил он. — Не всех можно печатать, но никого нельзя обижать!

Я ответил, что чего-чего, а подхода во мне хватит на десятерых.

Затем Эсминец провел меня в знакомую мне большую комнату и указал на кресло. Здесь предстояло сидеть мне. Прежде я сидел по ту сторону стола, прежде я был консультируемый — теперь я стал Консультантом. «И это справедливо и закономерно! — подумал я. — Именно здесь мое место, по эту сторону стола!»

— Учтите слова редактора, — напомнил Эсминец. — Нужно быть тактичным со всеми. — Затем, переходя на дружеское «ты», он тихо сказал: — Только не вздумай подкапываться под меня! Помни: поднявший утюг от утюга и погибнет!

Я поклялся ему, что никаких подкопов с моей стороны не будет. Эсминец успокоился и, вынув из кармана помятую бумажку, протянул ее мне.

— Возьми и руководствуйся! Я составил список наиболее опасных авторов. Знай, что на сотни нормальных, скромных людей, посещающих редакцию, приходится примерно пяток-десяток агрессивных графоманов. Их бойся!.. Ну, мне пора на вокзал.

Прежде я и думать не думал, что работа литконсультанта сопряжена с опасностью. Я бывал здесь неоднократно, но при мне никаких эксцессов не происходило. Правда, из уважения к моему творчеству Эсминец меня никогда не задерживал долго и пропускал вне очереди.

Я развернул бумажку. Там синими чернилами было набросано торопливо и не совсем связно:

Кого опасаться:

1.) Старичок с палкой. Оды и элегии. Слушать стоя! Обещал применить!

2.) Брюнетка с альбомом. Интимная лирика. Слушать внимательно! Плюет в уши.

3.) Человек с татуир. Хлипкий, но опасный! Стихи о роковом детстве. Плакать! Держать связь с вахтером.

4.) Рыжий нетрезв. мужч. Юморист. стихи. Смеяться от души! Применял джиу-джитсу.

5.) Автор с бочкой. Стихи о зверях. Такт! Любит подробный разбор. Примен. стулья.

Под этим роковым списком наискосок шла крупная надпись красным карандашом: ОДЕКОЛОН!!! Из этого я понял, что поэт по фамилии Одеколон куда страшнее пяти предыдущих и что именно против него мне надо крепить оборону. Не скрою, позже выяснилось, что Эсминец сделал эту запись для себя лично, чтобы не забыть купить флакон одеколона перед отъездом на курорт. Но я-то этого тогда не знал! И, естественно, я счел, что этот Одеколон — графоман с очень агрессивными наклонностями. Притом я даже не знал, кто он — мужчина или женщина, ибо такая фамилия могла принадлежать и поэту Одеколону и поэтессе Одеколон. Угроза исходила от любого вошедшего и от любой вошедшей!

И вот настало время приема.

В двери показался юноша опасного телосложения с тетрадкой в руке.

— Стой! — сказал я твердым голосом. — Признайся честно: ты не Одеколон?

Он робко назвал совсем другую фамилию. Успокоенный его мирным поведением, я пригласил его к столу. Полистав тетрадь, я тактично посоветовал ему учиться на лучших образцах поэзии и стал читать ему

наизусть свои произведения. Но тут, один за другим, вошли сразу семь авторов. Опросив каждого, не Одеколон ли он (она), я провел быструю литконсультацию. Затем, чтобы этот день навсегда запечатлелся в их памяти, я продолжил чтение своих стихов. Но не прочел я и десяти стихотворений, как авторы начали покидать комнату. Им хотелось поскорей остаться наедине с переживаниями, навеянными моим творчеством.

Вдруг из коридора послышался грохот. Я подумал, что это приближается Одеколон. Но вот в комнату, катя перед собой пустую железную бочку, вошел толстый мужчина. Я понял, что передо мной «Автор с бочкой», который любит подробный разбор. Он поставил бочку на попа, влез на нее и начал читать стихи. Начинались они так:

Пойду я ночью в зоосад,
Ключ подберу от барсенала,
Всех барсов выпущу, барсят —
И поведу их вдоль канала,
Чтоб ты любовь мою поняла.

Выслушав все стихотворение, я приступил к разбору. Я поинтересовался, что такое «барсенал».

— Да ясно же, это где барсы живут! — воскликнул автор. — Барсячье помещение... Разве плохо придумано? Вроде арсенала, только там не оружие, а барсы.

Я спросил его, вдоль какого канала поведет он барсов. Он ответил, что имеется в виду Крюков канал, где живет одна его знакомая. Тут он спрыгнул со своей эстрады и подошел к плану Ленинграда, который висел на стене. Мы стали разрабатывать наиболее краткий и надежный маршрут, по которому надо вести барсов. Затем поэт предложил мне встать на бочку и прочесть несколько моих произведений. Он не шевелясь выслушал пять стихотворений, затем сказал: «Вижу со-

дневных дежурных, пересчитал лодки и стал ждать дразнителя. Хоть то была пора белых ночей, но река казалась темной и таинственной. Я ходил по бону, стараясь держаться посередине, подальше от воды.

Наконец появился ДС. Он пришел на плот прямо с собачьего полигона и сразу, сняв халат и шапку, стал смазывать укусы йодом. Лицо его сияло: план по укушениям был выполнен с превышением. Но сидеть он не мог.

— В прошлом году твой дразнильный халат был длиннее, — сказал я ему.

ДС ответил, что халат укоротила ХБ, заботясь о нем и о получаемой им компенсации.

— Юра, что ты знаешь о русалках? — спокойным голосом спросил я.

— Русалки, они же на юге России — мавки и майки, они же — наяды, ундины, сирены, лорелеи и нерейды, прочно вошли в художественную литературу всего мира. В каком аспекте тебя интересуют эти существа?

— На данном этапе моей жизни литературно-художественные русалки меня не интересуют, — ответил я. — Я хочу навести у тебя справку о самых обыкновенных, нормальных русалках. И вообще — есть ли они? Быть может, это плод суеверия?

— Всякое суеверие зиждется на каком-либо неверно истолкованном реальном явлении, — ответил ДС. — Понятие «русалка» донесено к нам фольклором из глубокой древности, причем без упоминания о наличии у нее хвоста. В дальнейшем сказочники и поэты «приделали» ей хвост. Если же умозрительно рассмотреть современную рядовую русалку, то мы, очевидно, увидим человека, спонтанно приспособившегося к обитанию в водной среде. Я хочу подчеркнуть, что русалки не способны к популяции. Русалками не рождаются, в них превращаются. Вывод: чтобы стать русалкой, надо уто-

нуть. Однако далеко не всякий утонувший становится русалкой. По-видимому, биологический механизм, автоматически переключающий организм на жизнь в водной среде, генетически закодирован не в каждой особи... Но почему тебя заинтересовал этот вопрос?

— Юра, дело в том, что поступил письменный сигнал, будто я русалка. Но я даже плавать не умею!

— Именно неумение плавать повышает твои шансы стать наядой, — беспристрастно изрек ДС. — Ведь твои возможности в отношении утопаемости шире, нежели у умеющего плавать.

— Но я вовсе не хочу идти в русалки! У них женские данные, а я — мужского рода. У них длинные волосы, а я стригусь под бокс.

— В древности зарегистрированы визуально не только русалки-женщины, но и русалки-мужчины, так называемые водяные. Но воспевать русалок-женщин куда интереснее, чем русалок-мужчин. И вот водяные были забыты. Постепенно понятие «русалка» стало понятием собирательным и включило в себя и собственно русалок, и водяных. Возьмем понятие «собака». Когда я говорю, что меня укусила собака, я вовсе не утверждаю этим, что меня укусила именно сучка. Ибо хоть слово «собака» женского рода, но понятие «собака» суть общевидовое определение и вмещает в себя всех собак обоего пола. Поэтому, если поступило сообщение о том, что ты русалка, ты должен подойти к этому факту с должной объективностью.

— Но я не хочу переключаться на русалку! — резко возразил я ДС. — Я нужен человечеству на суше!

Он ничего не сказал в ответ. Все кругом молчало. Раздавленный неопровержимыми логическими построениями своего друга, я был охвачен тревогой. В голове сами собой начали складываться певучие строки:

Раскудахтались мрачно филлины,
Потемнела морская даль,
В мозговые мои извилинны
Заползла гадюка-печаль.

С берега послышались тяжелые шаги. ДС встрепенулся и стал торопливо одеваться.

— Это Тося! — радостно сказал он. — Какое счастье быть любимым!

Дошатаый бон закачался, когда рыжая гражданка агрессивного телосложения ступила на трап. Так вот какова ХБ!.. Чтобы не смущать влюбленных, я спешно удалился в кассу-сторожку и, закрыв за собой дверь, задумался о своих неприятностях... Опасность стать русалкой и возможность пасть от руки Одеколоне... Надо завтра же послать Эсминцу телеграмму с оплаченным ответом и запросить все данные об Одеколоне: пол, возраст, особые приметы и род оружия.

Мои размышления были прерваны стуком в дверь.

— Выходи, Тося уже ушла, — сказал ДС. — Ты видел ее?

— Видел. Не такая уж она хрупкая и не такая уж блондинка.

— Что ты понимаешь!.. Я чистокровный атеист, но когда вижу ее, готов поверить в ангелов! Представь себе, она унесла мой дразнильный халат, а завтра сама принесет его мне. Теперь по ночам на нем будет спать ее домашняя кошечка.

— Какая забота о кошках! — высказался я.

— Забота о людях! Забота обо мне! — воскликнул ДС. — Ведь, поскольку от халата будет пахнуть кошкой, активность собак резко повысится.

Утром, возвращаясь домой с дежурства, я зашел на почту и послал Эсминцу задуманную телеграмму. Ответ пришел в тот же день к вечеру. Увы, Эсминец, как видно, не понял моей депеши и принял ее за подкоп, ибо

телеграмма его была такова: **ИНДИЙСКАЯ МУДРОСТЬ ГЛАСИТ ДВОЕТОЧИЕ КАПАЮЩИЙ НА БЛАГОДЕТЕЛЯ ПОДОБЕН ЗМЕЕ У ЛИЦА СПЯЩЕГО ТЧК ЭСМИНЕЦ.**

5. ОПАСНАЯ ПОПЫТКА

В этот день в городе стояла жара, и из-за этого никто не шел ко мне на консультацию. Тогда, покинув свое кресло, я отправился бродить по редакции, дабы изучить топографию местности и выяснить путь отступления на случай стычки с Одеколом. Случайно я забрел в машинописное бюро, где сидели две симпатичные машинистки. Чтобы расположить их к себе, я объявил, что для них настал час поэзии. Обе прервали работу и обратились в слух. Я читал им с большим эмоциональным напором и вскоре заметил, что они заразились моим творческим волнением. Одна побледнела, и по щекам ее покатались неподдельные крупные слезы; другая начала дрожать мелкой детской дрожью и ритмично полязгивать зубами. Потом, переполненные впечатлениями, обе, согнувшись, выбежали из комнаты.

Я довольно долго ждал их, чтобы продолжить чтение. Но они все не шли. Тогда, чтобы не тратить времени впустую, я решил, что, поскольку моя действующая модель еще не создана, я могу пока потренировать пальцы ног на обыкновенной машинке. Для этой цели я поставил одну из машинок на пол, затем снял ботинки и носки, аккуратно засучил брюки и, сев на стул, приступил к тренажу. Ноги плохо слушались меня, но лиха беда начало. Первобытному человеку нелегко было действовать даже руками, а потом все наладилось.

К сожалению, этот учебно-познавательный процесс был прерван появлением машинисток. Они вошли в ком-

нату и сразу с визгом бросились обратно. Я босиком побежал за ними по коридору, чтобы растолковать суть дела. Но они забежали в какую-то кладовку, заперлись там и стали звать на помощь. Чтобы успокоить их, я, стоя перед закрытой дверью, начал громким голосом читать им свои лучшие произведения. Но даже это не подействовало! Они продолжали жалобно кричать.

На шум сбежались сотрудники редакции, а затем меня вызвал редактор. Он сразу же объявил, что в моих услугах более не нуждается. Он вменил мне в вину не только происшествие с машинистками, но и то, что якобы молодые авторы жаловались на меня, будто я не слушаю их стихов, а до упоминания зачитываю своими.

Деньги за проведенную мною работу выплатили мне немедленно. Я вышел на улицу не в таком уж плохом настроении. Пусть меня здесь не поняли и не оценили, но зато теперь я был избавлен от встреч с опасными графоманами, перечисленными в списке Эсминца.

Меж тем наши ночные дежурства продолжались. Днем ДС по-прежнему работал с собаками. Теперь он ходил на дразнение в легком сатиновом капотике, который ХБ выделила ему из своего гардероба. Кривая укушений ползла вверх, но это уже не радовало моего друга. Он сообщил мне, что ХБ познакомилась с доцентом собаководения и теперь только о нем и говорит. У маститого псоведа отдельная квартира, два патефона, и к тому же он недавно развелся. Я, в свою очередь, признался ДС, что работа на лодочной станции стала для меня пыткой, ибо возле воды опасность стать русалкой подступает ко мне вплотную. Меня тянет в безводные просторы Каракумов, и только долг перед человечеством удерживает меня здесь.

6. РУСАЛКА НА МИГ

Этот день запомнился мне навсегда. По небу торопливо бежали рваные облака. Трамваи через Васильевский не шли: на Большом проспекте порывами ветра повалило несколько деревьев, и они порвали контактный провод. Я прибыл на дежурство с опозданием. Лодки, звеня цепями, бились о бон. С залива шла большая волна. ДС, опустив голову, стоял на качающемся плоту.

— В такую погоду твоя ХБ вряд ли придет сюда, — сказал я ему с дружеской подковыркой.

— Она больше никогда не придет сюда, — грустно заявил ДС. — Вчера она вышла замуж за доцента собакологии.

— А деньги она тебе вернула? Ты должен пожертвовать их на создание машинки «руки — ноги»!

— Ах, мне не до того!.. Тося сказала, что деньги она оставит себе, чтобы они не вызвали во мне грустных воспоминаний о наших счастливых днях... Сколько в ней душевной чуткости!..

На глазах моего друга показались слезы.

Чтобы утешить ДС, я начал читать ему свои стихи. Я знал, что он недопонимает мои произведения, но надеялся, что в эти трудные для него минуты они дойдут до его сознания и помогут ему обрести бодрость. Громко и отчетливо, перекрывая голосом шум ветра и плеск волн, я прочел восемь стихотворений, а затем и девятое, которое приведу здесь полностью:

Собака сторожила гладнолусы,
Маячило ей счастье впереди,
И ветер на собаке гладил волосы
И ей шептал: «С надеждой вдаль гляди!»

Но грянул град, помялись гладнолусы,
Их качественность снижена была.

Собака взвyla ненормальным голосом —
И умерла!

ДС эти строки потрясли, они оказали на него даже слишком сильное действие. Он вдруг затрясся, замахал руками и двинулся на меня. Мне стало страшно, мне почудилось, что передо мной Одеколон. Забыв, где нахожусь, я сделал два шага назад — и упал с бона в воду.

Я очутился в большой затонувшей барже, на четверть занесенной песком. В ней сидели русалки обоего пола. Хвостов ни у кого не имелось. Все были одеты не модно, но вполне пристойно. Некоторые жевали пучки водорослей, другие переговаривались между собой по пальцевой системе, принятой у глухонемых и у наяд; я почти все понимал.

Оказывается, я попал на собрание по распределению жилплощади. Пожилой мужчина-русалка, сидевший в президиуме на корме, встал и сделал сообщение, что вчера в заливе на глубине восьмидесяти метров затонул пассажирский пароход. Команда и пассажиры погибли, поскольку сели в спасательные шлюпки и высадились на берег; спасся только кок, поскольку, будучи в состоянии опьянения, пошел на дно вместе с судном и превратился в русалку. Предстоит распределить семьдесят три каюты.

Кок-русалка в модном заграничном дождевике, уже совершенно трезвый, попросил слова. Он потребовал для себя капитанскую каюту и должность управдома. Заявление было принято к сведению. Затем выступила молодая наяда. Она сообщила, что живет в коммунальном трюме древней галеры, и просила улучшить жилищные условия. Но вслед за ней сразу поднялась старушка русалка и поведала о ее плохом поведении в быту.

Тут до меня дошло, что подводная общественность еще не знакома с моим творчеством. С этой мыслью я

немедленно поплыл в президиум и встал лицом к публике. Все замерли, готовясь приобщиться к моей поэзии. И тут произошла досадная накладка. Поскольку я находился под водой, голосом читать стихи я не мог. А когда попробовал передать их зрителям посредством азбуки глухонемых, я не смог движениями пальцев выразить всю напевность и глубину своих произведений. Публика начала торопливо расплываться в разные стороны. Президиум тоже уплыл. Я остался один. В глазах потемнело, я потерял сознание.

Очнулся я на плоту. Меня тошнило водой, я лежал на досках, дрожа от холода, во всем теле была слабость.

— Наконец-то очухался! — услышал я над собой голос ДС. — Я уже четверть часа делаю тебе искусственное дыхание! Три раза нырял за тобой, еле нашел! Срывающимся шепотом поведал я другу свои подводные переживания и обиды.

— Значит, прогноз о твоих возможностях превращения в наяду был ошибочным, ибо прочного контакта с подводным миром реализовать ты не смог, — сказал ДС. — Не спорю, какие-то мгновения ты был как бы русалкой, однако решающего биогенетического переключения организма на естественное обитание в водной среде не произошло, что едва не привело тебя к летальному исходу.

— Зато теперь твердо установлено, что я не русалка! Как это хорошо! — с облегчением прошептал я. — Ведь там, под водой, никому не нужна машинка типа «руки — ноги» и там никто, никто не поймет и не оценит моих стихов...

СОДЕРЖАНИЕ

«Полувероятные истории» Вадима Шефнера, предисловие А. Липелиса	3
Скромный гений	11
Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного	35
Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала	139
Круглая тайна	193
Когда я был русалкой	255

Шефнер, Вадим Сергеевич

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ. М., «Молодая гвардия», 1974.
272 с. (Библиотека советской фантастики).

P2

Редактор **Б. Клюева**
Художник **Н. Кузнецов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Л. Курлыкова**
Корректоры: **З. Федорова, Л. Четыркина**

Сдано в набор 20/IX 1973 г. Подписано к печати 2/1 1974 г. А01203.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 1. Печ. л. 8,5 (усл. 11,9). Уч.-изд.
л. 11,7. Тираж 100 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 1469. Т. П. 1974 г.,
№ 160.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

